

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

На правах рукописи

Цзюй Куньи

**«Харбинский текст» несказочной (исторической) прозы первой половины
XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие**

Специальность: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Науч. руководитель
проф., д. филол. н., Забияко А.А.

Благовещенск 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Несказочная (историческая) проза как вербальная часть «харбинского текста» русской культуры.....	25
1.1 Несказочная (историческая) проза Харбина первой половины XX в. (онтологически основы).....	25
1.2 Специфика несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в.; методика ее собирания и изучения.....	43
1.3 Жанры несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в.: прагматический и семантический аспекты дифференциации.....	58
1.4 Антропологический аспект изучения несказочной (исторической) прозы Харбина	69
Глава 2. Тематико-сюжетный репертуар устных рассказов-меморатов харбинцев.....	79
2.1 Семейная история в устных рассказах харбинцев: темы и сюжеты.....	79
2.1.1 История рода как история «исхода из родных мест».....	79
2.1.2 Повседневная жизнь в Харбине.....	95
2.2 Образование и воспитание харбинцев первой половины XX в. в устных рассказах: темы и сюжеты.....	98
2.3 Религиозный и праздничный быт харбинцев первой половины XX в. в устных рассказах: темы и сюжеты.....	116
2.4 Русские, китайцы, японцы в Харбине: темы и сюжеты.....	132
Глава 3. Тематико-сюжетное своеобразие харбинских рассказов-фабулатов.....	157
3.1 Мифологические рассказы и легенды о Николае Угоднике как часть русского «харбинского текста» несказочной прозы.....	157
3.2 Сюжет о «харбинском дедушке»: китайская модель трансформации мемората в фабулат в «харбинском тексте» несказочной прозы.....	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	187
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	191
ПРИЛОЖЕНИЕ Фотографии информантов.....	240

ВВЕДЕНИЕ

Фольклорный репертуар жителей Харбина начинает складываться с момента основания этого уникального города, возникшего в 1898 г. на месте узловой станции Китайской Восточной железной дороги и ставшего в 20–40-е гг. XX в. центром дальневосточного зарубежья. Его жанровый состав формируется под воздействием исторических событий, социокультурных, этнорелигиозных, политических обстоятельств, связанных с освоением русским и китайским населением этого края и самой онтологией «международного, фантастического, русского»¹ города посреди маньчжурских степей и болот. Строительство КВЖД привлекает на территорию дальневосточного порубежья (фронтира)² представителей самых разных социальных слоев и этносов как с западной, восточной части Российской империи, так и пассионариев из Центрального и Западного Китая, решивших искать на этих пространствах, населенных тунгусо-маньчжурскими этносами, успеха и процветания. Изначально харбинское население формируется за счет российских инженеров, военных, путейцев и их семей, крестьянского населения, китайских рабочих, крестьян и местных маньчжуров-таежников. Порубежность изначально определяет ментальность населения этого края – с преобладанием этнических особенностей, определяющих культурные традиции разных народов.

Однако доминирующую роль в формировании харбинской культуры играет городское население, получившее образование в России и Европе, имеющее большой культурный и образовательный запрос. Приоритетными формами городской культуры становятся искусство, литература, публицистика. Потому ядро городского текста фольклора Харбина формируется на основе традиционных классических форм фольклора, но транслируется уже через некий культурный

¹ Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова) // Заря. Харбин, 1926. 1 февр.

² Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–10.

фильтр образованного в своей основе населения. Социально-политические трансформации в России и Китае первых трех десятилетий XX в. («боксерское восстание»), русско-японская война, Синьхайская революция, Первая мировая война, Октябрьская революция приводят к усилению, с одной стороны, русскости как категории самовосприятия себя выходцами разных этнических групп из России, с другой стороны, повышают статус китайскости – в противовес японскому влиянию и репрессиям.

После окончания «русского этапа» развития Харбина в 1949 г. и в результате «культурной революции» состав харбинских жителей меняется кардинально: русское население рассеивается по другим странам и континентам (СССР, Австралия, Америка), китайское трансформируется за счет интенсивного притока в город крестьянского и рабочего населения из других северо-восточных провинций. Зафиксированная в исторических, литературных, публицистических, позднее – мемуарных текстах жизнь Харбина и его населения становится доступной исследователям только спустя два десятилетия после окончания «культурной революции» в период начавшейся в СССР перестройки. Фольклорный же пласт «харбинского текста» исторической прозы востребуется исследователями лишь в последнее десятилетие – и то в качестве вспомогательного материала для исторических либо политологических реконструкций. За это время основные носители фольклорной прозы ушли из жизни, остались лишь немногочисленные их потомки. Потому устные рассказы об освоении Северной Маньчжурии, постройке, заселении Харбина и жизни в нем в первой половине XX в. остались в рудиментарной форме либо в качестве литературно обработанных текстов – былей, сказов, легенд (Я. Лович, А. Несмелов, Н. Байков, П. Шкуркин, Вс.Н. Иванов и др.), либо в качестве «мифологизированного знания» потомков первого поколения харбинских жителей, живущих ныне в основном за пределами Китая, и их собственных устных рассказов.

В настоящее время эти нарративы в своем сложном этнокультурном и географическом единстве и жанровом своеобразии составляют уникальный пласт

городского фольклора Харбина первой половины XX в. – как свидетельство социальной, духовной, религиозной, бытовой жизни этого города, получившего метафорическое определение «Русской Атлантиды» (Э. Штейн).

Актуальность темы исследования определена тем, что она направлена на изучение «харбинского текста» русской культуры с точки зрения сказочной (исторической) прозы. Городской фольклор харбинских жителей как специфический пласт народной культуры и духовного наследия становится основой сохранения этнокультурной самобытности жителей этого многонационального города в первой половине XX в.

Следовательно, актуальность темы – в историческом аспекте фольклористического исследования, выраженном в собирании, типологизации, функционирования, трансформации (деформации) жанров и жанровой системы сказочной (исторической) прозы Харбина, отражающих этапы формирования, развития и угасания русской культуры в Харбине. Изучение сказочной (исторической) прозы жителей Харбина указанного периода дает возможность полноценной реконструкции сложных процессов этнической идентификации харбинцев в синхроническом и диахроническом аспектах.

В теоретическом аспекте диссертация затрагивает саму природу устного народного творчества, особенности возникновения, бытования и функционирования отдельных фольклорных жанров, их семантику и прагматику, а также особенности взаимодействия инокультурных традиций (русской/китайской) в образно-тематическом строе, сюжетике и самом жанрообразовании.

Данное исследование сквозь призму сказочной прозы обращено к истории повседневности русского периода Харбина, а также к образам взаимовосприятия русских и китайцев как представителей основных этнических групп, метисированным потомкам харбинцев и проблемам их этничности – тем самым

отвечая современным тенденциям в развитии современной фольклористики, тесно интегрированной с историей, этнографией, имагологией, лингвистикой³.

В настоящее время осознание ценности устных рассказов жителей Харбина приходит и к китайским исследователям – мемораты (семейные, о повседневной, праздничной, религиозной жизни харбинцев) становятся ценными источниками создания устной истории. «Именно благодаря вмешательству документов устная история может быть отделена от других устных традиций и быть уникальной. Устная история, сочетающая документальную и устную, является основным показателем, отличающим устную традицию от антропологии и фольклора⁴. Устные рассказы русских жителей, представляющие семейные мемораты об исходе предков из России, о жизни в русско-китайском окружении и исторических перипетиях XX в., создают не просто личную историю и историю семьи наших рассказчиков, но часть истории русских в Китае как часть китайской истории.

Степень научной разработанности проблемы:

Базовыми текстологическими, жанрологическими трудами по фольклористике, определившими исследовательскую логику, стали работы Б.Н. Путилова⁵, Е.М. Мелетинского⁶, С.Ю. Неклюдова⁷, Ф.М. Селиванова⁸, Н.И. Толстого⁹, А.А. Панченко¹⁰, С.Г. Лазутина¹¹ и др.

³ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 350 с.; Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. 416 с.; Кляус В.Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М., 2022. 816 с.

⁴ 定宜庄. 口述传统与口述历史 // 广西民族学院学报 (哲学社会科学版). 2003. № 3. 页. 76–78 [Дин Ичжуан. Устная традиция и устная история // Журнал Гуансиского национального университета. Сер.: Философия и социальные науки. 2003. № 3. С. 76–78].

⁵ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. 464 с.

⁶ Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1970. С. 139–148; Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 39–104.

⁷ Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе / Отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. М., 1998. С. 6–43; Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина / Ред. Н.Б. Вахтин, Г.А. Левинтон и др. СПб., 2007. С. 77–86.

Проблемы изучения фольклора в Китае разработаны в исследованиях китайских ученых У Бинаня¹², Тао Липаня¹³, Чжан Цзычэня¹⁴.

В развитие теории несказочной прозы существенный вклад внесли исследования В.Я. Проппа¹⁵, С.Н. Азбелева, В.П. Аникина, В.Е. Гусева, К.В. Чистова, Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой, Г.В. Афанасьевой-Медведевой¹⁶ и др. Выявление семантического и прагматического аспектов в жанровом бытовании несказочной прозы определено работами Е.Л. Тихоновой¹⁷.

Общеметодологические проблемы собирания устной истории, ее сохранения и расшифровки исследованы в работах В.Л. Кляуса¹⁸, А.П. Забияко¹⁹,

⁸ Селиванов Ф.М. Русский фольклор. М., 1975. 88 с.; Селиванов Ф.М. Народная лирическая поэзия последнего столетия // Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1990. С. 5–28.

⁹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с.

¹⁰ Панченко А.А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 135–143.

¹¹ Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. Л., 1981. 227 с.

¹² 乌丙安. 中国民俗学. 辽宁, 1985. 36 页. [У Бинань. Китайский фольклор. Ляонин, 1985. 36 с.].

¹³ 陶立番. 中央民族大学出版社. 北京, 1987. 18 页. [Тао Липань. Введение в фольклор. Пекин, 1987. 18 с.].

¹⁴ 张紫晨. 中国民俗与民俗学. 浙江, 1986. 354 页. [Чжан Цзычэнь. Китайский фольклор и фольклористика. Чжэцзян, 1986. 354 с.].

¹⁵ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. 327 с.

¹⁶ Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири: по материалам фольклорных экспедиций 1980–2005 гг. // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: в 2 кн. Кн. 1. Иркутск, 2005. С. 15–21; Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири как форма сохранения традиционной вербальной культуры // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 169–192; Русская охота на медведя в Восточной Сибири: по материалам народной прозы 1980–2010 гг. // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 86–98; «Самая русскость нашей русскости»: очерк // На изломе тысячелетий. Т. II: Избранные произведения прозаиков-юбиляров 2020 года. Иркутск, 2020. С. 623–649.

¹⁷ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

¹⁸ Кляус В.Л. Русский фольклор в Трёхречье (КНР) // Сибирские чтения в РГГУ. М., 2008. Вып. 3. С. 5–21; Кляус В.Л. «Русская» деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. 2010. № 26(4). С. 60–72; Кляус В.Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР) // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 32–42; Кляус В.Л. Крестовые горы в культурном пространстве Трёхречья (КНР) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 102–107; Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 41–50; Кляус В.Л. Христианские сектанты в рассказах русско-китайских метисов Трёхречья (КНР) // Традиционная культура. 2014. № 1. С. 88–96; Кляус В.Л. Церкви Трёхречья // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 25–44; Кляус В.Л. Об одном обычае традиционной

А.А. Забияко²⁰, Дональда А. Ричи²¹, Пола Томпсона²², Тан Дэгана²³, Ян Сянниня²⁴, Чень Мо²⁵. Опыт собирания устных рассказов освоен с опорой на исследования В.Л. Кляуса и А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуяна²⁶. Одной из проблемных зон является легитимность устной истории и ее уместность в сочетании с

русской свадьбы Большого Приаргунья // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 9–17; Кляус В.Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трехречья, КНР) // Традиционная культура. 2016. № 3(63). С. 88–99; Кляус В.Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 246–289.

¹⁹ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности: монография. Новосибирск, 2017. 350 с.; Забияко А.П., Забияко А.А. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трехречья // Уральский исторический вестник 2017. № 1(54). С. 65–74.

²⁰ Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Семейные мемораты русских Трехречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 185–198; Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В. Народное православие русских Трехречья // Религиоведение. 2016. № 3. С. 121–136; Забияко А.А., Забияко А.П. Гендерные аспекты трансляции фольклора в русском Трехречье (КНР) // Оломоуцкие Дни русистов. Оломоуц, 2018. С. 67–87.

²¹ 里奇 唐纳德. 大家来做口述史. 北京, 2019. 368页. [Ричи Д.А. Давайте изучать устную историю. Пекин, 2019. 368 с.].

²² 汤普逊 保尔. 过去的声音 – 口述史 / 译 覃方明, 渠东, 张旅平. 沈阳, 2000. 406页. [Томпсон П. Голоса прошлого – устная история / Пер. с англ. Цинь Фанмин, Цюй Донг, Чжан Лупин. Шэньян, 2000. 406 с.].

²³ 唐德刚. 张学良口述历史. 北京: 中国档案出版社, 2007. 205 页. [Тан Дэган. Устная история Чжан Сюэяна. Пекин: Изд-во китайских архивов, 2007. 205 с.].

²⁴ 杨祥银. 口述史研究: 第一辑. 北京, 2014. 440 页. [Ян Сяннинь. Исследование устной истории: В 4 т. Т. 1. Пекин, 2014. 440 с.]; 杨祥银. 口述史研究: 第二辑. 北京, 2018. 273 页. [Ян Сяннинь. Исследование устной истории: В 4 т. Т. 2. Пекин, 2018. 273 с.]; 杨祥银. 口述史研究: 第三辑. 北京, 2019. 296 页. [Ян Сяннинь. Исследование устной истории: В 4 т. Т. 3. Пекин, 2019. 296 с.]; 杨祥银. 口述史研究: 第四辑. 北京, 2019. 253 页. [Ян Сяннинь. Исследование устной истории: В 4 т. Т. 4. Пекин, 2019. 253 с.].

²⁵ 陈墨. 口述史学研究: 多学科视角. 北京. 2015. 320 页. [Чен Мо. Устная история исследования: Междисциплинарная перспектива. 2015. 320 с.].

²⁶ Чжан Жуян. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трехречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. 2019. № 4. С. 88–96; Чжан Жуян. Китайский и русский текст в фольклоре русских Трехречья // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая / Отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток, 2019. С. 332–338; Чжан Жуян, Забияко А.А. Нарративизация семейных фотоколлекций: в поисках исторической памяти и этнической самобытности русских Трехречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–87; Чжан Жуян, Забияко А.А. Этнокультурные константы гидронимики Приамурья: три мифа о Черном Драконе и названия реки Хэйлуцзян // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 280–294; и др.

фольклористическими изысканиями, чем занимаются русские и китайские учёные Т.К. Щеглова²⁷, Г.Т. Гувер²⁸, Чжан Цзинь²⁹.

Феномен городского фольклора исследован сквозь призму теоретических и практических исследований С.Ю. Неклюдова³⁰ и др.

Мемораты как жанр и основа сохранения исторической и родовой памяти изучены в работах С.Ю. Неклюдова³¹, И.А. Разумовой³², А.П. Липатовой³³, И.А. Голованова³⁴, Ли Иннань³⁵.

Вопросы дифференциации меморатов, мемуаров, автобиографии подняты в работах китайских исследователей Ляо Цзюмина³⁶, Чжу Чжимина и др.³⁷ и

²⁷ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8–22.

²⁸ 胡佛. 美国的口述史 / 译 正一 // 现代外国哲学社会科学文摘. 1982. – 页. 21–25 [Гувер Г.Т. Устная история Америки / Пер. с англ. Чжэн И. // Сборник современной зарубежной философии и социальных наук, 1982. № 11. С. 21–25].

²⁹ 张锦. 口述档案, 口述传统与口述历史: 概念的混淆及其成因 // 档案学研究. 2019. № 2. 页. 5–22 [Чжан Цзинь. Устные архивы, устная традиция и устная история: концептуальная путаница и ее причины // Архивные исследования. – 2019. № 2. С. 5–22].

³⁰ Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе / Отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. М., 1998. С. 6–43; Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина / Ред. Н.Б. Вахтин, Г.А. Левинтон и др. СПб., 2007. С. 77–86.

³¹ Неклюдов С.Ю. Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы докладов. М., 1995. С. 77–80; Неклюдов С.Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность. СПб., 1998. С. 288–292.

³² Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. 376 с.

³³ Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // Труды «Русской антропологической школы». 2008. № 5. С. 112–125.

³⁴ Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2(293). С. 89–92.

³⁵ 李莎, 李英男, 姜涛. 缘分李立三夫人李莎回忆录. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. 411 页. [Ли Ша. Ли Иннань. Цзян Тао. Судьба-мемуары жены Ли Лисаня Ли Ша. Пекин: Изд-во научной литературы и литературы на иностранных языках, 2009. 411 с.].

³⁶ 廖久明. 回忆录的定义、价值及使用态度与方法 // 现代文学世界. 2018. № 1. 页. 92–101 [Ляо Цзюмин. Определение, ценность, отношение и метод использования мемуаров // Современный литературный мир. 2018. № 1. С. 92–101].

³⁷ 朱志敏. 口述史与回忆录 // 北京党史. 2006. № 6. 页. 31–32 [Чжу Чжимин. Устная история и мемуары // Пекинская партийная история. 2006. № 6. С. 31–32].

российских ученых С.Ж. Бралиной, Ю.В. Демьяновой, И.А. Голованова, А.П. Липатовой и др.³⁸.

Исследование городского текста культуры какместилища духовных и материальных смыслов изучены в работах Ю.М. Лотмана³⁹, В.Н. Топорова⁴⁰, Л.З. Полещука⁴¹, Фу Синхуаня⁴², Ян Минмина⁴³, Сунь Мэйцзы⁴⁴, развиты в работах в работах А.А. Забияко⁴⁵, Цзюй Куньи⁴⁶ с выведением категории «харбинский текст».

Проблемы этнокультурного взаимодействия в фольклорном тексте исследованы в работах В.Л. Кляуса⁴⁷, А.А. Забияко⁴⁸, Чжан Жуяна⁴⁹.

³⁸ Бралина С.Ж., Демьянова Ю.В. Жанровая природа современного устного рассказа // Вестник Карагандинского университета. Сер.: Филология. 2011. № 2. С. 97–102; Веккесер М.В., Новиков Д.Д., Зябкин А.В., Тетерева А.А., Седельникова С.В. Живая история: меморат как источник знаний о человеке. Хрестоматия. Лесосибирск, 2020. 100 с.; Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 74. № 2(293). С. 89–92; Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // Труды русской антропологической школы. Российский государственный гуманитарный университета. 2008. № 5. С. 145–159.

³⁹ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.; Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

⁴⁰ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. 616 с.

⁴¹ Полещук Л.З. «Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В.Н. Топорова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 1. С. 98–101.

⁴² 傅兴寰. 俄罗斯文学城市文本的代码系统 – 以彼得堡文本为例 // 中国俄语教学. 2017. № 4. 页. 52–60 [Фу Синхуань. Кодовая система городских текстов в русской литературе (на примере петербургских текстов) // Русский язык в Китае. 2017. № 4. С. 52–60].

⁴³ 杨明明. 从文学文本到文化文本 – 彼得堡文艺学派的民族性诉求 // 当代外国文学. 2017. № 4. 页. 116–122 [Ян Минмин. От художественных текстов к культурным текстам: народная привлекательность Петербургской школы словесности и искусства // Современная зарубежная литература. 2017. № 4. С. 116–122].

⁴⁴ 孙梅子. 20世纪末至21世纪初新彼得堡文本意象特征探析 // 黑河学院报. 2020. № 11(03). 页. 115–117 [Сунь Мэйцзы. Анализ образных характеристик новопетербургских текстов конца XX – начала XXI века // Журнал Хэйхэского университета. 2020. № 11(03). С. 115–117].

⁴⁵ Забияко А.А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 480 с.

⁴⁶ Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135.

⁴⁷ Кляус В.Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М., 2022. 816 с.; Кляус В.Л. «Русская» деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. 2010. № 26(4). С. 60–72; Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. 416 с.; Кляус В.Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве //

Проблемы этнической идентификации русских и китайцев в условиях дальневосточного фронта исследуются с опорой на исследования А.П. Забияко⁵⁰, разработавшего и определившего понятие «порубежье» как философскую категорию⁵¹. В работах А.А. Забияко⁵², Г.В. Эфендиевой⁵³, О.Е. Цмыкал⁵⁴ исследованы особенности ментальности дальневосточного фронта и ее проекции на религиозную, политическую и повседневную жизнь русских жителей Харбина.

История складывания русского анклава по линии КВЖД в Харбине изучена Н.Е. Абловой⁵⁵ и представлена в китайской социально-политической парадигме работами Ши Фана⁵⁶, Ли Чуаньсюня⁵⁷, Жун Цзе⁵⁸ и др.

Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 246–289; Кляус В.Л. Русский фольклор в Трёхречье (КНР) // Сибирские чтения в РГГУ: альманах. М., 2008. Вып. 3. С. 5–21; Кляус В.Л., Острогская В.Л. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 41–50; и др.

⁴⁸ Забияко А.А., Чжан Жуян. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 206–215.

⁴⁹ Чжан Жуян. Китайский и русский текст в фольклоре русских Трёхречья // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Владивосток, 2019. С. 332–338

⁵⁰ Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–10; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. 412 с.; Забияко А.П., Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 350 с.; Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 3–14; и др.

⁵¹ Забияко, А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–11; Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.

⁵² Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. 447 с.

⁵³ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008. 428 с.

⁵⁴ Цмыкал О.Е. Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен // Религиоведение. 2021. № 1. С. 124–135.

⁵⁵ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. 431 с.

⁵⁶ 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨, 2003. 630 页. [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русских эмигрантов Харбина. Харбин, 2003. 630 с.]

Подходы к проблеме исследования явления «Переход в Гуаньдун» исследованы китайскими философами, социологами, литературоведами Ван Синьжуй, Синь Чжифен, Чжан Мэй и др.⁵⁹.

Исследование религиозной жизни дальневосточного фронта осуществлено в работах А.П. Забияко⁶⁰, А.А. Забияко⁶¹, Г.В. Эфендиевой⁶², Я.В. Зиненко⁶³, Е.А. Конталева⁶⁴, Ван Чжицзюнь⁶⁵, Чжан Суй⁶⁶, Ши Шу⁶⁷, Цзэн Туо⁶⁸.

Источниковая база исследования. Исследование основано на устных и письменных источниках. Письменными источниками являются русские и

⁵⁷ 李传勋. 哈尔滨历史文化研究. 哈尔滨, 2017. 342 页. [Ли Чуаньсюнь. Исследования истории и культуры Харбина. Харбин, 2017. 342 с.].

⁵⁸ 荣洁. 俄侨与黑龙江文化 – 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响. 哈尔滨, 2011. 224 页. [Жун Цзе. Русская эмиграция и хэйлунцзянская культура: влияние русской эмиграции на Харбин. Харбин, 2011. 224 с.].

⁵⁹ 王欣睿. 闯关东文学. 长春, 2016. 306 页. [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуаньдун». Чанчунь, 2016. 306 с.]; 辛志凤. 闯关东精神是具有东北特色的民族精神 // 中国民族博览. 2020. № 4. 页. 103–104 [Синь Чжифен. Переход в Гуандун – национальный дух с северо-восточным национальным характером // Китайская национальная выставка. 2020. № 4. С. 103–104]; 张妹. 闯关东精神的丰富内涵及价值支撑研究 // 中共济南市委党校学报. 2019. № 1. 页. 59–64 [Чжан Мэй. Исследования богатых коннотаций и ценностей «Перехода в Гуаньдун» // Журнал партийной школы Цзинаньского горкома КПК. 2019. №1. С. 59–64].

⁶⁰ Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–10.

⁶¹ Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. 462 с.

⁶² Эфендиева Г.В., Зиненко Я.В. К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова // Религиоведение. 2015. № 4. С. 170–187.

⁶³ Зиненко Я.В. Как русский Харбин Крещение праздновал: заметки очевидцев // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая / Отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток, 2019. С. 296–305.

⁶⁴ Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма // Религиоведение. 2020. № 1. С. 43–66.

⁶⁵ 王志军. 哈尔滨俄罗斯东正教史研究综述 // 世界宗教文化. 2015. № 6. 页. 149–157 [Ван Чжицзюнь. Краткое изложение исследований по истории русского православия в Харбине // Мировая религиозная культура. 2015. № 6. С. 149–157].

⁶⁶ 张绥. 东正教和东正教在中国. 上海, 1986. 345 页. [Чжан Суй. Православие и православные церкви в Китае. Шанхай, 1986. 345 с.].

⁶⁷ 史书. 侨民宗教: 哈尔滨东正教的特殊存在模式 // 通化师范学院学报. 2018. № 7. 页. 83–89 [Ши Шу. Религия диаспоры: особый режим существования Харбинской православной церкви // Журнал Педагогического университета Тунхуа. Сер.: Гуманитарные и социальные науки). 2018. № 7. С. 83–89].

⁶⁸ 曾托. 谈东正教在中国的传播和影响 // 辽宁师专学报 (社会科学版). 2011. № 4. 页. 141–142 [Цзэн Туо. О распространении и влиянии православия в Китае // Журнал Ляонинского педагогического колледжа. Сер.: Общественные науки. 2011. № 4. С. 141–142].

китайские материалы, посвященные истории зарождения Харбина, его бытования в первой половине XX в., воспоминания харбинцев разных национальностей, эпистолярии, литературные тексты эмигрантов; постхарбинские публикации в изданиях эмигрантских землячеств в России и Австралии.

Устные источники включают полевые материалы (аудио-, видео-), собранные в ходе работы 10 международных экспедиций и 6 полевых исследований (2015–2022 гг.) (2015 г., г. Санкт-Петербург, Россия, участники: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешоко; 2016 г., г. Санкт-Петербург, Россия, участники: Цзюй Куньи, С.С. Лешоко; 2016 г., г. Москва, Россия, участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян; 2016 г. г. Карловы Вары, Чехия, участник: А.А. Забияко; 2017 г. г. Харбин, КНР, участники: Цзюй Куньи, А.А. Забияко; 2017 г., г. Москва, Россия, участник: Цзюй Куньи; 2018 г., г. Пекин, КНР, участники: Цзюй Куньи, А.А. Забияко, Цзюй Вэй; 2019 г., г. Пекин, КНР, участники: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй; 2019 г., г. Москва, Россия, участники: Цзюй Куньи, Чжоу Синьюй; 2019 г., г. Сидней, Австралия, участники: Цзюй Куньи, Ян Сяоцзюй, А.П. Ивачёв; 2020 г., г. Харбин, КНР, участники: Цзюй Куньи, Чжан Кайжуо; 2022 г., г. Харбин, КНР, участник: Цзюй Куньи; 2022 г., г. Огре (онлайн), участники: Цзюй Куньи, А.А. Забияко). Благодаря экспедициям удалось собрать уникальный и внушительный по размерам комплекс разнообразных устных рассказов русских и китайских жителей.

Объектом диссертационного исследования выступают устные рассказы жителей Харбина (русских, китайских, метисированных), обращенные к периоду первой половины XX в. и составляющие несказочную (историческую) прозу Харбина.

Предметом исследования является «харбинский текст» первой половины XX в., представленный в разнообразных жанрах несказочной (исторической) прозы в семантико-прагматическом, этнокультурном и этнорелигиозном аспектах его бытования.

Цель диссертационного исследования: комплексное изучение несказочной (исторической) прозы жителей Харбина с жанровой, образно-

тематической, семантико-прагматической, этнокультурной, этнорелигиозной точек зрения ее функционирования в «харбинском тексте» русской культуры.

Задачи диссертационного исследования:

1. Расшифровать, систематизировать и типологизировать собранный в экспедициях полевой материал, осуществить источниковедческую и текстологическую обработку собранных аудио- и видеоматериалов (на русском, английском и китайском языках) о жизни населения на фронтальных территориях, межэтническом взаимодействии русских и китайских, метисированных жителей Харбина первой половины XX в.

2. Систематизировать, перевести и сравнить труды российских и китайских ученых, исследующих проблемы фольклористики; истории и культуры Харбина первой половины XX в.; межэтнических, межкультурных и этнорелигиозных контактов русских и китайцев на территории дальневосточного фронта.

3. Определить содержание и сущностные характеристики явления «харбинский текст» сказочной (исторической) прозы в синхроническом и диахроническом аспектах, выявить базовые константы его функционирования.

4. Определить специфику сказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в. с точки зрения ее генезиса, бытования и изучения.

5. В собранных материалах полевых исследований 2015–2022 гг. выявить наиболее актуальные на сегодняшний день жанры фольклора русских, китайских, метисированных харбинцев, определить доминантные точки их функционирования.

6. Дифференцировать жанры сказочной (исторической) прозы харбинцев в семантическом и прагматическом аспектах.

7. Исследовать роль и функции семейных историй в контексте жанрово-тематического репертуара сказочной (исторической) прозы харбинцев.

8. Изучить темы и сюжеты устных рассказов харбинцев о воспитании и образовании, религиозной и духовной жизни, межэтнических контактах русских, китайцев, японцев.

9. Изучить механизм продуцирования фабулатов (легенд) из устных рассказов харбинцев в русской части «харбинского текста» несказочной прозы.

10. Исследовать китайскую модель продуцирования городского фольклора на основе базовых установок «харбинского текста».

11. Изучить механизмы возникновения фабулатов в китайской части городского фольклора.

12. Исследовать жанры харбинского фольклора с точки зрения способов сохранения русскими и китайскими харбинцами исторической памяти.

Новизна исследования заключается:

1. Во введении в научный оборот полевых материалов, собранных на русском, английском и китайском языках в результате 10 научных экспедиций и 5 полевых онлайн-бесед в гг. Санкт-Петербург, Москва (Россия), Сидней (Австралия), Карловы Вары (Чехия), Огре (Латвия), Харбин, Пекин (КНР) в 2015–2022 гг.

2. В сборе, переводе на русский язык, введении в научный оборот научных исследований китайских ученых по проблемам исследования фольклора, устной истории и истории культуры Харбина и Северо-Востока Китая первой половины XX в.

3. В определении понятия «харбинский текст» с точки зрения фольклорного воплощения, в экспликации базовых констант его продуцирования и трансляции.

4. В выявлении специфики несказочной (исторической) прозы как части городского фольклора Харбина первой половины XX в. с точки зрения ее генезиса, бытования и изучения.

5. В межэтнической (русско-китайской) парадигме исследования несказочной (исторической) прозы как вербальной части городского фольклора Харбина.

6. В экспликации актуальных на сегодняшний день жанров городского фольклора харбинцев с этнической, социальной и локальной позиций бытования и трансляции.

7. В исследовании несказочной (исторической) прозы Харбина в его семантическом и прагматическом аспектах.

8. В выделении меморатов и фабулатов харбинцев как основных жанровых модификаций устных рассказов с точки зрения их субъектной организации.

9. В выявлении доминантных точек семантико-прагматического проявления жанров несказочной (исторической) прозы в сознании информантов-харбинцев (семейные мемораты, мемораты о духовной, религиозной и праздничной жизни, этнокультурной ситуации; были, сказы, легенды, бывальщины).

10. В исследовании механизма возникновения легенд религиозного содержания (о харбинском заступнике) как русской модели продуцирования харбинской несказочной (исторической) прозы.

11. В изучении механизма возникновения семейной легенды из сюжета о культурном герое (китайском прадедушке) и обретении семьей богатства как китайской модели продуцирования харбинской несказочной (исторической) прозы.

12. В экспликации этнорелигиозной и неомифологической модели соответственно русского и китайского текстов «городского фольклора» Харбина как способов сохранения исторической памяти жителей многонационального города.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в определении понятия «харбинский текст» русской культуры, обозначении типологических закономерностей продуцирования русского и китайского вариантов несказочной (исторической) прозы городского фольклора как части «харбинского текста»; во введении в научный оборот материалов полевых исследований (интервью и бесед) с бывшими и настоящими жителями Харбина, их потомками на русском, английском и китайском языках, собранных в России, Австралии, Чехии и Китае на протяжении 2015–2022 гг. и актуальных на сегодняшний день. Собранные материалы могут быть сохранены в архивах и

музеях в качестве аудиовизуальных и текстовых источников, дополняющих официальные рассказы о происходивших исторических событиях с точки зрения обычных людей. Они смогут выступать руководством для урегулирования возможных межэтнических конфликтов, развития межэтнических контактов русских и китайцев, продвижения и популяризации русского языка и русской культуры в Китае⁶⁹.

Методология и методы исследования. Автор опирается на культурно-исторический, сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический методы исследования, методы лексико-семантического анализа, включенного наблюдения, интервью с фиксацией «свободного потока речи» информанта, беседы, нарративного анализа, а также переводоведческий метод сопоставительного анализа переводов с оригиналом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фольклорный «харбинский текст» возникает с момента строительства города – возможно, раньше литературного и даже публицистического. Однако его фиксация начинается, наоборот, достаточно поздно – после создания мемуарного и рецепции литературного текстов. Тем не менее, устные рассказы харбинцев как часть фольклорного «харбинского текста» первой половины XX в., в единстве их жанрово-тематического, русского и китайского наполнения открывают большой потенциал для исследователей в аксиологическом, историческом, лингвокультурном, эстетическом аспектах. Благодаря им повседневная история Харбина наполняется живым антропологическим содержанием, а фольклорное слово о Харбине выражает глубинное народное – русское и китайское – представление об этом уникальном городе.

2. Несказочная (историческая) проза является полноправной вербализованной частью «харбинского текста» первой половины XX в. Она существует на русском и китайском языках, не только выполняя функцию

⁶⁹ Забияко А.А. Круглый стол «Проблемы изучения, распространения, популяризации русского языка, русской литературы, культуры, истории, образования и науки в Китае» (Пекин, КНР) // Традиционная культура. 2018. № 4. С. 164–170.

«коммуникативного и культурного воскрешения прошлого»⁷⁰, но и фиксируя специфику сознания русских и китайских жителей полиэтнического города, существующего почти полвека при консервативной роли русской культуры. Фронтирность (порубежность) и мифологичность являются базовыми константами продуцирования и трансляции несказочной (исторической) прозы харбинцев.

3. Фольклорный текст исторической прозы «русского» Харбина представлен многообразием жанровых разновидностей: семейными меморатами, былями, легендами, бывальщинами, преданиями. Инвариантной основой всех жанров становится устный рассказ. Многие из жанров испытали влияние исторической, литературной и мемуарной части «харбинского текста».

4. Доминантными точками несказочной (исторической) прозы харбинцев становятся семейные мемораты, мемораты о религиозной жизни, праздничной культуре харбинцев, образах взаимовосприятия русских и китайцев.

5. Основными носителями несказочной (исторической) прозы на сегодняшний день являются потомки русских эмигрантов во втором и третьем поколении, с их устными рассказами коррелируют нарративы китайских харбинцев. Несмотря на общность жанрово-тематического комплекса фольклорных текстов харбинцев, они частично отличаются в эмоциональном плане по своим этнокультурным, этносоциальным, локальным характеристикам. Это обусловлено социально-экономическими и социально-политическими обстоятельствами формирования эмигрантских постхарбинских сообществ в Австралии, СССР и странах Европы, а также условиями проживания потомков эмигрантов и харбинских китайцев в Китае.

6. В жанровом пространстве несказочной городской прозы Харбина первой половины XX в. весьма нечетко обозначена граница «истинное/сакральное». Устные рассказы харбинцев о поре их детства и юности являются органичным продолжением их воспоминаний, уже основанных не на

⁷⁰ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 49.

«мифологическом знании» семейных преданий, но связанных с личной мифологией.

7. Большую часть харбинских нарративов занимают устные рассказы-мемораты, обращенные непосредственно к истории города, повседневной жизни его жителей. Устные рассказы харбинцев, обращенные к духовной и религиозной жизни, зачастую переходят в жанровую форму предания, либо легенды, то есть представлены фабулатами.

8. Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в нарративах информантов нашли отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты народной православной религиозности и синкретизации религиозного сознания русских и китайцев в Харбине, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Дого, личные впечатления о харбинских православных священниках – духовных наставниках и настоящих подвижниках, жанры несказочной прозы о харбинских заступниках. Последние не только эксплицируют представления о «намоленности» города и его промыслительной роли в русской истории, обнажают народные основы православной культуры Харбина, но и создают отдельный разножанровый фольклорный текст художественной этнографии Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.

9. В устных рассказах (мемораты и небольшая часть фабулатов) наших русских, китайских, метисированных респондентов обозначены основные темы, определяющие этнокультурные взаимоотношения в этом многонациональном городе: межэтнические браки, соседский быт, детская дружба русских и китайских ребят, совместное обучение русских и китайских детишек в садах и школах, взаимопомощь в годы японской оккупации. Чем более близким было взаимодействие двух этносов (соседство, совместный промысел) – тем теплее настроение меморатов и живее мотивы и сюжеты, дающие возможность меморату перейти в фабулат.

10. В настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешел в разряд «исторической прозы». Дополняя литературный, мемуарный, публицистический тексты о харбинских святынях, этот фольклорный пласт органично вписывается в мифологизированную историософию «намоленного» Харбина. В его жанровом разнообразии совместились индивидуальное и «соборное» отношение к Николаю Чудотворцу – не случайно многие фабулаты стали частью проповедей и апокрифов. В чудотворных деяниях Угодника воплощены все функции, присущие святому, для харбинцев его благодать не имеет ни возрастных, ни этнических границ. Общерусский и региональный (сибирский), русский и китайский компоненты в почитании святого, отраженные в фольклорных жанрах мемората, легенды, были, былички, «случая из жизни», свидетельствуют о маргинализации и синкретизации религиозного сознания жителей дальневосточного фронта.

11. Китайский «харбинский текст» устной истории создавался позднее, что обусловлено объективными обстоятельствами формирования китайского населения Харбина и социально-политическими процессами в Китае второй половины XX в. Он в основном представлен меморатами. В своем актуальном сюжетно-мотивном комплексе эти жанры в большей степени обращены к воспоминаниям об этнических контактах русских и китайцев и проникнуты уважением к русской культуре Харбина первой половины XX в.

12. Концептуальной основой редких китайских фабулатов также является фронтирность и мифологичность, но реализация протекает по законам китайской модели мифологизации истории с использованием этнически закрепленных матричных текстов (мифологии «Перехода в Гуаньдун», социального мифологизирования русского присутствия в Маньчжурии, а также мифологизации исторических личностей).

Степень достоверности и апробация результатов.

Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах:

1. Международный молодежный научный семинар «Литература, культура и история дальневосточного фронта» (АмГУ, г. Благовещенск, 2019, 2020, 2021, 2022 гг.).

2. IV Конгресс российских исследователей религии: «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций» (Амурский государственный университет, г. Благовещенск, 2018 г.).

3. Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (Амурский государственный университет, г. Благовещенск, 2018, 2020 гг.).

4. Научный семинар отдела фольклора «Русская культура в Китае в исследованиях Амурского государственного университета (Благовещенск)» (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 13 ноября 2018 г.).

5. Международная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 15–16 ноября 2018 г.);

6. Международная научная конференция, посвященная 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (г. Харбин, 16–18 июня 2018 г.).

7. XIV Конгресс антропологов и этнологов России (Ассоциация антропологов и этнологов России, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва-Томск, 6–9 июля 2021 г.).

8. V Конгресс российских исследователей религии «Религия и атеизм в XXI веке» (Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 г.).

9. Международная научная конференция «Путёвку многим в жизнь он дал», к 100-летию создания Харбинского политехнического института (ХПИ) (Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, г. Москва, 5 апреля 2022 г.).

10. Международная научная конференция «Дальневосточный фронт. Исторический форум. К 150-летию А.Я. Гурова» (Амурский государственный университет, г. Благовещенск, 21–25 сентября 2022 г.).

11. Международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения академика Б.Л. Рифтина (Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 19–20 октября 2022 г.).

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК и список Web of Science и Scopus:

1. Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куньи // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 120–135 (**ВАК**).

2. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной) // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 78–94 (**Scopus**)

3. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднику в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 35–51 (**Scopus**)

4. Zinenko Y.V., Kunyi Ju. Harbin image in the memories of its inhabitants // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1791–1796. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.237 (**WOS**)

Публикации в других научных изданиях:

1. Цзюй Вэй, Цзюй Куньи. Наследие русской и китайской истории (итоги международной выставки «"Модерн": живая душа старого Харбина» г. Харбин, 2017) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Народы

и этнические культуры / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. – С. 125–131 **(РИНЦ)**

2. Цзюй Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов в Австралии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и этнические культуры / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – С. 391–401 **(РИНЦ)**

3. Зиненко Я.В., Цзюй Куньи. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – С. 363–371 **(РИНЦ)**

4. Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы междунаро. науч.-практ. конф. (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Под ред. А.М. Бужкова, С.Ю. Еремина, А.А. Забияко, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 200–213 **(РИНЦ)**

5. Цзюй Куньи. Образ восприятия Китая и китайцев в меморатах русских эмигрантов // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы: материалы V междунаро. науч. конф. (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 15–16 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Е.В. Дьяконова, Н.В. Захарова, В.И. Иванова, Н.С. Фролова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – С. 288–292 **(РИНЦ)**

6. Цзюй Куньи. Общее наследие русской и китайской истории // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIX регионал. науч.-практ. конф. (ДальГАУ, г. Благовещенск, 23 мая 2018 г.). – Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2018. – С. 115–116 **(РИНЦ)**

7. Забияко А.А., Цзюй Куньи Устные истории в изучении повседневной культуры и фольклора старого Харбина // Русский Харбин, запечатленный в

слове. Вып. 9: 125 лет начала строительства КВЖД. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 68–85 **(РИНЦ)**

8. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Образы восприятия инокультуры в устной истории жителей Харбина первой половины XX в. // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Томск, 6–9 июля 2021 г.) / Отв. ред. И.В. Нам. – М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 213 **(РИНЦ)**

9. Землянская К.А., Цзюй Куньи. «Старого Харбина уже нет, я не хочу память свою терять»: образ современного Харбина в устных историях русских эмигрантов Австралии // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Томск, 6–9 июля 2021 г.) / Отв. ред. И.В. Нам. – М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 213 **(РИНЦ)**

Структура и основное содержание работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1. Несказочная (историческая) проза как вербальная часть «харбинского текста» русской культуры

1.1 Несказочная (историческая) проза Харбина первой половины XX в. (онтологические основы)

Феномен несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в. сопряжен, с одной стороны, с общими закономерностями формирования в сознании харбинцев образа города как источника порождения «харбинского текста», с другой стороны – складывания городского фольклора как части исторического и художественного сознания харбинских жителей.

Мы будем рассматривать понятие «харбинский текст» с точки зрения семиотики – основы современной гуманитарной урбанистики. Текст, по определению Б.А. Успенского, это «семантически организованная последовательность знаков»⁷¹. В случае «городского текста» под знаками понимаются те *реалии*, которые определяют и формируют представления о городе в сознании его жителя⁷².

Безусловно, любой городской текст существует в определенном времени и пространстве. Он начинается практически со времени основания (иногда замысливания) города, каждому этапу существования города соответствует свой этап развития городского текста. Пока жив город – живет и его текст, несмотря на то что меняются населяющие его жители, меняется социальная, экономическая, политическая среда. «Все пути в город ведут, – писал Н. Анциферов. – Города – места встреч. Города – узлы, которыми связаны экономические и социальные процессы. Это центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возрастающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм»⁷³
«В основе современных представлений об онтологии города – идеи об

⁷¹ Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000. 348 с.

⁷² Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.

⁷³ Анциферов Н. Книга о городе. Л., 1926. 224 с.

объединении многих людей в некую целостность, об организации "пространства обитания", включая как собственную человеческую телесность ("храм души", тело как "обиталище души"), так и внешние по отношению к индивиду формы телесности – формы среды (жилье, дороги, коммуникации). Благодаря этому город стал трактоваться не только как эмпирический объект или инженерный комплекс сооружений, но и как особая культурная форма, которая складывалась исторически, наряду с другими идеями и культурными формами»⁷⁴. Яркими примерами такого рода городских текстов могут служить «парижский»⁷⁵, «петербургский»⁷⁶, «московский»⁷⁷, «владивостокский»⁷⁸, «томский», «пермский» и т.д.

«Текст города» – особая семиотическая сфера, «котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням»⁷⁹. У каждого жителя свой образ его города, зависящий от его темперамента, биографии, возраста, социального статуса, этнической и религиозной идентичности. Но есть нечто общее, что объединяет, к примеру, представителей определенных поколений, социальных кругов, этнических и религиозных групп.

Как овеянный и осмысленный результат социальных практик, текст города отражает в своей структуре систему доминирующих концептов (доминантных точек), образов, оценок – те или иные ракурсы картины мира его

⁷⁴ Потанина Н.Л., Гололобов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.

⁷⁵ Кайуа Р. Париж – современный миф // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 120–134.

⁷⁶ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–368.

⁷⁷ Манн В.В. Москва в творческом самосознании Гоголя (Штрихи к теме) // Москва и «московский текст» русской культуры / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1998. С. 63–81; Люсьи А. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры. М., 2013. 320 с.

⁷⁸ Обертас В.А., Моор В.К., Ерышева Е.А. Памятники истории и культуры города Владивостока: материалы к своду. Владивосток, 2012. 250 с.

⁷⁹ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 453.

жителей⁸⁰. «Выделение подобных доминантных точек совершенно необходимо при формировании образа любого города. Они в системе составляют подобие образного каркаса, который на визуальном уровне позволяет отличить один город от другого»⁸¹. Уникальность («опознаваемость» – Н. Меднис; «вообразимость» – К. Линч) города по характеру и соотношению его доминантных точек⁸² проявляется на невербализованном (архитектурном, музыкальном, религиозном, этническом, антропологическом) и вербализованном (документальном, публицистическом, литературном, фольклорном) уровнях.

Любой город – «средоточие не только социально-экономической и политической жизни человека, но и его духовно-психологических, морально-этических, культурно-художественных устремлений»⁸³. Уникальность «духовной» составляющей «харбинского текста» определяется общими для онтологии Харбина факторами: *порубежьем* как хронотопической, социально-политической, этнокультурной координатой, определившей общность человеческого бытия харбинцев и Харбина первой половины XX в., и *ремифологической парадигмой* сознания основателей и жителей города. Оба фактора являются концептуальными для порождения и трансляции «харбинского текста» на всех его уровнях.

В нашем случае категория «порубежье» синонимична понятию «фронтир», если иметь в виду Харбин и линию КВЖД как «особое пространство, область контактов политических систем, народов и культур, имеющих разный уровень развития и разное происхождение»⁸⁴. При этом «порубежье» будет более емким и коннотативно содержательным понятием, если учитывать его онтологический смысл: «В русскоязычной культуре порубежье не обязательно пространственная

⁸⁰ Резянова З.И. Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3(7). С. 19–26.

⁸¹ Меднис Н.Е. Городские тексты // Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. С. 28.

⁸² Линч К. Образ города. М., 1982. С. 21–22.

⁸³ Потанина Н.Л., Гололобов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.

⁸⁴ Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26.

категория, конкретизируемая в понятиях региона, «зоны освоения», территории. Порубежье – это также темпоральная категория. Порубежьем может быть период времени, истории, длящийся в границах завершения одной эпохи и становления другой. Это время исторических перемен, иногда постепенных, эволюционных, иногда резких, революционных, но в любом случае это период нестабильности, когда старое уже изживает себя, а новое еще не возобладало. В этом временном континууме порубежья есть отрезок, субъективно фиксируемый и переживаемый как безвременье, когда старого уже нет, а нового еще нет. Всякая целостность отсутствует, черты прошлого и будущего смазаны, а настоящее переживается как хаос, смута. В русской литературе и философии порубежье как временной континуум прочувствовано и осмыслено обстоятельно, особенно в отрезке безвременья, – события нашей истории давали такого материала в избытке. Для многих типов религиозного сознания порубежье как темпоральная категория обладает особым статусом причастности к священному времени – это момент перехода от небытия к бытию, время творения; это также момент обратного перехода от бытия к небытию или сверхбытию, эпоха "конца света", "конца времен и перехода в вечность»⁸⁵.

Употребление в научной лексике заимствованного понятия фронтир вполне уместно. В историческом, географическом, политологическом дискурсе оно удобно в качестве термина для обозначения локуса пространства, протяжённой территории, возникающей в результате движения населения, расширения государства и создания новой контактной зоны на границах новоприобретённых земель, в пределах которой происходит взаимодействие с соседними этническими группами, политическими образованиями, цивилизациями. Эти значения наследуют исходным смыслам понятия и реалиям не только североамериканского континента, но и других территорий.

Термин фронтир в значительной мере синонимичен русскому понятию порубежье. Однако эта синонимия понятий фронтир и порубежье не абсолютна.

⁸⁵ Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26.

Для научного дискурса термин фронтир удобен конкретностью своих пространственных смыслов. Понятие порубежье тоже включает в себе вполне конкретные пространственные значения, однако обладает другими смыслами и коннотациями, важными для русской ментальности.

Начнем с истории возникновения города. После подписания секретного русско-китайского договора 1896 г. Харбин возникает как русский город по линии Китайской Восточной железной дороги – то есть на территории Северной Маньчжурии (ныне – провинции Хэйлунцзян и Цзилинь), практически не освоенном крае, на месте рыбацких поселков и ханшинных заводиков.

Время возникновения Харбина – порубежное: это эпоха заката империи Цин и заката николаевской России. Период неслыханных доселе миграционных перемещений из центральных районов Китая за границы «ивового палисада»⁸⁶ и центральных районов России – поначалу в поисках лучшей доли в «баснословной Маньчжурии», затем – в поисках спасения от революционных потрясений. Время в преддверии революций (1905 г., Синьхайской, Февральской, Октябрьской), локальной (русско-японской) и Мировой войн, грядущих гражданских войн и в России, и в Китае.

Таким образом, порубежье как территориальный и темпоральный признак изначально обуславливает фронтирное сознание новоявленных харбинцев⁸⁷.

Фронтирность хронотопических координат «харбинского текста» дополняется порубежьем социально-политическим. После двух бурных десятилетий интенсивного строительства, пережитых событий восстания ихэтуаней, Русско-японской и I Мировой войн в 1917–1920 гг. Харбин становится пристанищем не только для «кэвэжедэков» – строителей («построечников») дороги и ее служащих, а также обеспечивающих жизнь «ветки» крестьян и строителей-китайцев, но и всех тех, кто не принял революцию, не имел средств

⁸⁶ 刘德增. 山东移民史. 济南, 2011. 442 页. [Лю Дэцзэ. Шаньдунская миграционная история. Цзинань, 2011. 442 с.]; 杨宾. 柳边纪略. 上海, 1936. 54 页. [Ян Бинь. Очерки ивового палисада. Шанхай, 1936. 54 с.].

⁸⁷ Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26.

мигрировать на Запад и вынужден был искать безопасное место в дальневосточных землях.

Следующим концептуально-значимым фактором уникальности «харбинского текста» является порубежье этнокультурное. Харбин строился выходцами из Российской империи, заселяется в основном гражданами Российской империи (русскими, поляками, украинцами, евреями, армянами, грузинами, осетинами, татарами и т.д.), которые становятся соседями местного пришлого и коренного населения (ханьцев, маньчжуров, монголов, корейцев, эвенков, ороحوнов и др.). При этом изначально русская культура доминирует в этом городе, занимая весьма консервативные позиции – иногда в ущерб культурному (мультикультурному) развитию харбинской культуры⁸⁸.

Итак, *порубежность* харбинской онтологии обусловила ремифологическую парадигму в создании «харбинского текста» о харбинской утопии – «Харбине-папе». Харбинский миф создавался в три этапа – в эпоху становления Харбина в качестве русского города (но был зафиксирован, в основном, в художественной литературе и публицистике)⁸⁹, затем – в художественной практике харбинских поэтов-эмигрантов 1920–1940-х гг.⁹⁰, наконец, в так называемую «постхарбинскую эпоху» (в мемуарах бывших харбинцев [поэтов и не-поэтов], а также в устных повествованиях тех, кто успел рассказать о своем харбинском бытии⁹¹).

⁸⁸ Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 3–14.

⁸⁹ Мажарина Ю.Н. Мемуары как вид публицистического творчества // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 199–206.

⁹⁰ Забияко А.А. Русский город среди маньчжурских болот: житейская реальность и художественное мифотворчество харбинцев // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 15.

⁹¹ Крузенштерн-Петерс Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1995–1999. № 1–6; Волин М. Гибель Молодой Чураевки (воспоминания) // Новый журнал. 1997. № 209. С. 216–240; Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни. Париж, 1990. 429 с.; Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173; Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. 431 с.; Хаиндрова Л.Ю. В Харбине – городе детства // Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 167–171; Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. Кн. 200; Забияко А.А. Ремифологизация в художественном сознании эмигранта-харбинца // Религиоведение. 2006. № 3. С. 161–179; Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. 192 с.

А.А. Забияко выделяет «первомодусы» мифологической семантизации «харбинского текста» в художественном сознании харбинцев⁹²: с мифологического пути осмысления истории возникновения города, построенного в «сказочно-быстрые сроки»⁹³, названия города, его онтологической специфики.

В афористической фразе А. Несмелова казус Харбина определен как нельзя точно: «Здесь построим русский город, назовём – Харбин»⁹⁴. Как известно, этимология названия «русского города» до сих пор вызывает споры как в русской, так и китайской историографии – слово то ли монгольское, то ли маньчжурское, но точно не китайское и не русское⁹⁵. Итак, уже именование города становится знаком фронтальной мифологизации.

В отличие от Петербурга, чье эмоциональное поле восприятия строилось на метафоре «антигуманности», невозможности жить в этом «городе на болоте», «городе на костях», Харбин создавал полярное семантическое поле – сказочно-утопического пристанища всех страждущих и нуждающихся. Открытость границ с метрополией и при этом сохранение дореволюционного быта во всех его уже мифологизируемых проявлениях весьма тому способствовало⁹⁶.

Ю. Линник отмечал особую ситуацию *безвременья* как субъективного темпорального самоощущения харбинцев: «Время как бы остановилось в Харбине. А мы знаем: это типичный мотив волшебной сказки»⁹⁷. Н.В. Устрялов писал в 1921 г.: «Харбин производит впечатление совсем патриархальное. Даже не дореволюционный, а прямо довоенный стиль жизни. Что-то совсем старомодное – словно "страна воспоминаний" из "Синей птицы". Повсюду благообразные, степенные лица, благонамеренные взгляды и по-старому пышное,

⁹² Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 4.

⁹³ Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 8–10.

⁹⁴ Несмелов А.И. Понужай // Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 132–134.

⁹⁵ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...»: Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. 428 с.

⁹⁶ Забияко А.А. Русский город среди маньчжурских болот: житейская реальность и художественное мифотворчество харбинцев // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 15.

⁹⁷ Линник Ю. Сольвейг. Наброски к портрету Лариссы Андерсен // Грани. 1995. № 177. С. 150.

обильное хлебосольство. Повсюду благообразные, степенные лица, благонамеренные взгляды и по-старому пышное, обильное хлебосольство»⁹⁸.

Мифемы «остановившегося времени» и «России в миниатюре» органично сопровождали самоощущение харбинцев: «у меня в прошлом – прочный, военный быт, дружная семья. Моя Россия была маленькой – наша Офицерская улица в Харбине, наш полк, офицеры, солдаты. Военная церковь. Стройное "Коль славен" с полкового плаца, нежно разливавшееся над улицей. В далеком маньчжурском прошлом я, сама того не зная, пила живую воду России, и ее хватило на весь мой век»⁹⁹.

Топонимическая часть харбинского текста – тому подтверждение: «Вот я иду по главной, Китайской улице, она тянется до самой реки <...>. Город делился на деловую часть, центральную, которая называлась Пристань. Ясно, что она была расположена ближе к реке, и на вторую часть, которая носила название Нового города. <...> На Пристани были любопытные названия улиц, *так и веяло от них старой, наивной Россией*. Была, например, Пекарная улица, будьте спокойны, что название соответствовало действительности. Скажем, была Тюремная улица, причем в самом центре города. Это так и было на самом деле, – там находилась тюрьма, защищенная высокими стенами и всеми атрибутами этого учреждения. Была Полицейская улица, она оправдывала свое название. На ней находилось полицейское управление. А когда человек начинал чихать, и его спрашивали, где он так простудился, то следовал ответ, что он простудился на Сквозной улице»¹⁰⁰; «на нашей мирной Садовой улице, действительно мирной, даже чьи-то коровы проходили утром и вечером мимо нашего сада; говорили, что это бывший офицер завел молочную ферму и научил коров поворачиваться и равняться по команде»¹⁰¹.

Ремифологическая подоплека семантики и прагматики «харбинского текста», по мысли А.А. Забияко, близка модели «буржуазного мифа» о городе

⁹⁸ Устрялов Н.В. Иркутск-Харбин // Новости жизни. 1927. Юбилейный номер.

⁹⁹ Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 82.

¹⁰⁰ Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 205–210.

¹⁰¹ Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. № 200. С. 317.

(Р. Кайуа)¹⁰², в котором в особых социально-экономических и социально-политических условиях все жители получают относительно равные права – нужно только иметь желание трудиться и развивать свои дарования¹⁰³.

Порубежность как концептуальная основа харбинской онтологии, определяющая его семиотические доминанты (социальные, религиозные, этнокультурные) в сознании жителей города породила множество перифрастических аналогий с другими городами-мифемами: «восточный Петербург», «восточная Москва», «восточный Париж», «восточный Иерусалим», «восточный Сион». При этом каждой отдельной социально-культурной и этнокультурной группе – в диахроническом аспекте – импонировали разные ипостаси Харбина: образованной и заряженной литературно элите – «восточный Петербург», патриархальным православным жителям – «восточная Москва», обретшей в Харбине прибыльный бизнес и свободу еврейской общине – «восточный Иерусалим», «восточный Сион» и т.д. Характерно, что спустя десятилетия в уже китайском дискурсе рецепции «харбинского текста» наиболее востребована его «международная» составляющая: «восточный Париж».

«Города с первого момента их возникновения были пространственными точками, несущими огромную нагрузку, не только функциональную, но и смысловую, – справедливо отмечает Н.Е. Меднис. – Город по отношению к деревне изначально мыслился как центр по отношению к периферии, что сформировало особую мифопоэтику города, до сих пор оказывающую влияние на восприятие даже самых современных из них»¹⁰⁴. Изначально Харбин был городом, осознаваемым русскими как глубокая периферия по отношению не только российским, но и дальневосточным центрам, но как центр по отношению к поселкам и городкам КВЖД по линии дороги и в пространстве Северной Маньчжурии в целом, а впоследствии и центр дальневосточной эмиграции.

¹⁰² Кайуа Р. Париж – современный миф // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 131.

¹⁰³ Там же. С. 126–127.

¹⁰⁴ Меднис Н.Е. Городские тексты // Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. С. 9.

При этом каждый из этапов его русской истории вносил в «харбинский текст» свои новые коннотации. Ю.М. Лотман в семиозисе города выделяет города *концентрического и эксцентрического* типа: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это "вечный город". Эксцентрический город расположен "на краю" культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза "земля/небо", а оппозиция "естественное/искусственное". Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря»¹⁰⁵.

Очевидно, что Харбин рождается как город эксцентрического типа – на краю русской земли, в центре полудикой Маньчжурии, в устье желтоводной, чреватой наводнениями Сунгари. Но эти смыслы проявляются в его онтологии далеко не сразу – а только в период японской оккупации, начала исхода харбинцев в Шанхай. Неслучайно в эти годы появляются эсхатологические прогнозы А. Несмелова:

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит.
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.

И через сколько-то летящих лет

¹⁰⁵ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45.

Ни россиян, ни дач, ни храма – нет,
И только память обо всем об этом
Да двадцать строк, оставленных поэтом.

(А. Несмелов. Эпитафия. 1932)¹⁰⁶

Развивая в этом русле специфику создания «харбинского текста», укажем знаковые элементы природной сферы¹⁰⁷: *климатически-метеорологический* (с одной стороны, погода, напоминающая отчасти Дальний Восток и Приамурье – с другой стороны, близость к Гоби и удручающие песчаные бури) и *ландшафтный* (маньчжурские степи и гаоляновые поля, окружающие город).

Субстратными элементами, относящимися к *материально-культурной сфере* «харбинского текста», является его *градостроительный и архитектурный* облик: изначально задуманная планировка по типу военного поселения, петербургская застройка города, преобладание архитектурного стиля модерн, совмещение в облике города китайского и европейского компонентов¹⁰⁸ и т.п.

Данные элементы определяют возникновение знаковых архитектурно-культурных доминант в «харбинском тексте», символов «международного, фантастического, русского»¹⁰⁹ города, процветающего в центре «полудикой Маньчжурии», и его культурной жизни. Так складываются в сознании харбинцев образы железнодорожного вокзала, гостиницы «Модерн», городского сада, Николаевского собора, Иверской церкви¹¹⁰ и т.д.

Образовательный вектор «харбинского текста» определяется соединением различных образовательных традиций в школьном и университетском обучении

¹⁰⁶ Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 184.

¹⁰⁷ Забияко А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2021. С. 7–51.

¹⁰⁸ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008. 428 с.

¹⁰⁹ Забияко А.А. «В прошлой жизни я был русским»: теософия и мистический реализм под звездами Маньчжурии (Альфред Хейдок) // Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. С. 82.

¹¹⁰ Забияко А.А. Русский город среди маньчжурских болот: житейская реальность и художественное мифотворчество харбинцев // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 15.

(дореволюционной, советской, японской), исторически определившем специфику воспитания и образования «маньчжурцев»¹¹¹.

Религиозный субстрат Харбина закономерно формировался под воздействием разных религиозно-конфессиональных ориентаций харбинцев. Однако доминирование православия определялось выше указанной установкой на «русскость» в противовес «чужим богам»¹¹².

За последующие «четверть века беженской судьбы» (А.И. Несмелов) Харбин и харбинцы (старожилы и новоприбывшие после революции беженцы) пережили противостояние разных политических систем – в первую очередь, белой и красной, переход дороги из русских – в китайские руки (1924 г.), а затем в японские (1931 г.), японскую оккупацию города. В 1945 г., после освобождения Маньчжурии от японцев советскими войсками, город постепенно переходит под полное китайское управление и начинается новая волна миграционных процессов русского населения по странам и континентам.

К началу 1950-х гг. «русский этап» истории Харбина подходит к концу. Окончательной точкой в нем становятся события «культурной революции». Русские – добровольно и под негативным воздействием китайских властей в основной массе покидают город. Дав возможность русским беженцам после революционного апокалипсиса пожить иллюзией о «прежней России», воплотив в себе на короткое время миф о «золотом веке», русский Харбин исчез. Начавшиеся репрессии касаются не только оставшихся русских, метисов, но и китайцев.

Потому конец эпохи русского Харбина связан с эсхатологическими сюжетами «городского текста». Не случайно сегодня бывший центр восточного

¹¹¹ Лешко С.С. Свято-Николаевский кафедральный собор. Архитектурная легенда православного Харбина // Забияко А.П., Забияко А.А., Эфендиева Г.В., Киричков И.В., Конталева Е.А., Цмыкал О.Е., Лешко С.С., Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Зиненко Я.В., Землянская К.А., Абеленцев В.Н. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2022. С. 43–48; Киричков И.В. Здание Железнодорожного собрания // Там же. С. 21–29; Киричков И.В. Здание Управления КВЖД // Там же. С. 30–34; Архитектурное наследие Русского зарубежья: вторая половина XIX – первая половина XX в. / Сост., отв. ред. С.С. Лешко. СПб., 2008. 488 с.; и др.

¹¹² Забияко А.А., Цзюй Куньи. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной) // Религиоведение. 2021. № 4. С. 78–94.

зарубежья окрестили «Русской Атлантидой» (Э. Штейн)¹¹³. Данная мифологема вполне адаптирована в сознании бывших харбинцев: *«У меня совершенно другое понятие о Харбине, не то, которое было раньше. Ну, тот Харбин, который для меня был, он, как говорится, утонул. Как Атлантида, ушел. Его уже нет и никогда не будет. А новый Харбин – очень хороший город. Очень хороший»* (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ]. Характерно, что уход «русскости» из Харбина рождает в сознании уже китайских его жителей эсхатологический мотив богооставленности: *«И китайцы так и говорили: “Ушли русские, и Николай Чудотворец вместе с ними ушел из Харбинá”. Ну, уж когда спалили собор-то, ну они его не спалили, они [хунвейбины], конечно, его разобрали, тогда и совсем конец всему пришел»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Соответственно, «харбинский текст» русской культуры представляет собой овеществленный и осмысленный образ города как результат рефлексии жизни города с начала его возникновения по наши дни, отражающий в своей структуре систему доминирующих концептов (доминантных точек), образов, оценок – те или иные ракурсы картины мира харбинцев на невербализованном (архитектурном, музыкальном, религиозном, этническом, антропологическом) и вербализованном (документальном, публицистическом, литературном, фольклорном) уровнях.

Первостепенное значение в создании вербализованной части городского текста играют исторические документы, публицистические, литературные, мемуарные источники, которыми определяется историческая составляющая каждого периода городской онтологии.

В отличие от вышеназванных городских текстов, которые имеют разную по давности историю, но до сих пор находятся в процессе перманентного созидания, «харбинский текст» русского периода бытования города в его документальной,

¹¹³ Штейн Э. В поисках исчезнувшей Атлантиды // Новый журнал. 1999. № 214. С. 266–277.

публицистической, литературной части обладает определенной законченностью. Русского Харбина больше нет, сегодня это – истинно китайский город. Не осталось в Харбине его первых насельников – русских и даже китайцев, население города сегодня в основном представлено переселенцами из других регионов Центрального и Северного Китая. Но именно этот период харбинской истории – с начала его основания до 1950-х гг. – определяет специфику городского текста и его рефлексии в историческом, культурном, литературном плане.

Исторические документы фиксируют события харбинской жизни в контексте событий «большой истории» России и Китая, СССР и Китая. В случае с Харбином указанного периода это – документы, связанные с подписанием различных договоров и решений (о строительстве КВЖД, об основании Харбина), фиксирующие те или иные события на линии КВЖД и прилегающих территорий – вплоть до окончательной передачи прав на дорогу китайскому управлению¹¹⁴. Данные материалы представляют собой два уровня осмысления – синхронический (собственно исторические документы) и диахронический (исторические исследования и интерпретации). Помимо идеологических разночтений, присущих историческим интерпретациям, данным в разные периоды, с советской/российской стороны, документально-исторический пласт «харбинского текста» представлен неоднозначными оценками китайской стороны¹¹⁵.

Публицистическая часть «харбинского текста» запечатлена, в первую очередь, в материалах периодической печати, издаваемой в самом Харбине практически с самого начала его основания, Шанхае и в небольшом количестве в западном зарубежье – после возникновения института эмиграции¹¹⁶. Если русская часть публицистического текста более-менее систематизирована и исследована, то китайская еще ждет своих реципиентов и интерпретаторов.

¹¹⁴ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Забияко А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2021. С. 7–51.

Наиболее детализованной и многоаспектной является литературная часть харбинского текста, в которой отражены самые разные стороны харбинской жизни с социально-политической, этнорелигиозной, этнокультурной точек зрения¹¹⁷; социокультурного (элитарного), гендерного, идеологического ракурсов¹¹⁸. Литература Харбина его русского периода прекращает свое развитие вместе с концом литературного быта русского города (1945), но спустя некоторое время наступает время мемуаров разъехавшихся по странам и континентам пишущих и владеющих словом харбинцев¹¹⁹.

Позитивистская установка брать на веру все, что «написано пером» эмигранта, до конца 90-х гг. прошлого века – начала 2000-х гг. господствующая в отечественной историографии зарубежья, способствовала однозначному и многочисленному воспроизведению тех реалий харбинской жизни, что зафиксированы в воспоминаниях М. Волина, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешина, В. Слободчикова¹²⁰. При этом даже история литературно-художественного объединения «Чураевка» в этих источниках обрела весьма

¹¹⁷ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008 428 с., Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. 352 с.; Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. 503 с., Забияко А.П., Беляков А.Е., Гаврилов С.С., Конталева Е.А., Родионова К.И. Этнокультурный атлас Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2016. 160 с.

¹¹⁸ Эфендиева Г.В. Шекспировский контекст в лирике Нины Завадской (с версификации двух стихотворений поэтессы) // Вестник Амурского государственного университета. 2006. № 1. С. 50–64.

¹¹⁹ Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Владивосток, 2019. С. 200–214.

¹²⁰ Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. 1982. № 34. С. 337–357; Жемчужная З. Пути изгнания. Нью-Йорк, 1987; Ильина Н. Дороги и судьбы / Предисл. В. Жобер, А. Латыниной. М., 2011. 768 с.; Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70; Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997–2000. № 4–7; Перелешин В. Два полустанка. Амстердам, 1987; Рачинская Е.Н. Перелетные птицы. Сан-Франциско, 1982; Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни. Париж, 1990; Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173; Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. 431 с.; Таскина Е.П. Харбин. Ветка русского дерева. Новосибирск, 1991; Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994; Таскина Е.П. Русский Харбин. М., 1998. 272 с.

запутанный и субъективный характер¹²¹, что же говорить о тех воспоминаниях, которые параллельно писались на Западе и в СССР.

Мемуары эмигрантов «по ту сторону» и «по эту сторону» границы (переехавших в Америку, Канаду, Францию и «вернувшихся» в СССР), изданные в 70–80-е гг. прошлого века, как правило, принципиально отличаются идеологической установкой. О «золотом веке» харбинской юности писать могли только те, кто имел творческую свободу, кто после Харбина ощутил бесприютность Шанхая, а затем оказался в полном одиночестве в разных уголках земного шара – в Бразилии (В. Перелешин), во Франции (Л. Андерсен), в Америке и Канаде. Тем же, кто по собственной воле либо вынужденно попал в СССР, чтобы высказаться, необходимо было выбирать «верный тон» либо – молчать. Не случайно Н. Щеголев, искренне стремившийся в СССР, а затем прозябающий там в качестве лектора Свердловской филармонии (настоящая синекура по сравнению с лагерями и даже должностью помощника библиотекаря В.А. Слободчикова), так и не опубликовал свой автобиографический роман о Харбине «Перекресток».

Потому «верный тон» мог быть только обличающим эмиграцию и эмигрантов. Так и поступила Н. Ильина, издав свою книгу воспоминаний «Дороги и судьбы»¹²². Абсолютно ясно, что не просто полемические, а негодующие интонации высказываний Ю.В. Крузенштерн-Петерец и В.А. Слободчикова в адрес Н. Ильиной оправданы в этом отношении – Н. Ильина уж слишком постаралась нарисовать в черных красках всю жизнь дальневосточных эмигрантов, в духе советской борьбы с «белобандитами», «белогвардейцами» и предателями Родины. Но постепенно становится ясным и другое – многое из этих воспоминаний снимает романтический флер с образа эмигрантской жизни: не у всех все было хорошо в Харбине, была бедность, были отчаяние и безнадежность.

Позднее на «закате» застоя в СССР, затем в постперестроечной России появляются более взвешенные и политически нейтральные работы Е.П. Таскиной («Ветка русского дерева», 1991; «Неизвестный Харбин», 1994; «Русский Харбин»,

¹²¹ Забияко А.А. «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

¹²² Ильина Н. Дороги и судьбы / Предисл. В. Жобер, А. Латыниной. М., 2011. 768 с.

1998 и др.) и Г.В. Мелихова («Маньчжурия далекая и близкая», 1991; «Белый Харбин. Середина 20-х», 2003)¹²³. Елена Петровна Таскина, сама бывшая харбинка, училась в гимназии ХСМЛ, была лично знакома с А. Ачаиром, затем – с его супругой, в советское время была вхожа в семью В.А. Слободчикова. Она первая приступила к изданию редких материалов о Харбине и художественных текстов дальневосточных эмигрантов. Историк-китаевед Георгий Васильевич Мелихов – также уроженец Харбина. Они родились и выросли, учились в Харбине «в то самое» легендарное время (до середины 50-х гг.), знали многих известных харбинцев либо слышали о них, стали свидетелями знаковых событий харбинской истории. Кроме того, данные ученые в дальнейшем получили хорошее образование в СССР, имеют авторитет в научных кругах. Однако – при всех своих достоинствах мемуарная часть «харбинского текста» не может претендовать на самодостаточность.

Можно уверенно говорить о том, что статусом документа особого рода вербально зафиксированным обладает устный «городской текст». Это – неофициальная часть сознания горожан, отражающая реалии жизни города и его обитателей в синхроническом и диахроническом ракурсе и запечатленная в устном слове. Городской фольклор, как известно, вбирает в себя «новации, рожденные меняющейся реальностью и деформирующие старые традиции»¹²⁴, в той или иной мере сохраняя архетипические древние смыслы и образы, присущие устной народной традиции тех сообществ, что формируют городскую культуру и городской текст.

В фольклорной части «харбинского текста» контаминировано элитарное и простонародное, русское и китайское, просоветское и антикоммунистическое начала. С точки зрения живой традиции, предполагающей непосредственную трансляцию «из уст в уста», наполнение новыми реалиями и развитием жанровой

¹²³ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.; Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. 440 с.; Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая / Под ред. А.М. Буюкова и др. Владивосток, 2019. С. 200–214.

¹²⁴ Неклюдов С.Ю. Современный городской фольклор. М., 2003. С. 6.

системы фольклорный «городской текст» Харбина обретает форму артефакта и практически оказывается утраченным.

Но позднее, уже после создания «мемуарной» части городского текста, наступает активная фаза трансляции «харбинского текста» в устной исторической прозе. Поначалу из-за примата элитарного (исторического, литературного и мемуарного) аспектов изучения харбинской культуры данный раздел харбинистики поначалу представляется исследователям мало заслуживающим внимания.

Осознание ценности устного слова о Харбине пришло к исследователям довольно поздно – именно тогда, когда живые носители этого знания стали уходить из жизни и пришло понимание ценности того периода харбинской жизни и для истории России, и для истории Китая. Общение с представителями харбинских землячеств – представителями самых разных профессий и национальностей, оставшимися в живых харбинскими писателями, поэтами сформировало насущную необходимость собирания их устных свидетельств об истории Харбина и харбинской жизни. Необходимо было, чтобы харбинцы и жители пристанционных поселков по линии КВЖД «заговорили» бы с читателями и исследователями своими разными голосами – представителей разных этносов, культур и религий, разных социальных слоёв и образовательных уровней, письменным и устным, литературным и просторечным, пиджинизированным языками. Такой полифонизм точек зрения и языков под силу фольклорному тексту – несказочной (исторической) прозе.

Исследование несказочной (исторической) прозы как вербализованной части «харбинского текста» основано на сложившемся в современной филологии представлении о тексте как об открытой системе, соотнесенной с другими текстовыми и смысловыми системами, находящейся с ними в диалоге.

Таким образом, несказочная (историческая) проза является полноправной, но специфической частью вербального (устного) «харбинского текста» первой половины XX в. Она не только выполняет функцию «коммуникативного и

культурного воскрешения прошлого»¹²⁵, но и фиксирует специфику сознания русских и китайских жителей полиэтнического города, существующего почти полвека при доминирующей роли русской культуры. Концептуальными основами порождения и трансляции несказочной исторической прозы харбинцев выступают порубежность, полиэтничность, мифологичность – универсальные константы вербальной части «харбинского текста». «Доминантными точками» бытования становятся семейные мемораты, устные рассказы о религиозной жизни, праздничной культуре харбинцев, образах взаимовосприятия русских и китайцев.

1.2 Специфика несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в., методика ее собирания и изучения

Несказочная (историческая) проза Харбина формировалась как часть харбинского городского фольклора и с той спецификой, что изначально была присуща харбинской культуре. Очевидно, ее возникновение восходит к началу строительства КВЖД и самого города – об этом свидетельствуют различные письменные фиксации слухов, сплетен, семейных меморатов, случаев из жизни и различных былей¹²⁶. Как подчеркивает С.Ю. Неклюдов, «городские традиции порождают свои собственные тексты, распространяющиеся как в устной, так и в письменной форме, причем оба канала коммуникации тесно переплетены. Эти тексты связаны с нарождающейся массовой культурой, которая в свою очередь воспроизводит многие родовые свойства традиционного фольклора (социально-адаптационное значение произведений, их преимущественная анонимность, господство стереотипа в их поэтике, вторичность сюжетных мотивировок в повествовательных текстах и т.д.), что весьма облегчает подобную связь. Однако

¹²⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 49.

¹²⁶ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.; Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. 440 с.

от традиционного фольклора массовая культура резко отличается идеологической "полицентричностью", повышенной способностью к тематической и эстетической интернационализации своей продукции и к ее "поточному" воспроизведению в виде немислимых для устного творчества идентичных копий»¹²⁷.

К сожалению, культура русского города в целом слишком долго оставалась для науки *terra incognita*, будучи скорее прерогативой литераторов и бытописателей-краеведов, чем филологов-фольклористов; всерьез городские традиции, особенно – «низовые», начинают фиксироваться и изучаться лишь в нашем столетии (хотя с 30-х годов вплоть до самого недавнего времени их исследование в России вновь становится крайне затрудненным, если не невозможным)¹²⁸.

Первые десятилетия строительства Харбина и не располагали к формированию интереса к городскому фольклору – ему надо было сложиться в кипящем вареве самых разных традиций и концептов, определяющих пестрое полотно социальной и этнической среды Харбина. Эпоха «зрелого Харбина» – 20–40-е гг. XX столетия, насыщенная бурными политическими событиями, – также не стала временем фиксации устного текста города. Высокий культурный запрос харбинцев первой половины XX в., «тотальная власть литературы»¹²⁹ и прекрасно развитая периодическая печать обусловили маргинальный статус устной словесности Харбина и, соответственно, довольно поздний интерес к ней исследователей¹³⁰.

¹²⁷ Никифорова, И.Д. Массовая литература – специфика и функции // Массовая литература в странах Азии и Африки / Отв. ред. И.Д. Никифорова, А.Н. Сенкевич. М., 1985. С. 9–13.

¹²⁸ Неклюдов С.Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследование по славянскому фольклору и народной культуре. Окленд (Калифорния), 1997. С. 77–89.

¹²⁹ Забияко А.А., Забияко А.П. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трехречья) // *Emigrantologia Słowian*. 2015. Vol. 1. С. 13–25.

¹³⁰ Чистов К.В. Специфика фольклора в свете теории информации // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 26–43; Азадовский М. Сказительство и книга // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932; Анекдоты наших читателей. Вып. 1–5. М., 1994; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977; Бахтин В.С., Путилов Б.Н. Фольклор и культурная среда

Как указывает С.Ю. Неклюдов, в формировании городского фольклора действуют два противоположных процесса – формирование закрытой традиции и взаимопроникновение традиций определенных сообществ и субкультур¹³¹. В случае с несказочной (исторической) прозой Харбина эти процессы, наоборот, имеют встречное направление. Вполне закономерно, что в период расцвета Харбина формировался городской фольклор военных, служащих КВЖД, жителей определенных районов Харбина, театральных и культурных деятелей и разных маргинальных сообществ. В той или иной мере фольклору этих сообществ были присущи жанры исторической прозы. К сожалению, сегодня мы не можем их реконструировать – лишь эксплицируем фрагментарные элементы топонимических, этиологических исторических нарративов из мемуарной и художественной литературы, воспоминаний харбинских землячеств¹³².

Для возникновения интереса к коллективной истории (а устная историческая проза возникает именно на этой основе) необходима объединяющая определенный коллектив (субкультуру) установка на рефлексию исторического события и некие объединяющие данное сообщество культурные коды¹³³. После 1949 г., когда русские практически оставили Харбин, разъехавшись по разным странам и континентам, долгое время такая установка отсутствовала – реэмигранты и новоявленные эмигранты из Харбина осознавали свое нынешнее бытие в СССР, Америке, Австралии, искали возможности закрепиться на новом месте – решали практические вопросы выживания. Оставшиеся в Китае китайские и метисированные жители начинали историю Харбина с «чистого листа».

Харбинцам необходима была определенная временная дистанция для осознания легендарности эпохи, включившей их детство и юность, понимания

ГУЛАГа. СПб., 1994; Белоусов А.Ф. Городской фольклор. Лекция для студентов-заочников. Таллин, 1987.

¹³¹ Елистратов В.С. Словарь московского арго: (Материалы 1980–1994 гг.). М., 1994. 699 с.

¹³² Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.; Иванов Вс. Из харбинского жития // «Дело не получило благословения бога»: Публицистика и мемуары белых. Хабаровск: Кн. изд-во, 1992; Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 205–210; Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. № 200. Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1999. № 6.

¹³³ Неклюдов С.Ю., Костюхин Е.А. Современный городской фольклор. М., 2003. 736 с.

ценности своей личной истории и истории своего сообщества как интересного потомкам. Но после того, как после личных и исторических передряг жизнь бывших харбинцев (и тех, кто остался в Харбине и был свидетелем русского этапа истории города) более-менее наладилась, начинается процесс духовного «призыва» всех бывших харбинцев. Невзирая на социальные, культурные, этнические, экономические и нынешние географические различия, они осознают свою общность и свою задачу зафиксировать память о Харбине. Возникают различные землячества харбинцев в городах бывшего СССР (Омске, Новосибирске, Алма-Ате, Москве, Ленинграде-Санкт-Петербурге, Хабаровске, Риге, Таллине и т.д.), США (Сан-Франциско), Израиле (Тель-Авив). Организуется выход печатных органов этих землячеств («Русская Атлантида», «Игуд Иоцей Син», «Харбин», «На сопках Маньчжурии» и т.д.), основное содержание которых как раз базируется на продуцировании и воспроизведении воспоминаний харбинских жителей о жизни в Харбине.

Культурный стандарт в реконструкции харбинской истории был задан мемуарами. Данная тенденция была определена самой природой жанра, ведь «мемуары вызываются к жизни не столько внешними, прагматичными целями, сколько потребностью разобраться в самом себе через высказанное слово. Вот почему именно в мемуарах наиболее отчётливо воплощается "изображение души". Осознание автором ценности любой человеческой жизни, превращение её в некий объект познания – тот мотив, который толкает многих людей к написанию мемуаров. А поэтому эпоху, историческое время они стремятся показать через личность, через человека, через субъективное время»¹³⁴.

Первые харбинские мемуары создавались в основном литературной и культурной элитой русского Харбина – политическими деятелями, писателями и поэтами, журналистами. Это обусловило их тематико-стилистическое наполнение. Первыми авторами мемуаров становятся писатели, общественные деятели, журналисты (супругов Серебренниковых, М. Волина, Ю. Крузенштерн-

¹³⁴ Мажарина Ю.Н. Мемуары как вид публицистического творчество // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 199–206.

Петерец, В. Перелешина, Е. Рачинской, Л. Андерсен и др.)¹³⁵. Затем появляются мемуары детей эмиграции – тех, кому было разрешено писать об этом в СССР¹³⁶, и, напоследок, появляются воспоминания тех, кто выжил и дожил до 10-х гг. XXI в., уже не боялся и успел оставить воспоминания¹³⁷ и немногие другие.

В основу всех письменных воспоминаний так или иначе легло стремление «восстановить» тот, уже прошлый Харбин, в его идеальном воплощении. Гипертрофированная «русскость» оказавшихся в Китае эмигрантов и их стремление обозначить торжество своей этничности наперекор «чужим богам» сформировало перекосы в рефлексии ими этнических процессов, инокультуры и инокультурных контактов. Примером могут послужить скептические тезисы Е.П. Таскиной в адрес исследований А.А. Забияко, посвященных этнокультурному взаимодействию русских и китайцев в повседневной, культурной, литературной жизни¹³⁸. Китайских (китайскоязычных) мемуаров об этом периоде китайской, наравне с русской, истории практически не возникает. Китайский Харбин словно начинает свое рождение в 1949 г., после образования КНР – и это вполне объяснимо с точки зрения типологически закономерного идеологического понимания существования истории «до и после» («до» – период «царского колониализма белых русских», «после» – начало новой эры Нового Китая). Вспомним аналогичный подход к историческому прошлому России в

¹³⁵ Например: Волин М. Гибель Молодой Чураевки (воспоминания) // Новый журнал. 1997. № 209; Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. 1982. № 34; Крузенштерн Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204; Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997–2000. № 4–7; Перелешин В. Два полустанка. Амстердам, 1987; Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173; Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005; Жемчужная З. Пути изгнания. Нью-Йорк, 1987; Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни. Париж, 1990; Рачинская Е.Н. Перелетные птицы. Сан-Франциско, 1982; Софонова О. Пути неведомые. – Мюнхен, 1980. 302 с.

¹³⁶ Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1994. 317 с.

¹³⁷ Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. 431 с.; Таскина Е.П. Дорогами русского зарубежья: мемуары / Худ. М.М. Лобанов. М., 2007. 232 с.; Янковский М. Янковский Ю., Янковский В. Нэнунни. Дальневосточная одиссея. Владивосток, 2012. 640 с.

¹³⁸ Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. – Владивосток, 2019. С. 200–214.

ранний советский период с лозунгом «прошлого не существует»¹³⁹. Исключением могут служить воспоминания Ли Иннань (1943 г.р.), дочери легендарного китайского революционера Ли Лисаня и русской дворянки Елизаветы Павловны Кишкиной, о своей русской няне-харбинке¹⁴⁰, в которых обозначена присущая исключительно Харбину первой половины XX в. неразделимая связь русских и китайцев. Однако «случай русской няни» в китайской жизни – на самом деле не типичный. Жена бывшего колчаковца стала работать в семье Ли Лисаня только потому, что ее рекомендовали советские власти (не знающие о ее первом муже) как благонадежную и аккуратную работницу, которая сможет разговаривать с русской супругой высокопоставленного китайского деятеля.

Письменные воспоминания, созданные представителями русской культурной элиты, при всей своей художественной яркости, порою – новеллистичности, не создают полноценной картины харбинской повседневности. Для реконструкции повседневной жизни Харбина первой половины XX в. возникла потребность обращения к «народному слову» об этом уникальном городе. Одними из вестников появления такого «слова» стали опубликованные воспоминания Н.Н. Лалетиной (1932 г.р.) – о детстве и юности девочки из обычной харбинской семьи, дочери домохозяйки и служащего – бывшего офицера, учившейся в городской школе вместе с китайскими и японскими ребятами, успевшей поработать в конторах Чуринаского универмага, вышедшей замуж за такого же простого харбинца¹⁴¹. Эти воспоминания – удивительный сплав присущего харбинцам культурного запроса и реалий повседневной харбинской культуры, перемолотых в сознании воспоминательницы прецедентных мемуарных текстов и личных воспоминаний о встречах с удивительными людьми (о. Андреем (Труфановым), Ю.М. Янковским,

¹³⁹ Чудакова М.О. Избранные работы. Т. I: Литература советского прошлого. М., 2001. С. 296.

¹⁴⁰ Ли Иннань. Русская литература и ценностные ориентации китайской интеллигенции // Русская литература XIX–XXI веков: метаморфозы смысла: Юбилейный сборник научных трудов, посвященный Н.И. Якушину и В.В. Агеносову / Под ред. Л.Г. Кихней. М., 2017. С. 7–11.

¹⁴¹ Лалетина Н.Н. Японцы. Огре, 2016. 352 с.; Лалетина Н.Н. И снова мой Харбин: К 120-летию города. Рига, 2018. 66 с.

С.В. Мелиховым и т.д.)¹⁴². Книги Н.Н. Лалетиной – это маргинальный жанр, созданный на стыке устной и письменной традиции.

Целесообразность собирания устных рассказов наиболее оправдана в тех случаях, «когда после произошедших событий почти не остается других источников, кроме впечатлений и свидетельств, отпечатавшихся в человеческой памяти»¹⁴³. Наш случай именно такой – «малейшая подробность кажется драгоценной»¹⁴⁴. Устные свидетельства о жизни в этом городе в первой половине XX в. обладают непреходящим значением человеческого документа, «уходящей природы»¹⁴⁵.

Спустя много лет после драматического рассеяния русских эмигрантов и детей эмиграции по разным странам и континентам, страшных событий «культурной революции», когда оставшиеся в Харбине «белые русские» (в формулировке тех лет) сидели в своих квартирках с закрытыми ставнями, боясь показаться на улице – или же сидели в китайской тюрьме как оппортунисты и советские шпионы – началось реформирование Китая, последовали десятилетия прозападной ориентации китайцев на более успешных, чем несчастный распавшийся СССР, партнеров. Русское и совместное русско-китайское прошлое в эти годы в Китае также старательно вымарывалось из китайских анналов истории, архивы уничтожались. И вот именно тогда, когда живые носители знания о Харбине стали уходить из жизни, а в Харбине русских практически не осталось – забрезжило понимание ценности того периода харбинской жизни и для истории России, и для истории Китая.

Объединение усилий русских и китайских исследователей, интеграция по возможности двух этнокультурных, этносоциальных, общественно-политических точек зрения на тот период общей истории имеет большой научный потенциал.

¹⁴² Забияко А.А., Цмыкал О.Е. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 45–55.

¹⁴³ Методологические основы устной истории историческая память. Составление вопросников и типы вопросов. URL: <https://bookadom.ru/metodologicheskie-osnovy-ustnoi-istorii-istoricheskaya-pamyat/> (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁴⁴ Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. М., 2005. С. 28–29.

¹⁴⁵ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 8.

Именно к такому выводу пришли ученые России и Китая на Международном семинаре, посвященном обсуждению российско-китайского проекта «История и культура Харбина в устных рассказах дальневосточных эмигрантов» (Центр изучения дальневосточной эмиграции, Амурский государственный университет, г. Благовещенск (Россия) и Департамент краеведения провинции Хэйлунцзян, Харбин (КНР), 16 апреля 2018 г.).

В подходе к несказочной (исторической) прозе Харбина в определенном смысле столкнулись две научные школы. Китайская школа следовала методике устной истории (Oral History), методу интервью, с помощью которого создается новый исторический источник (документ), основанный на эмпирическом опыте или индивидуальной/социальной памяти участников или очевидцев исторических событий или прошлой жизни¹⁴⁶.

Китайских исследователей, идущих вслед американской парадигме, интересовала фиксация харбинских «жизненных историй» и их кумуляция как таковая¹⁴⁷. Данная установка отчасти объясняется традиционным китайским отношением к текстам воспоминаний как историческим источникам. В подобном методологическом ракурсе, к примеру, частные истории, не вписывающиеся в общую канву исторических фактов, не берутся в расчет – как «неправильные», «неграмотные», «неумные». При этом акцент в эвристической направленности делается на «европейское» прошлое Харбина – его «международность», размывающую мощное русское начало – подобный подход объясняется предполагаемой дальнейшей коммерциализацией результатов научных изысканий.

Имея в запасе мощный корпус мемуарных и исторических источников, материалы архивных периодических изданий Харбина, мы исходим из того, что «устная история» в нашем случае обретает иной локус изучения. Наш научный подход предполагает сбор устных рассказов как русских, так и китайских жителей

¹⁴⁶ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 8.

¹⁴⁷ 陈墨. 口述史学研究: 多学科视角. 北京, 2015. 320 页. [Чен Мо. Устная история исследования: Междисциплинарная перспектива. Пекин, 2015. 320 с.].

Харбина и их интерпретацию с фольклористической – прагматической и семантической точки зрения. Помимо того, что несказочная (историческая) проза существенно дополняет и корректирует письменную историю – устные воспоминания в их сложном жанрово-тематическом целом (семейные мемораты, были, предания, легенды) обладают самоценным художественным значением как жанр фольклора¹⁴⁸, к тому же отражающий особенности этнокультурного, социокультурного, этнорелигиозного сознания наших реципиентов¹⁴⁹.

Наше исследование в рамках российско-китайского проекта основано на результатах 10 международных фольклорных экспедиций 2015–2019 гг. и дистанционных бесед, интервью (гг. Санкт-Петербург, Москва, Благовещенск, Пекин, Харбин, Карловы Вары, Сидней, Огре. Собиратели: Цзюй Куньи, Зиненко Я.В., Лешко С.С., 2015 г.; Забияко А.А., Цзюй Куньи, Лешко С.С., 2017 г.; Забияко А.А., Цзюй Куньи, 2018; Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А., Чжан Жуян, 2019 г.; Цзюй Куньи, 2019; Забияко А.А., 2019; Цзюй Куньи, 2020; Забияко А.А., Цзюй Куньи, 2021 г.; Цзюй Куньи, 2021; Забияко А.А., Цзюй Куньи, 2022 г.).

Методика организации сбора материала основана на классическом подходе сбора фольклорного материала, апробированном частью исследовательской группы в среде русских Трёхречья и русских Сюнькэ¹⁵⁰, амурских китайцев¹⁵¹. Основным методом сбора материалов стали интервью и последующая за этим спонтанная беседа – как очного характера, так и – сообразно условиям пандемии – в онлайн, WhatsApp формате. Заранее были составлены вопросники, базирующиеся на «доминантных точках» «харбинского текста», выявленных ранее: семейной истории, истории обучения в Харбине, религиозной (духовной)

¹⁴⁸ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционная культура. М., 2015. 384 с.

¹⁴⁹ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. – Новосибирск, 2017. 340 с.; Забияко А.А., Чжан Жуян. Устная история русских Трёхречья: мемораты vs рассказы по фотографиям // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 83–97.

¹⁵⁰ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 340 с.

¹⁵¹ Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Благовещенск, 2018. С. 212–229.

жизни, праздничной культуры, образах взаимного восприятия русских и китайцев. Предварительно мы проводили беседу с нашими респондентами, рассказывали о себе (если это требовалось), о своих семьях, своей работе, поясняли, почему нас интересует устная история Харбина. Перед беседой оглашали круг вопросов, который хотели обсудить. Иногда проблемы возникали, если мы обращались к респонденту в русско-китайском составе экспедиции – и русские, и китайцы по-своему настороженно относились к такому международному характеру интервью. Но практически всех респондентов вдохновляла значимость стоящей перед нами и ними задачи: сохранить память о Харбине и его жителях. Для русских этот призыв отзывался ностальгическими эмоциями, для китайцев – гордостью за уникальность своего города и за свою страну. Далее мы начинали просто беседовать и уточнять те нюансы, которые казались непонятными, кое-что просили подробно прояснить. При транскрибировании максимально следовали фонетическим, грамматическим, интонационным особенностям речи наших информантов при примате литературности. Все аудио- и видеозаписи с датировками, указанием интервьюеров сохранены на бумажных и электронных носителях Центра изучения дальневосточной эмиграции и классифицированы.

В результате очных, онлайн-интервью и бесед были опрошены русские, китайские, метисированные респонденты; их возрастные характеристики – 80–90 лет, однако были респонденты, чей возраст не превышает 60 лет. Социальные параметры – пенсионеры: бывшие учителя, инженеры, преподаватели, библиотекари, врачи; домохозяйки, ученые; религиозные – православные, старообрядцы, последователи даосизма, атеисты (их единицы); локальные – жители Китая, России, Австралии, Латвии; этнические – русские, китайцы, метисы. Беседы проходили в разных условиях – в домашней обстановке за чашкой чая, в кафе, в Доме журналистов (г. Санкт-Петербург), в холлах отелей и т.д. В одной из предпоследних экспедиций мы побывали в Пекине (А.А. Забияко, Цзюй Кунь), где смогли собрать уникальный материал, имеющий отношение к семье Ли Лисаня и его супруги Елизаветы Павловны Кишкиной. Нами были

записаны устные рассказы Ли Иннань, дочери Ли Лисаня, о жизни ее семьи в Харбине в начале 1950-х гг., о судьбе их харбинской няни, о детских годах Инны Александровны среди русской диаспоры в Пекине – вплоть до «культурной революции». Зять Ли Иннань, сын известного китайского деятеля Чжана Бао, Валерий Руденко (известный в СССР художник, уже более 30 лет живущий в Китае), также рассказал об истории своей семьи, связанной с послереволюционным Харбином.

В собирании, отборе и интерпретации устных рассказов жителей Харбина с фольклористической точки зрения по сравнению с историческим подходом проявилась своя специфика.

Во-первых, в результате сложных общественно-политических процессов в Китае и послевоенном СССР русские харбинцы оказались рассеянными по странам и континентам. Информантов и в России, и в Австралии, а тем более – в Китае, к сожалению, осталось не так уж много, возраст берет свое. Потому в нашем случае отсутствует проблема кумулятивной фиксации нарративов разных информантов, из-за которой исследователь-историк может утонуть в материале. Мы идем вслед за источником, по возможности учитывая все нарративы и точки зрения.

Во-вторых, мы не рассматриваем данные тексты как материалы сугубо информативного, фактологического содержания. Несмотря на узкий тематический репертуар устных рассказов, каждый из них представляет уникальный текст со своей индивидуальной спецификой, речевой манерой собеседника и характерными деталями.

Во-третьих, тематический репертуар наших интервью и бесед в общем плане определяется уже известными по мемуарным и историческим материалам фактами и реалиями жизни Харбина первой половины XX в. Однако ими он не ограничивается – в ходе свободных бесед с нашими информантами обнаруживаются новые темы и новые направления изучения устной исторической прозы Харбина. Так, совершенно неожиданно мы вышли на темы японизации системы образования и религиозной жизни в Харбине времен оккупации,

увлечения харбинцев теософией и гадательными практиками, на рассказы о харбинском фольклоре и играх детей и взрослых, особом харбинском языке – «русско-китайско-маньчжурско-японском тарабарском языке» [Интервью с Натальей Николаевной Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре, Латвия; 2019 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]].

В-четвертых, контент собранных нами материалов включает в себя устные рассказы как русских харбинцев, живущих в разных уголках земли – в России, Австралии, Китае, так и китайских, а также воспоминания потомков русско-китайских браков. Существует разница в языковом дискурсе – русские харбинцы в Австралии пересыпают свою речь англицизмами, зачастую просто переходя на австралийский английский. Трудность сбора материала состоит в том, что русские информанты испытывают недоверие к фиксации устной речи – традиционно в них воспитывалось уважение к письменному слову, то есть – по крайней мере – к мемуарам. Китайские потенциальные информанты на контакт идут еще с большей неохотой – сказываются годы «культурной революции» и опасение попасть в немилость спецслужб. В первую очередь поэтому удельный вес китайских устных историй значительно меньше.

Отдельный слой устных историй представляют собой материалы, собранные у метисированного населения (детей русско-китайских браков) – в их воспоминаниях так или иначе проявляется маргинализация сознания наших реципиентов, при этом естественным образом различаются устные рассказы метисов, живущих в Китае, Австралии, России. Более того – метисированные жители Харбина из-за опасения сказать лишнее дают на русском и китайском языках иногда противоречащие друг другу сведения. Однако данный аспект, наоборот, зачастую можно расценивать как весьма продуктивный в ситуации маргинальной этничности информантов.

В-пятых, проблемной представляется разница в тематическом контенте вопросов, интересующих русских и китайских ученых. Русская часть исследователей определила их комплексом этнокультурных, социокультурных, этнорелигиозных, общественно-политических аспектов. Китайская сторона в

большей части интересовалась экономическими, гастрономическими, праздничными сторонами жизни Харбина.

Отдельного разговора заслуживает проблема рецепции самими информантами транскрибированного текста их интервью и его письменной фиксации. Некоторые реалии харбинской жизни, топонимика, диалектные слова, «харбинизмы» могут быть не распознаны либо расшифрованы с ошибками (например, рассказы Н.Н. Лалетиной о японизации системы образования и о повседневной жизни харбинцев, пересыпанные «харбинизмами», «китаизмами» и «японизмами»). С другой стороны, высокий уровень книжной культуры наших респондентов и их погруженность в письменный текст о Харбине и его истории иногда мешает им сосредоточиться на устной беседе (так, Е.П. Таскина, отказывалась давать интервью Цзюй Куньи и уверяла, что она «все уже написала»: «Читайте мои книги!»), аналогичное поведение сопровождало наш поход к В.Д. Руденко; Л.Н. Соколова, наоборот, долго сетовала на то, что к интервью пригласили ее, а не Е.П. Таскину). Пишущие респонденты, как правило, скованы рамками своих письменных воспоминаний и менее словоохотливы (Е.П. Таскина, В.Д. Руденко). Респонденты, все же дающие интервью и читающие их письменное транскрибирование, остаются крайне недовольны отсутствием редакции и со стороны собирателя, и собственной, вплоть до обид (так, Н.Н. Лалетина после прочтения первой статьи авторов, где они использовали ее интервью, в пух и прах раскритиковала и себя, и интервьюеров)¹⁵².

Стоит заметить, что практически все присущие историческому подходу проблемы интерпретации устных рассказов¹⁵³ обретают противоположную ценность особого характера в фольклористическом и этнографическом ракурсе.

1. Если в собирании устной истории информантами выступают, как правило, представители последнего поколения, то при фольклористическом и этнографическом подходе интерес к преданию, передаваемому от предков, столь

¹⁵² Письмо Н.Н. Лалетиной А.А. Забияко и Цзюй Куньи после публикации ее устных рассказов в Альманахе «Традиционная культура» от 22.01.2020 г. // Личный архив А.А. Забияко.

¹⁵³ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 13.

же значим, что и к меморату. Потому среди наших информантов встречаются настоящие жители Харбина и потомки харбинцев – то есть третье и второе поколение с конца.

2. Высокая степень субъективности материалов, полученных в результате интервьюирования нами харбинцев разных этнических, социальных, политических групп, придает устным сюжетам «харбинского текста» особенный художественный, этнокультурный, этносоциальный, этнорелигиозный колорит.

3. Характерный для любого устного свидетельства «произвол рассказчика», при котором проявляется его психотип, характер, этническая принадлежность, дополненная в нашем случае локацией последующего исхода из Харбина, уровень воспитания и склонность либо несклонность к творческому домысливанию исторических фактов позволяют разнообразить жанрово-тематический и стилистический репертуар собираемого материала, обогащает сюжетику нарративов и мотивный комплекс.

4. Безусловно, большой проблемой и для историка, и для этнографа, и для фольклориста является проблема так называемых «матричных текстов», то есть тех текстов, которые были усвоены нашими, как правило, хорошо образованными респондентами из мемуарных, исторических источников. Однако в фольклористическом случае это влияние рассматривается в парадигме существования и развития городского фольклора и маргинальных вербальных текстов.

5. Влияние интервьюера на нашего рассказчика или рассказчицу, следование определенной логике вопросника позволяет сопоставить собранные истории в целом с их мемуарными аналогами, а внутри фольклорного материала сопоставить по этническому, национальному и социокультурному признаку.

В заключение резюмируем: под «устными рассказами» мы подразумеваем как нарративы, полученные от участников событий («свидетельские показания» – семейные мемораты, были, «случаи из жизни», слухи и сплетни), так и те рассказы о прошлом, что были получены харбинцами в результате усвоения устного опыта предков (родителей, бабушек и дедушек) – так называемое

«мифологизированное знание»¹⁵⁴ – те же семейные мемораты отдаленного прошлого, легенды, предания. Судя по собранным нами материалам, можно утверждать, что «харбинский текст» несказочной исторической прозы возникает с момента строительства города – возможно, раньше литературного и даже публицистического. Однако его фиксация начинается, наоборот, достаточно поздно – после создания мемуарного и рецепции литературного текстов. Тем не менее, устные рассказы и предания харбинцев как вербальная часть «харбинского текста» первой половины XX в., в единстве их жанрово-тематического, русско-китайского наполнения открывают большой потенциал для исследователей в аксиологическом, историческом, лингвокультурном, эстетическом аспектах. Благодаря им повседневная история Харбина наполняется живым антропологическим содержанием, а фольклорное слово о Харбине выражает глубинное народное – русское и китайское – представление об этом уникальном городе.

¹⁵⁴ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 13.

1.3 Жанры несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в.: прагматический и семантический аспекты дифференциации

Тезис о том, что «изучение прагматики фольклора максимально плодотворно именно на уровне локальной традиции»¹⁵⁵, как нельзя продуктивен в отношении изучения репертуара харбинской несказочной (исторической) прозы. Интерес к прошлому Харбина и его жителей, обустроившихся в Харбине начала XX в. и в течение полувека переживающих годы расцвета этого русского города в центре китайской Маньчжурии, и старания бывших харбинцев, поддерживающих интерес к данному виду народной памяти, был и остается залогом бытования и последующей трансляции особой – харбинской – культуры. В годы становления и процветания Харбина (конец XIX – до 40-х гг. XX в.) обращенность харбинцев к прошлому была обусловлена интересом к истории рода и месту исхода семьи (в России и т.д.), к «идиллии» дореволюционной жизни в метрополии и т.д. После окончания русского этапа развития харбинской культуры к этому пласту исторической прозы добавился новый – направленный уже в прошлое харбинской жизни, определяемый стремлением сохранить детали харбинской жизни родителей, своего (как правило, идиллического) детства и юности, желанием определить основы своей этнокультурной и этнорелигиозной идентичности. Потому репертуар несказочной прозы Харбина обладает, во-первых, своей *исторической* спецификой, потому что несказочная проза так или иначе вплетена в пространство исторической памяти. «Подобные рассказы ценны не только как произведения устной народной словесности, но и как источник, позволяющий ощутить "дух народа", его обыденный менталитет, складывающиеся веками и

¹⁵⁵ Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2010. С. 6.

передающиеся от поколения к поколению нравственные понятия, нормы поведения и эстетические представления»¹⁵⁶.

Во-вторых – с прагматической точки зрения в основе всей фольклорной исторической прозы харбинцев лежит *ремифологическая установка*, определяемая общим настроением наших информантов (русских, китайцев, метисов) на сохранение, воссоздание и трансляцию «харбинского мифа». Потому при анализе данного раздела исторической прозы мы неизбежно обращаемся к механизмам работы мифологического сознания. Специфика мифа и его сюжетики определяется тем, что носители мифологического сознания, безусловно, верят в его содержание¹⁵⁷. Живя в порубежье пространственном и временном, на границе русского / китайского, а позднее – и японского миров, между русской и китайской историей – харбинцы отражали и отражают свой быт и бытие в особых – маргинальных – образах (восприятия и самовосприятия) и текстах, с использованием своеобразного харбинского «воляпюка» (пиджина). Несмотря на то, что в воспроизведении устной прозы русские и китайские жители Харбина так или иначе нацелены на утверждение своей этничности, «русскости» или «китайскости» прошлого своего города – порубежность и мифологичность их сознания влияют на формирование и жанрового посыла рассказываемых им нарративов¹⁵⁸.

Итак, прагматический аспект детерминирует жанровое своеобразие исторической фольклорной прозы харбинцев – ее маргинальное положение между устным рассказом (сказом), меморатом / преданием, легендой.

Специфика бытования несказочной (исторической) прозы Харбина в ее жанровой составляющей в большей степени соответствует определению понятия жанра, данного Б. Путиловым в отношении неререфлектируемого самими

¹⁵⁶ Ясникова Т. Источник духа народа. Судьбоносные встречи Галины Медведевой-Афанасьевой. URL: <https://moi-goda.ru/irkutsk-slovo-chitatelya/istochnik-ducha-naroda-sudbonosnie-vstrechi-galini-medvedevoj-afanasevoj> (дата обращения: 21.09.2022).

¹⁵⁷ Шестеркина Н.В. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. С. 40–49.

¹⁵⁸ Забияко А.А., Цзюй Куньи. Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» несказочной прозы // Традиционная культура. 2023. № 1. (в печати).

исполнителями фольклорного творчества – то есть как «как исторически сложившейся и реализуемой в конкретных произведениях, в совокупности произведений (но могущая быть сформулированной в виде ряда универсалий) системы содержательных, собственно поэтических, функциональных и исполнительских принципов, норм, стереотипов, за которыми стоят выработанные коллективным опытом представления, отношения, связи с теми или иными сферами действительности, социальными институтами, бытом и т.д.»¹⁵⁹.

Несказочная (историческая) проза харбинцев в своем корпусе представляет в определенной степени эволюционирующую форму – от рассказа о предках и стране исхода до ремифологического сказания о Харбине и харбинцах: от семейного мемората к преданию и легенде. В харбинском случае легенды, практически по Б. Малиновскому, становятся «способом удовлетворения общественных амбиций через прославленных предков»¹⁶⁰ – в широком смысле предками в рассказах наших информантов выступают харбинцы прошлых лет как особая категория людей, практически атланты.

Е.Л. Тихонова выделила следующие факторы дифференциации фольклорного дискурса: «коммуникативно-прагматические условия жанровой дифференциации в фольклорном дискурсе определяются следующими факторами: ситуацией воспроизведения текста (субъекты речи с их социальными ролями, место, время), иллокутивно-мотивационными факторами (намерения и цели, которые преследуются при исполнении текста), коммуникативной ориентированностью исполнителя на слушателя и слушателя на исполнителя (так называемые психологические установки)»¹⁶¹.

Исходя из этой парадигмы, мы можем говорить о типологии ситуации воспроизведения текстов несказочной (исторической) прозы харбинцами –

¹⁵⁹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 239.

¹⁶⁰ Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 40–94.

¹⁶¹ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

интервью либо беседа по предварительной договоренности в специальном месте либо в домашней обстановке; иллокутивно-мотивационным фактором выступает желание харбинцев рассказать о Харбине, оставшемся в их памяти, сохранить память о своих близких и друзьях, осуществить воспитательную миссию, утвердить свою этничность, оставить назидание потомкам: *«Ну, я чувствую себя русским и буду чувствовать русским. И все харбинцы, которые из Харбина приехали, они остаются русскими в душе. Русские, уехавшие во Францию, потеряли русский язык и говорили по-французски. Русские, уехавшие в Англию после революции, стали англичанами. А русские, уехавшие в Китай, в Харбин, остались русскими и <использовали> русский язык, русское всё было. Харбинские русские – это особая нация, понимаешь? Сохранили русскую культуру, сохранили русский язык, и мы тут нашим детям тоже самое отдаём»* (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ]. Потому культурный феномен погружения в «харбинский текст» фольклора – несмотря на необрядовый его характер – отчасти сродни ритуальному посвящению профанов-собираателей в священное знание о Харбине.

Безусловно, коммуникативная ориентированность «слушатель-исполнитель» в данной ситуации определенно выражена и характеризуется обоюдным интересом информантов и собирателей, выступающих в роли собеседников. Специфичность коммуникативной ситуации обусловлена и русско-китайским составом исследовательской группы и, как следствие – двойной этнической ориентированностью наших информантов – на русских и китайских собирателей, рождающей зачастую либо два варианта рассказа (на русском и китайском языках, либо – разной жанровой природы¹⁶²), либо комментарии на неосновном языке беседы¹⁶³.

¹⁶² Забияко А.А., Цзюй Куньи. Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» // Традиционная культура. 2023. № 1 (в печати).

¹⁶³ Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Беседы с русской харбинской: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под

Как считает Е.Л. Тихонова, в живом бытовании произведения несказочной прозы чаще всего жанрово не маркированы. «Предание, легенда, быличка, устный рассказ в народном сознании не дифференцируются. Они выступают в фольклорной традиции "единым фронтом". С позиции прагматики текста "фактическое" (или установка на достоверность) является основным жанрообразующим признаком для всех произведений несказочной прозы»¹⁶⁴.

В силу этого мы, с точки зрения прагматики, разделяем жанры несказочной прозы харбинцев на мемораты, устные рассказы (сказы), предания (с доминированием признака «фактическое», т.е. установка на достоверность сообщаемого) и легенды (былички, бывальщины – реже) – жанры с сочетанием признаков «фактическое + сакральное». При этом, несмотря на жанровую природу нарратива, все наши информанты нацелены на «достоверность» сообщаемого. В первую очередь, потому что осознают свою «мессианскую задачу» – зафиксировать и сохранить историю Харбина в ее первоизданном виде для потомков, живущих в России и других странах. Однако стойкая уверенность наших русских информантов в «намоленности» города (Н.Н. Заика, Н.Н. Лалетина) способствует размыванию жанровых границ внутри устной прозы. Так, на просьбу изложить легенды о Николае Угоднике, бытующие в харбинской среде, наша информантка (Н.Н. Лалетина) выразила крайнюю степень озадаченности и даже недовольства: *«Какие легенды? Что Вы называете легендами? Это реально было. По крайней мере, все, что я рассказываю – это правда. Хм. Легенды... Ну не знаю...»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Огре, Латвия; 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]. И воспроизвела целый ряд заведомо легендарных историй о явлении Чудотворца русским и китайцам, его

ред. А.А. Забияко, А.П. Забияко; пер. на кит.: Е.В. Сенина, Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. С. 236–258.

¹⁶⁴ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

промыслительной роли в оказании помощи всем страждущим (тонущим, подвергающимся смертельной опасности) или наказании грешников¹⁶⁵.

Включенность несказочной (исторической) прозы в обычную речевую ситуацию и отсутствие собственной номинации жанров при их воспроизведении приводит к синкретизации некоторых жанровых форм, возникновению переходных форм (Е.Л. Тихонова). Это мы можем с уверенностью отнести к харбинским устным рассказам, тесно связанным с семейными меморатами, переходящими в предания, а также преданиям, переходящим в легенды (например, сюжет о спасении иконы Николая Угодника; сюжет о крещении китайцев после спасения их Николаем Угодником; сюжет о спасении китайских детей Николаем Угодником; сюжет о «чудесном попутчике» харбинского таксиста и т.д.).

Анализируя прагматический и семантический аспекты воспроизведения и собирания несказочной прозы «харбинского текста», мы с трудом фиксируем переход наших собеседников, не расчленяющих в спонтанном потоке речи один жанр от другого, от устного рассказа-мемората – к фабулату, а затем к преданию и зачастую к легенде (иногда – легендарному анекдоту). Границы жанров (весьма условные) фиксируются либо при расшифровке и анализе материалов, либо при повторном рассказывании одного и того же сюжета в новой ситуации.

Соответственно, жанровым разделителем в данной ситуации выступает «тот аспект действительности, который получил свое отражение в конкретном тексте»¹⁶⁶ – то, что Б.Н. Путилов определяет как жанровую специализацию¹⁶⁷. «Жанровая специализация» того или иного произведения способствует определению его жанровой принадлежности и является, следовательно, жанрообразующим признаком. Если речь идет об истории семьи, собственной биографии – достоверность в устной несказочной прозе харбинцев преобладает,

¹⁶⁵ Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднику в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51.

¹⁶⁶ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

¹⁶⁷ Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 164.

и, наоборот, мифологический компонент начинает доминировать тогда, когда речь заходит о религиозной жизни, промыслительной природе русского Харбина.

Все наши беседы и интервью изначально строились на устных рассказах харбинцев о себе, о родителях, о детстве и юности. «Основная функция устных рассказов несказочной прозы информативная – передача знаний, опыта, поверий, впечатлений, памяти и т.д. Поэтому они объединены общей установкой на достоверность содержания, правдоподобность, "не сказку". При этом сам рассказчик выступает участником или свидетелем событий, о которых он повествует, или ссылается на достоверный источник, как правило, известный слушателю»¹⁶⁸. Как известно, «устный рассказ является наиболее "импровизационным" жанром повествовательного фольклора, и эта "импровизационность" должна на чем-то базироваться: как выяснили исследователи, базируется она на актуальности и оперативности содержания текста»¹⁶⁹.

В данном исследовании устный рассказ рассматривается как жанровый инвариант (матрица) следующих в потоке речи, наполненных специфическим содержанием, жанров несказочной прозы. Основной жанровой модификацией собранных нами устных рассказов является меморат (семейный и личный). В свое время о специфической жанровой природе меморатов (определяемых им понятием «сказ») писал В.Я. Пропп: «Строго говоря, сказы не обладают некоторыми признаками фольклора: они не создают общенародных, широко распространенных вариантов. Они рассказываются очевидцами, иногда пересказываются слушателями с отступлением деталей, но широкого народного хождения не получают. Дореволюционные фольклористы почти полностью игнорировали подобные рассказы. Но пренебрегать сказами никак нельзя. Не говоря уже о том, что многие из них обладают ценностью фактического материала (устные мемуары), многие из них обладают признаком художественности.

¹⁶⁸ Бралина С.Ж., Демьянова Ю.В. Жанровая природа современного устного рассказа // Вестник Карагандинского университета. Сер.: Филология. 2011. № 2. С. 97–102.

¹⁶⁹ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

Принадлежат ли такие рассказы к фольклору в собственном смысле слова или нет, фольклорист обязан их изучать»¹⁷⁰.

Очевидно, что признание за меморатами «слабо выраженной художественности»¹⁷¹ дает им большой шанс выступать в качестве исторического документа, «свидетельского показания» – с точки зрения истории повседневности, частной истории, вплетенной в общий контекст жизни определенного социума. Отсюда – повышенное внимание исследователей именно к информативному наполнению меморатов и выделение тематического принципа их типологизации как основного¹⁷².

Как считает И.А. Голованов, «...от преданий меморат отличается минимальной степенью обобщения жизненного материала, однако в нем в той или иной степени задействуется фольклорный мотив или образ, который и позволяет меморату в будущем “оторваться” от конкретного рассказчика, обрести относительную стабильность сюжета, подвергнуться дальнейшей фольклоризации»¹⁷³.

Мемораты харбинцев представляют собой отдельную большую жанрово-тематическую группу нарративов. Им присущи особая прагматика, тематическое, стилистическое своеобразие, определяемые этнокультурными, социокультурными и этнопсихологическими особенностями харбинской реальности и характеристиками наших информантов, а также временными рамками их воспоминаний.

В соответствии с логикой вопросников основные тематические группы меморатов определены рассказами о месте исхода семьи, о родителях, дедушках и бабушках, годах учебы, повседневных занятиях, харбинских праздниках, русско-

¹⁷⁰ Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 52.

¹⁷¹ Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора: хрестоматия М., 1983. 303 с.

¹⁷² Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 350 с.; Чжан Жужан. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трехречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. 2019. № 4. С. 88.

¹⁷³ Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 2(293). Вып. 74. С. 89–92.

китайских отношениях. Среди типологически близких нарративов выделяются индивидуальные мемораты о японцах, японизации образования и попытках японизации повседневной и религиозной жизни с 1932 по 1945 гг., воспоминания об одноклассниках, духовных наставниках, об исходе в Россию, Австралию и т.д.¹⁷⁴.

Переход устного рассказа от мемората к фабулату в харбинском случае, как правило, приводит к возникновению предания и/либо легенды. Характерными чертами преданий Л.Е. Элиасов называет обращенность в прошлое; установку на достоверность («отражают достоверные в основе своей исторические явления»); неустойчивость художественной формы; контаминацию нескольких сюжетов наряду с тем, что каждый из них бытует отдельно; малую форму («по форме – небольшие рассказы»); и, наконец, познавательную функцию¹⁷⁵.

Предание интересуют, прежде всего, общественно значимые события, исторические факты. «Социально-политическая жизнь коллектива – вот та сторона действительности, которая в первую очередь становится объектом изображения в предании»¹⁷⁶. Это утверждение в полной мере соответствует установке наших собеседников, осознающих особую значимость для русской истории и культуры реконструкции харбинской реальности первой половины XX в. и сохранения памяти о Харбине. Помимо харбинской истории, предания харбинцев несут в себе сюжеты, связанные с дореволюционной историей и русскими и китайскими историческими деятелями (Николае II, Колчаке, Хорвате, и т.д.)¹⁷⁷.

Как известно, дифференцирующим жанровым признаком предания

¹⁷⁴ Забияко А.А., Цмыкал О.Е. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 45–55; Лалетина Н.Н. Жили... были... харбинцы: воспоминания. Рига. 2021. 395 с.

¹⁷⁵ Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960. С. 18–20.

¹⁷⁶ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. С. 17.

¹⁷⁷ Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куньи // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135; Интервью с Н.Н. Лалетиной (2018–2022) // Центр изучения дальневосточной эмиграции. URL: https://emigrant.amursu.ru/fondy/?PAGEN_1=5 (дата обращения: 12.01.2023).

является «обращенность в отдаленное прошлое, установка на достоверность, прикрепленность к месту, к объекту»¹⁷⁸. Харбинские предания ориентированы в большей степени на мифологизацию истории Харбина, нежели мемораты. Они представляют собой по сути «мифологическое корректирование истории»¹⁷⁹.

Общая мифологизаторская подоплека, присущая «харбинскому тексту» культуры («Харбин – чудесный город»), присуща всем устным рассказам – при этом русским в большей степени, чем китайским. Эту особенность китайского «воспоминательного» нарратива отмечает в своем интервью Ли Иннань: «китайские воспоминатели, как мама говорила, – они избегают рассказывать, что они сами ощущают, только говорят, что было. Стараются это всё объективизировать, ну, в общем, отстраненно»¹⁸⁰.

К примеру, в меморатах о религиозной жизни Харбина наша информантка Чжэн Маочжэнь 郑茂珍 всячески пыталась дистанцироваться от понимания «священности» православных икон, оставшихся после разрушенного Свято-Николаевского Собора. Дескать – взяла себе обломок только потому, что «знает, что русское качество – хорошее» (Зап. от Чжэн Маочжэнь 郑茂珍 Zheng Maozhen, 1943 г.р. (урож, г. Харбин, КНР). г. Харбин, КНР; 2021 г. Соб.: Цзюй Куньи, Чжан Кайжо) [ЦИДВЭ АмГУ]. При этом, на наш взгляд – в желании сохранить себе кусочек русской святыни чистосердечной хунвейбинкой сработало совсем не эстетическое и тем более, не прагматическое чувство, а религиозный синкретизм как сущностная характеристика ментальности дальневосточного фронта, присущая харбинцам¹⁸¹. Несмотря на атеистические настроения китайской молодежи те лет, глубинное уважение к любым религиям и наивная вера в помощь любых богов – основная черта китайской народной религиозности. В

¹⁷⁸ Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куньи // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Ли Иннань. Русские и китайцы: Образ «другого» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2010. С. 140–147.

¹⁸¹ Конталева Е.А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Антропология религии. 2017. № 4. С. 62–78.

этом устном рассказе интересно все – не только воспоминание участницы разрушения харбинской святыни, на самом деле ни капли не задумывавшейся о том, что произошло в те годы, но и фигуры умолчания в ее речи, и её характеристики русских и их религиозных практик. Все это отражает типичные фреймы китайского сознания в восприятии и рецепции истории Харбина, но и помогает вычленить некие общие основания фольклорного текста о Харбине его жителей.

Предание интересует, прежде всего, исторический факт. А исторический факт в сознании людей всегда имеет установку на достоверность. Факты в процессе изустной передачи порой деформируются, смещаются, становятся с точки зрения научного знания ложными, но они остаются правдоподобными. Принцип достоверности как бы цементирует всю повествовательную систему преданий, является в ней основополагающим, а также является одним их условий жизнеспособности и традиционности преданий.

Легенда отражает действительность в морально-этическом аспекте. Основным предметом отображения в легенде является «морально-этический облик человека, раскрываемый в поступках и действиях персонажа: в зависимости от того, как повел себя человек в той или иной ситуации <...> он бывает вознагражден/наказан, в чем и заключается морализующий эффект легенды»¹⁸². Харбинские легенды – не антропологически-центричны, а городоцентричны. Общая установка харбинцев на «избранность» и «намоленность» города продуцирует возникновение сюжетов о харбинских заступниках и спасение Харбина через православную веру его жителей.

Именно ремифологический модус определяет переход нарративов-воспоминаний харбинцев о религиозной жизни в легендарный план.

Наиболее яркий пример религиозной мифологизации харбинского сознания представляет тематический комплекс фольклорных текстов о покровителе города Николае Чудотворце, хронологически охватывающий практически все этапы

¹⁸² Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

существования города вплоть до сегодняшних дней¹⁸³. В настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешел в разряд «исторической прозы».

Итак, в жанрах несказочной городской прозы Харбина первой половины XX в. весьма нечетко обозначена граница «истинное/сакральное». Большую часть нарративов занимают устные рассказы-мемораты, обращенные непосредственно к истории города, повседневной жизни его жителей. Устные рассказы харбинцев, обращенные к духовной и религиозной жизни, зачастую переходят в жанровую форму либо предания, либо легенды, то есть представлены фабулатами.

1.4 Антропологический аспект изучения несказочной (исторической) прозы Харбина

Данный параграф представляет портреты бывших и настоящих харбинцев, выступивших нашими информантами. Это второе и третье поколение харбинцев, рожденное в семьях строителей КВЖД, служащих на дороге, разнорабочих, предпринимателей, преподавателей, охотников и т.д., но есть и те, кто приехал в Харбин уже после его освобождения советскими войсками, а также внуки китайцев-мигрантов из Шаньдуна. Среди них – большая часть русские, есть потомки русско-китайских браков и китайцы. Их возрастные характеристики – от 54 до 93 лет. В Харбине они закончили разные учебные заведения – русские и советские школы, Конвент и лицеи; кто-то успел получить университетское образование, немного поработать в Харбине, Дальнем (Даляне), Цицикаре. Их сегодняшняя география проживания обширна – Россия (гг. Санкт-Петербург,

¹⁸³ Забияко А.А., Цзюй Куньи. Устные истории в изучении повседневной культуры и фольклора старого Харбина // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 9: 125 лет начала строительства КВЖД. Благовещенск, 2022. С. 68–85.

Москва, Благовещенск), Латвия (г. Огре), Китай (гг. Харбин, Пекин), Австралия (г. Сидней).

Многие из них ходили в один детский сад (Ли Иннань и Фан Цзюаньцзюань), учились вместе в школе (Наталия Николаевна Лалетина и Любовь Николаевна Шитова; Маргарита Павловна Таут и Людмила Александровна Соколова; Евгения Борисовна Шергуд и Татьяна Павловна Лялина), дружили с родителями более молодых информантов (Любовь Николаевна Шитова и сестры Назаровы).

Некоторые информанты не жили в Харбине, но являются носителями «мифологического знания» о Харбине, воссоздавая истории своих родителей-харбинцев (В.Д. Руденко).

Некоторые из них стали авторами воспоминаний о Харбине – Елена Петровна Таскина¹⁸⁴, Наталия Николаевна Лалетина¹⁸⁵, Валерий Джанович Руденко¹⁸⁶, Ли Иннань¹⁸⁷, Павел Васильевич Шахматов¹⁸⁸. Этот процесс по-своему отразился на их устных рассказах.

Инна Иннокентьевна Медведева, 1923 г.р., (урож. г. Благовещенск), проживает в Санкт-Петербурге. Отец Инны Иннокентьевны – русский, работал врачом-терапевтом, мать – русская, работала врачом-стоматологом. Закончила колледж Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ) в Харбине и университет в Германии. Инна Иннокентьевна вышла замуж за Ивана – молодого офицера в июне 1947 г. в г. Хабаровске. Работала в волгоградской школе учителем английского языка, затем переехали в г. Санкт-Петербург, где проживает до сих пор.

Елена Петровна Таскина – 1927–2020, (урож. г. Харбин) – известный историк культуры российской эмиграции в Китае. Дедушка по маме –

¹⁸⁴ Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. 192 с.

¹⁸⁵ Лалетина Н.Н. Японцы. Огре, 2016. 352 с.

¹⁸⁶ Руденко В.Д. Ауфидер ку-ку!: повести и рассказы. М., 2017. 317 с.

¹⁸⁷ 李莎, 李英男, 姜涛. 缘分李立三夫人李莎回忆录. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. 411 页. [Ли Ша. Ли Иннань. Цзян Тао. Судьба-мемуары жены Ли Лисаня Ли Ша. Пекин: Изд-во научной литературы и литературы на иностранных языках, 2009. 411 с.].

¹⁸⁸ Шахматов П. Трёхречь. Воспоминания. Томск, 2014. 344 с.

инженер на КВЖД. Дедушка женился в Харбине, и её мама родилась уже там. Елена Петровна – третье поколение русских эмигрантов. В 1955 г. Елена Петровна закончила гимназию, затем колледж в Харбине. В 1955 г. из Китая уехала в Россию. В Москве закончила Институт иностранных языков. Елена Петровна Таскина решила рано выйти на пенсию для того, чтобы писать воспоминания о своей жизни. Она написала книги «Неизвестный Харбин» и «Русский Харбин».

Татьяна Васильевна Чайкина, 1927 г.р., (урож. г. Харбин), ныне проживает в Санкт-Петербурге. Отец Татьяны Васильевны – монгол, родился в Улан-Удэ. Мать – метис польки и швейцарца. Татьяна Васильевна закончила вторую полную школу и Медицинский техникум Красного Креста в Харбине. В 1954 г. ее семья переехала в Трёхречье. В 1955 г. семья переехала в Новосибирск. Татьяна Васильевна работала там в диспансере.

Ольга Викторовна Загоскина, 1935 г.р., (урож. г. Харбин), проживает в Санкт-Петербурге. Отец Ольги Викторовны – сын богатого купца, у которого было много магазинов, частных домов в центральной части Петербурга. В 1930 г. он приехал с сестрой в Харбин. Ольга Викторовна родилась уже в Харбине, закончила там третью советскую среднюю школу. Работала в Харбинском политехническом институте. В 1954 г. Ольга Викторовна уехала на целину в Новосибирск. В Новосибирске Ольга Викторовна закончила институт и вышла замуж. После родился сын, её семья приехала к отцу в город Инту (Республика Коми), где прожили 30 лет. Затем переехали с семьей на постоянное место жительства в Санкт-Петербург.

Маргарита Павловна Таут, 1936 г.р., (урож. г. Харбин), проживает в Москве. Родилась в семье русских эмигрантов. Отец Маргариты Павловны – русский, через Шанхай переехал в Харбин. Её мама – русская, дочь полковника русской императорской армии. Маргарита Павловна закончила советскую школу в 1954 г., работала в Хэйлунцзянском университете. В 1960 г. со своей семьей переехала в Ташкент. В Ташкенте Маргарита Павловна закончила Институт иностранных языков, работала техническим переводчиком, потом референтом.

После окончания факультета психологии Ленинградского университета, поступила в аспирантуру по психологическим наукам. Впоследствии Маргарита Павловна работала социологом-исследователем. В 1999 г. она переехала в Россию, где работала в разных ВУЗах до пенсии.

Людмила Александровна Соколова, 1940 г.р., (урожд. г. Харбин), ныне проживает в г. Обнинске. Дедушка Людмилы Александровны – пенсионер КВЖД. Людмила Александровна закончила вторую советскую среднюю школу в 1954 г. Уехала с родителями в Казахстан на целину, где пробыла с 1954–1963 гг. С 1963–1983 гг. жила на севере.

Наталия Николаевна Лалетина (Николаева), 1931 г.р., (урожд. г. Харбин), проживает в Огре (Латвия). Наталия Николаевна родилась в семье отставного военного, участника Ледяного похода, и домохозяйки. Ее отец был родом из Ямбурга (городка по Нарвой), мать родилась в Читинской области и привезена в юном возрасте в Харбин. Там её выдали замуж за богатого китайца, от которого она ушла. Сына бывший супруг у нее отсудил. Наталия – ее дочь от второго мужа Николая Николаева. Училась в русской, японской, затем советской школах. Вышла замуж в Даляне за русского харбинца. В 1954 г. Наталия Николаевна вместе с мамой и мужем выехала в СССР, на целину. Позднее к ним присоединился отец. Она закончила в 1963 г. Техникум лёгкой промышленности (г. Алма-Ата), в 1974 г. закончила Московский институт лёгкой промышленности. С 1965 по 1975 гг. работала главным технологом, старшим научным сотрудником НИИ Казгипро. С 1975 г. по состоянию здоровья живет в Риге. В настоящее время пишет воспоминания о Харбине и харбинцах.

Наталия Николаевна – автор нескольких книг, из которых наибольший интерес представляет книга воспоминаний «Японцы»¹⁸⁹. Устные истории Наталии Лалетиной собирались в процессе бесед и интервью в Харбине (КНР, 2018) [Соб. А.А. Забияко, Цзюй Вэй, Цзюй Куньи], в Карловых Варах (Чехия. 2019) [Соб. А.А. Забияко], в дистанционных онлайн интервью из Огре (Латвия 2020, 2021, 2022) [Соб. А.А. Забияко, Цзюй Куньи]. Разговоры о религиозной жизни

¹⁸⁹ Лалетина Н.Н. Японцы. Огре, 2016. 352 с.

представляли собой отдельную страницу общения. Непосредственность и живая память нашей собеседницы, ее эрудиция, коммуникативная щедрость позволили зафиксировать несколько тематических групп, посвященных повседневной религиозной жизни, религиозному воспитанию в школе, храмам Харбина, праздничным службам, народным легендам о харбинских заступниках, японизации религиозной жизни, увлечении мистикой и гадательными практиками простых харбинцев.

Как многие ее ровесники, Наталия Николаева (Лалетина) выросла в обычной харбинской семье, в тесном соседстве с поляками, украинцами, китайцами, корейцами, японцами. В этом смысле устные истории Н. Лалетиной типологически вплетены в общий контекст повседневной религиозной жизни русских харбинцев.

Василий Димитриевич Дронов, 1926–2020 (урожд. г. Хайлар). Мать из Барнаула, работала сестрой милосердия, отец был дворянином родом из Польши, потом жил в Чите; был белым офицером. Семья сначала жила в Хайларе, потом переехала в Харбин. Учился в Харбине в Четвертой высшей народной школе, после – в медицинском техникуме на врача. Работал врачом сначала в еврейской больнице, потом с 1952 по 1962 гг. в Красном Кресте. В 1945 г. уехал в Австралию, потому что там жили родственники его жены. До конца жизни проживал в г. Сидней (Австралия).

Варфоломей Семёнович Калугин, 1932 г.р. (урожд. станции Эхо КВЖД), проживает в г. Сидней, Австралия. Дедушка Варфоломея Семёновича по матери – Николай был большевиком. Варфоломей Семёнович учился и работал в школе в Романовке. Потом переехал в Гонконг. Его брат первым уехал в Австралию, сам он к брату поехал в 1945 г. Сам он из семьи старообрядцев.

Виктор Михайлович Игнатенко, 1935 г.р. (урожд. г. Харбин), проживает в Сиднее, Австралия. Дедушка Виктора Михайловича приехал в Китай в 1906 году на строительство КВЖД, был заведующим складами. Его отец родился в Харбине в 1916 г. Виктор Михайлович в 1958 г. закончил Харбинский политехнический институт. Женится в 1958 г. в Харбине. В 1961 г. уехал с женой в Австралию.

Николай Николаевич Заика, 1939 г.р. (урож. г. Харбин), проживает в Сиднее, Австралия. Оба родителя родились в Харбине. Отец работал шофером, мать – в торговом доме Чурина. Учился во второй общей школе Харбина. Японцы убили его дедешку за помощь китайцам. Второй дедушка имел первый колбасный завод в Харбине. Сам Николай Николаевич работал в Харбине киномехаником. Уехал в Австралию в 1961 году. Женился уже в Австралии. Сейчас занимается восстановлением истории русского Харбина.

Александр Евдокимович Демидов, 1935 г.р. (урож. г. Харбин), проживает в Сиднее, Австралия. Мать Александра Евдокимовича – на три четверти русская, а на одну четверть украинка. Отец Александра Евдокимовича – русский. Александр Евдокимович учился в лицее Александра Невского с 1946–1949 гг. В Харбине работал помощником режиссера Томского с 1949–1953 г. В 1953 г. уехал в Австралию.

Павел Васильевич Шахматов, 1939 г. р. (урож. пос. Покровка, об. Трёхречье), проживает в Сиднее, Австралия. Родители Павла Васильевича в 1922 г. переехали в Маньчжурию, жили в Харбине до 1936 г., затем переехали в Трёхречье. Павел Васильевич работал в школе в Трёхречье, преподавал математику до восьмого класса, физику и историю. Уехал в Австралию в 1962 г.

Евгения Борисовна Шергуд, 1939 г.р. (урож. г. Харбин), проживает в Сиднее, Австралия. В 1898 г. ее бабушка и два ее брата из Симбирска перебрались в Харбин, где держали лесопильный завод и первый рефрижератор. Евгения Борисовна закончила первый класс в приюте, и второй и третий класс – в бывшей японской школе. В 1957 г. Евгения Борисовна уехала с семьей в Австралию.

Татьяна Павловна Лялина, 1940 г.р. (урож. г. Харбин), проживает в Сиднее, Австралия. Татьяна Павловна закончила третью школу в Харбине в 1958 г., закончила чертежные курсы. Работала первый год на фабрике, после – в школе до 1961 г., вышла замуж в Харбине. В 1963 г. уехала с мужем в Австралию.

Вера Николаевна Пан, 1929 г.р., (урож. г. Харбин), проживает в Санкт-Петербурге. Отец Веры Николаевы – китаец, был коммерсантом. Мать – русская.

Вера Николаева училась в русской школе. Работала в китайской средней школе – преподавала русский язык. В 1954 г. она вышла замуж за китайца. В 1959 г. с мужем уехала в Россию в г. Санкт-Петербург. Работала там преподавателем на кафедре русского языка как иностранного, затем устроилась на кафедру аналитической химии, где проработала до выхода на пенсию в 1989 г.

Наталья Матвеевна Назарова, 1940 г.р. (урож. г. Харбин) проживает в Сиднее, Австралия. Отец-русский, мать – полька. Билингв. Мать работала медсестрой, отец – служащим на КВЖД. Родители погибли при загадочных обстоятельствах, став жертвами грабежа. Наталья с сестрой воспитывались у бабушки и деда по материнской линии. Училась в Конвенте. Закончила китайскую железнодорожную школу и университет. Вышла замуж за китайца. В 1979 г. уехала с семьей в Австралию.

Светлана Матвеевна Назарова, 1943 г.р., (урож. г. Харбин), проживает в Сиднее, Австралия. Отец-русский, мать – полька. Билингв. Мать работала медсестрой, отец – служащим на КВЖД. Родители погибли при загадочных обстоятельствах, став жертвами грабежа. Вместе со старшей сестрой, Светлана училась в Конвенте. Закончила китайскую железнодорожную школу и университет. Вышла замуж за китайца. В 1979 г. уехала с семьей в Австралию.

Шитова Любовь Николаевна 李金玉, Li Jinyu (Ли Цзиньюй) (1931 г.р.), родилась в русско-китайской семье в провинции Шаньдун. Ее мать – Евдокия Захаровна Шитова, отец – Николай Ли. Отец работал фотографом в г. Чите Забайкальского края, после свадьбы родители переехали в Китай на родину отца (г. Цюйфу), затем в г. Харбин. В семье было четверо детей, старший брат Иван скончался в молодом возрасте от тифа. В 1966 г. родители с младшим братом Любови Николаевны Алексеем эмигрировали в СССР – на родину Евдокии Захаровны, в г. Екатеринбург. Сестра Лидия уехала в Австралию. После окончания школы с 1946 г. работала в Харбинском государственном управлении промышленности и торговли. С 1958 г. до пенсии Любовь Николаевна работала в китайской школе, преподавала русский язык; свободно владеет русским и китайским языками.

Чжэн Маочжэнь - 郑茂珍 Zheng Maozhen, 1943 г.р., (урожд. г. Харбин), проживает в Харбине. Родители Чжэн Маочжэнь китайцы. Семья её бабушки приехала в Харбин из провинции Шаньдун во время исторических событий «Перехода в Гуаньдун».

Ли Иннань 李英男, Li Yingnan (1943 г.р.), по-русски **Инна Александровна Ли**, родилась в русско-китайской семье (отец – знаменитый китайский революционер, один из основателей КПК Ли Лисань (кит. 李立三, Lǐ Lìsān; урожденный Ли Лунчжи (кит. 李隆郅, Lǐ Lóngzhì), мать – Елизавета Павловна Кишкина, Ли Ша (кит. 李莎, Lǐshā) – видный деятель русской эмиграции в Китае, заслуженный профессор Университета иностранных языков в Пекине. Закончила филологический факультет МГУ (испано-английское отделение). Профессор Университета иностранных языков в Пекине. Свободно владеет русским и китайским языками, является культурным билингвом. Основной профиль научной деятельности – русская культура, руссиеведение, переводы китайской литературы на русский язык. В настоящее время живет в Пекине и Москве.

Фан Цзюаньцзюань 范娟娟, Fan Juanjuan, по-русски **Евгения Павловна Фан** (1944 г.р.), (урожд. г. Харбин), проживает в Пекине. Национальность – хань. Фан Цзюаньцзюань училась в русской школе. С 1959 г. работала в международном отделе Центрального радио Китая в Пекине. В настоящее время живет в Пекине.

Валерий Джанович Руденко, 1937 г.р., (урожд. Россия), проживает в г. Пекине. Известный советский художник-иллюстратор. Мать – русская, отец – китайский революционер, сподвижник Мао Цзедунa, друг Ли Лисаня. В 1973 г. В.Д. Руденко женился на дочери Ли Лисаня Алле. Автор книг «Ауфидерзейн ку-ку!»¹⁹⁰ и «Штрихи бытия».

¹⁹⁰ Руденко В.Д. Ауфидерзейн ку-ку!: повести и рассказы. М., 2017. 317 с.

Чжоу Сяньцин 周显清, Zhōuxiǎnqīng (1946 г.р.) (урож. п. Чжаодун, округ Суйхуа, пр. Хэйлунцзян, 53 км от Харбина). Национальность – хань. Выросла в большой семье, где было 6 детей. Родители – крестьяне. С детства занималась физической работой в поле. Не образована. В Харбин переехала перед «культурной революцией». Сейчас проживает в Харбине.

Г-н Т., 1963 г.р., (урож. уезда Биньсянь, г. Харбин), родители его маньчжуры. Закончил Китайский народный университет в 1987 г., работает доцентом исследовательского центра маньчжурского языка в Хэйлунцзянском университете. Провел самостоятельно несколько научных экспедиций в район Саньхэ (Трёхречье). Снял несколько фильмов о русской народности Трёхречья, автор нескольких научных изданий.

Таким образом, из 24 информантов – 14 относят себя к русским (при этом не все являются этническими русскими); 7 – потомки русско-китайских браков, из них 2 (проживающие в Китае) идентифицируют себя как китайцы, остальные считают себя русскими (включая двух сестер, чья мать была полькой); 3 респондента – китайцы (хань).

8 наших собеседников проживают и проживали в России (4 в г. Санкт-Петербурге, 4 – в г. Москве); 1 – в Латвии (г. Огре), 7 – в Китае (3 в г. Пекине, 4 в г. Харбине), 8 респондентов в Австралии (г. Сидней).

Наши информанты ходили по одним и тем же улицам, часто жили в одних и тех же кварталах, посещали одни и те же храмы (а если не посещали, то могли смотреть на эти храмы со стороны). Многие учились в одних учебных заведениях, общаются между собой и сейчас.

Несмотря на переписку и связь по Skype, между «австралийскими» и «советскими» харбинцами существует глубинная дистанцированность, основанная на идеологических различиях: считается, что в Австралию уезжали богатые и политически враждебные СССР представители русской общины. Потому «советские» склонны упрекать «австралийцев» в снобизме и высокомерии.

Советские выходцы из Харбина принимают самое активное участие в сохранении памяти о Харбине.

Китайские харбинцы – не связаны общинными отношениями, однако некоторые являются друзьями детства, некоторые связаны с российскими и австралийскими харбинцами.

Безусловно, устные рассказы «советских», «китайских», «австралийских» харбинцев отличаются – не только в языковом отношении (обилие «советизмов» в советских рассказах, англо-китайский микс в австралийских рассказах, китайский язык – в китайских рассказах).

Харбин русского периода (первой половины XX в.) становится в их сознании основой исторической памяти и этнической идентификации. Жанрово-тематический репертуар и семантико-прагматический аспект их устных рассказов обнаруживает типологическое сходство и семантико-прагматические отличия, детерминированные, в первую очередь, этнокультурными, во вторую – пространственно-локальными факторами.

Глава 2. Тематико-сюжетный репертуар устных рассказов-меморатов харбинцев

Устные рассказы-мемораты («семейные истории», «биографические рассказы», «семейные биографические рассказы», «устные рассказы»¹⁹¹) выделяются в корпусе несказочной (исторической) прозы с точки зрения повествовательной организации – как нарративы, изложенные с точки зрения «я-рассказчика». «Доминантными точками» в этой части «харбинского текста» являются семейные мемораты – рассказы-воспоминания об истории рода, семьи, о территории исхода семьи, причинах миграции, духовных и религиозных основах родовой памяти¹⁹².

2.1 Семейная история в устных рассказах харбинцев: темы и сюжеты

2.1.1 История рода как история «исхода из родных мест»

Мемораты о том, как семья оказалась в Северной Маньчжурии, воссоздают разные обстоятельства социального, политического и экономического характера, обусловившие начало строительства и заселения Харбина в начале XX в. и формирование его многообразного этнокультурного и этнорелигиозного облика. Перед нами в хронологической последовательности выстраивается история освоения Северной Маньчжурии выходцами из Российской империи, китайцами, связанная с началом строительства КВЖД, открывающимися экономическими свободами и появлением на свет уже наших рассказчиков – коренных харбинцев. Первой волной поселенцев Харбина и городов по линии КВЖД становятся те, кто

¹⁹¹ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. С. 210.

¹⁹² Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 2(293). Вып. 74. С. 89–92; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 241–245.

ищет новых возможностей на территории Северной Маньчжурии, решивших испытать свою судьбу или просто приглашенных на работу по линии:

«Родители мамы приехали в Мукден в начале XX в. У бабушки с дедушкой было семеро детей. Старший сын Костя и дочь Маруся остались в России, они к тому времени обзавелись семьями. Тетя Маруся была замужем за военным, и так сложилось, что знать она нас не желала до самой смерти, считала нас врагами народа. Причину переезда в Китай я не знаю. Когда была молодая, меня это не интересовало» [Зап. от Марии Михайловны Дружининой (Кузнецовой), 1933 г.р. (урож. г. Мукден, КНР), г. Благовещенск, Россия; 2015 г. Соб.: Е.В. Сенина) [ЦИДВЭ АмГУ]¹⁹³.

«Дедушка – мамин папа. Он приехал в Маньчжурию ещё в начале века, двадцатого века, на строительство дороги. Мы не были эмигрантами политическими. Мы были жителями, русскими жителями Маньчжурии, потому что моя мама там тоже родилась. Так что я как бы уже третье поколение. Там были разные русские. Дедушка приехал на работу. Работал на железной дороге КВЖД» (Зап. от Елены Петровны Таскиной, 1927–2020 (урож. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2017 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Папа жил в Китае, был коммерсантом. В г. Гирине имел свою скорняжную фабрику, – приезжал на Дальний Восток России: Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Чита – купить пушнину. Мама – уроженка города Вятка. Мама с папой познакомились в Чите в доме у общих друзей. Когда родители решили пожениться, мама стояла на условии, что жить они будут в России. Родители договорились, что поедут вместе в Китай, папа продаст свою недвижимость, и они вернутся в Россию. В Китай родители приехали вместе в конце 1913 г., а в 1914 г. началась Первая мировая, вскоре наступил 1917 г. – революция в России, а вслед за ней "железный занавес". Так до 1959 г. мама осталась жить в Китае» (Зап. от Веры Николаевы Пан, 1929 г.р. (урож.

¹⁹³ Цит. по: Сенина Е.В. «Я скучаю по харбинской жизни»: социокультурные и этнокультурные процессы 1930–1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2015. Вып. 7. С. 11.

г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«У меня на папиной стороне [по линии отца], вообще одна сторона из Симбирска, из города Симбирск. Русский город Симбирск. И там моя бабушка и два брата, вот. Воронцовы, они жили в Симбирске, но остались сиротами, и работали, помогали тётке. У тети была пекарня. И потом два брата, они убежали в Китай. Это вот в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. В тысяча восемьсот девяносто восьмом году они убежали в Китай и там вот начали бизнес. У них вот Харбинё был лесопильный завод, и Харбинё был первый рефрижератор [холодильник. – Ц.К.]. Да. Это вот бабушка была. А другая сторона [по линии матери. – Ц.К.] тоже вот из Симбирска была, вот, как ни странно, тоже симбирская, и тоже они приехали очень рано. Сначала из Бухары... прадедушка работал в Бухаре. А когда начали строить железную дорогу, то царское правительство его переслало работать в Харбин. Он работал, как я понимаю, я даже не знаю, но он работал где-то в конторе, этим, закупал для железной дороги, всё, что нужно было для железной дороги. Это вот сторона... А по маминной стороне бабушка у меня из Забайкалья, около Нёрчинска и Срётенска. И мама моя родилась в Благовещенске, и потом после революции они тоже вот как у Тани [Т.П. Лялиной. – Ц.К.], они бежали через Аргунь в Харбин. Ей был один год. А папа мой родился уже в Харбинё. Папа мой» (Зап. от Евгении Борисовны Шергуд, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Хорошо. Мой дед приехал в Китай в тысяча девятьсот шестом году. 1906 年, 我爷爷 (在那) 来的 [1906 Nián, wǒ yéyè zài nà lái de – мой дедушка пришел в 1906 году] на строительство Китайской восточной железной дороги. КВЖД. Но она уже была почти что готова, и он работал там как склад... заведующим всеми складами Китайской восточной железной дороги. Это мой дед 1906 年, 现在差不多 110 年, 我爷爷 (在那) 来的 [1906 Nián, Xiànzài chàbùduō 110 nián,

wǒ yéyè zài nà lái de – мой дедушка пришел в 1906 году. Сейчас почти 110 лет <назад>]. Дед приехал в Китай на строительство почему? Зачем? Потому что он был член российской социал-демократической рабочей партии. Коммунист. 共产党 [Gòngchǎndǎng – Коммунистическая партия]. И ему сказали, что be careful, tomorrow morning, you will be arrested, because you re communist, you will be arrested [англ. будь осторожен, завтра утром тебя арестуют, потому что ты коммунист, тебя арестуют]. In 1905 [англ. в 1905 году] Кровавое воскресенье, и большие бои были. А он был в Харькове in charge, he is the higher communist in Харькове [англ. главный, он верховный коммунист в Харькове]. Ему сказали, что тебя завтра арестуют. Он взял, собрался, ночью поехал в Москву, из Москвы со знакомством поехал в Китай на строительство дороги. Дорога кончалась уже постройка. Как вы знаете, контракт был заключен российским правительством с Китаем в тысяча восемьсот девяносто восьмом году на строительство Китайской восточной железной дороги. Полоса отчуждения. Так же, как Гонконг была на сто лет. Одинаково. Но мой отец тоже родился в Китае. Мама приехала в Китай... Хороший вопрос. Она приехала в Китай в двадцать втором году [1922]. Уже после революции. Революция. Во Владивостоке боролись Врангель, Белая армия, Красная армия, Семенов, понимаешь... Во Владивостоке. Они уехали из Владивостока. Она родилась во Владивостоке. Село Раздольное» (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Устные рассказы информантов запечатлевают определенный анахронизм в понимании политических понятий и исторических реалий прошлого века – так, закрытие границы с Российской метрополией после 1920 г. определяется в одном из меморатов как «железный занавес», имя Врангеля упоминается в одном ряду с атаманом Семеновым – налицо утрачивание нарраторами четких исторических координат, сближающее их рассказы с преданием.

Несмотря на эти «несовершенства памяти», что является характерной особенностью мемората, устные рассказы воссоздают социальный портрет первых переселенцев, многие из которых приехали еще в самом начале XX в. строить Китайскую Восточную железную дорогу либо обсуживать ее сотрудников и жителей по линии: железнодорожники, инженеры, коммерсанты, купцы и т.д. Любопытно, что среди первопоселенцев были и те, кто бежал от царского правительства в годы первой русской революции.

Однако в меморатах В. Руденко о его деде¹⁹⁴, наоборот, повествуется о том, что тот, из-за своих социал-демократических убеждений перебравшись в 1905 г. в Америку, в 1917 г. решает возвратиться в Россию и оседает в Харбине.

Устные рассказы в диахронии возрастных характеристик информантов запечатлевают изменение политической ситуации в России и, соответственно, изменение мотивации «исхода», последовавшие после революции 1917 г. Из этих бесхитростных историй узнаем, что молодые кадеты попадают в Китай помимо воли, а офицеры – следуя присяге, не приняв новую власть:

«Отец закончил Хабаровский кадетский корпус и не успел закончить юнкерское училище во Владивостоке. Их вывезли сначала в Шанхай, потом он переехал в Харбин. Мама моя – дочь полковника русской императорской, нашей русской армии, участника русско-японской, Первой Мировой и потом Гражданской войны» (Зап. от Маргариты Павловны Таут, 1936 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2016. Соб.: А.А. Забияко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

В судьбах многих родов соединились разные мотивации – так возникали семейные союзы коренных харбинцев и тех, кто оказался там вынужденно, не приняв революцию и безуспешно пытаясь отстоять в боях право жить в прежней России. Семейные мемораты запечатлевают скрещение судеб людей, до революции и строительства КВЖД разделенных огромными расстояниями и политическими убеждениями предков. Социально-политические трансформации

¹⁹⁴ Руденко В.Д. Надежда // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2021. С. 58–65.

рубежа веков и последующих двух десятилетий соединили «гуранов» и «чухонцев» как самых географически удаленных в прошлом этносов. Рассказчик интуитивно осознает этот геополитический и этнокультурный парадокс:

*«Во-первых, мама приехала в двухлетнем возрасте. Ее привез из Читинской области двоюродный брат. С семьей брата она приехала. У него была жена и двое в то время дочерей. И маму двухлетнюю вез, потому что у мамы погибли родители. Ну вот, мама у меня девяносто восьмого. В девятисотом маму привезли. Да. Ей два годика было. А родилась она в Читинской области, там поселение поляков. Она была дочь ссыльного офицера польского, при царе сосланного. А бабушка была местная. У мамы были очень красивые вьющиеся волосы, вот такие вот ниже талии, и темные карие глаза. Видите, у нас у всех, и у меня, и у внучки восточное, сказать, монгольское, разрез глаз. Там их называли кто как – кто чалдоны, кто там какие-то гураны. Понимаете, вот такие вот народности. Бабушка была из гуранов. А гураны – это козлы, в общем-то. Мама была, конечно, полька, потому что у нее все было: маленькая ножка, ручка. У меня руки и ноги от нее нерабочие, как говорится. Дедушка был пан, очевидно, потому что в Польше, как и в России, в армию не брали простых людей, так сказать, были люди высокого класса. Круль. Кроль. Король. Илларион. Мама Илларионовна, а папа у меня Николай, так ее все Николаиха звали, Николаиха. А папа у меня пришел... **Вы знаете, у него вообще судьба, конечно, очень страшная.** Во-первых, он родился в город Ямбург, это недалеко от Нарвы. Папа там прожил, значит, учился в церковно-приходской школе. Потом окончил коммерческое училище, где-то год проработал конторщиком по своей специальности. Его отец был унтер-офицер тайной полиции, то есть, как говорили Советы, «сатрап». А он был, как их называли? Полиция. Жандарм. Он был жандарм, но в этой тайной полиции, в Питерской области. Видимо, имел большой чин, потому что он один работал. Девять детей они нарожали с бабушкой. Бабушка была чухонка. Знаете, что такое чухня¹⁹⁵? Бабушка-*

¹⁹⁵ Чухня, чухонцы – устаревший этноним прибалтийско-финских народов в новгородских землях.

чухонка занималась хозяйством, огородами, своими детьми. Всех выучили. Все получили высшее образование, можно сказать. Двое врачей, двое погибли в Первую мировую, один неженатый был. А сестры все учились в Питере. Папа, значит, кончил работать и пошел добровольцем на Первую мировую войну, добровольцем. Кстати, мой сын тоже добровольцем ушел на войну. Это у них по мужской линии такое. Он где-то в Псковской области попал. Курсы прошел офицерские, и воевал он до шестнадцатого года, когда уже кончилась война, можно сказать, ее раскрутили. Он вернулся, там уже начались волнения в армии, там начались эти агитаторы. Он посмотрел-посмотрел и уехал в Томск, к старшей сестре. А старшая сестра училась на зубного врача в Питере, и когда она закончила эти курсы. И что делать? Работы нет. Поехала в Томск. И вот там она в Томске уже практиковала всю жизнь, очень долго. Вышла замуж за военного тоже, белого офицера, его посадили, расстреляли где-то в тридцать шестом или седьмом году в течение полугода, а вся семья его ждала всю жизнь, пока не раскрылось. А папа ушел в Харбин. Постепенно. Он был в Ледяном походе. Вы знаете, самое главное, когда он посмотрел, что там ничего не будет, он ушел. Конечно, они всю жизнь боялись за это, потому что за это сажали. Раз папа ушел за границу. А папа пошел к своей сестре, поехал в Томск. И она там ему в течение многих <...>, долгого времени, она ему в Харбин высылала золотые рубли. Она же работала с золотом, с зубами. Она с тем, кто шел в Харбин, например, солдаты или, в основном, офицеры, зашивали в шинель эти деньги. И все приходило по назначению. И никогда не было ни одного раза, чтобы что-то украли. Она так первое время помогала. А папа прошел весь поход. Папа болел всеми болезнями» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Приведенный меморат включает в себя целый комплекс мотивов: исход предков из России, судьба оставшихся в России родных, праведность новообращенных русских харбинцев (никогда не было ни одного раза, чтобы что-то украли). Данный мотив весьма характерен в целом для харбинских

воспоминателей, он отражает уже обозначенную ремифологическую установку городского харбинского фольклора. Маркером этнической идентичности становится передача потомкам харбинцев (от деда к внуку) лучших патриотических качеств русского/китайского человека.

Харбин стал пристанищем всех, кто бежал от революции, а позднее спасаясь от последовавшей после недолгих лет НЭПа коллективизации¹⁹⁶. Многие сюжеты заимствуют мотив «чудесного спасения»:

«У меня дедушка с маминой стороны был военный и, когда произошла революция, то он оставался на стороне белых. И его разыскивали красные и хотели его поймать. Его даже арестовали и везли в город. По дороге их застала ночь, и все уснули, и даже часовой уснул, а дедушка подошел к своему коню, отвязал его, и тихонько они ушли. И так он ушел за границу в Китай. Граница была еще открыта, и он послал записочку своей жене, чтобы она взяла детей и уезжала. У нее было пять человек, моя мама была самая старшая, ей было 9 лет. И они оставили абсолютно все, она даже не сказала своей маме, только сказала матери мужа, что она уезжает. И так они доехали до границы. Им помогли переплыть через Аргунь, через реку, и уже на той стороне, на китайской, их ждал уже её муж. Вот так они оказались в Китае» (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Известно, что после революции дорога в Китай из России прокладывалась разными путями – через Монголию и Корею, морем, пустыней, через Амур (в Сахалин и далее)¹⁹⁷. Характерной деталью в этой части рассказов является роль «чудесных помощников» – китайцев-проводников:

«Когда власти "стали прижимать" <имеется в виду начало 20-х гг.>, к отцу стали приходить интересоваться им: что он за человек? Откуда? Отец

¹⁹⁶ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.

¹⁹⁷ Забияко А.А., Зиненко Я.В. «По Забайкалью и Амуру» А.П. Фарафонтова как источник исследования народного православия на территории дальневосточного фронта начала XX века // Религиоведение. 2021. № 2. С. 28–43.

понимал, что скоро за ним придут, заберут и расстреляют. Тогда папа решил бежать из страны в Китай. Как бежать, я не знаю, но знаю, что раньше были специальные проводники-китайцы, которые специализировались на переводе через границу людей. Так отец перешел границу через Китай, устроился в г. Харбине. Люди приходили и спрашивали про отца, мы говорили, что не знаем, где он, уехал куда-то. В 1930 г. **пришел китаец и сказал: "Мадама, собирайся, капитана"¹⁹⁸ прислал забирать вас". Мы с мамой быстро собрались, китаец нас повел. Сначала мы ехали поездом, где не опасно еще было, затем шли пешком, привел нас китаец на станцию Пограничная, там перешли обходами через лес на китайскую сторону. **На китайской стороне нас встретили китайцы, сразу накормили**, точно не помню, но вскоре отец сам приехал за нами, привез в г. Харбин» (Зап. от Инны Иннокентьевны Медведевой, 1923 г.р. (урожд. г. Благовещенска, Россия), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].**

«Была революция в России, да. И мои родители бежали из России, потому что папа был... Как это? Дворянин. Вы знаете, что такое дворянин? Noble [англ. дворянин]. Все были, в общем, простой народ, крестьяне, все они... Образовалась революция, а такие люди, интеллигентные, все должны были бежать. В Европе бежали во Францию, а на Востоке, где мы жили, мама с папой жили, бежали в Китай. Поэтому, так и получилось, что они перебежали границу в Китай, и мы там родились. В Китае... Он же был белый офицер, офицер белой армии» (Зап. от Василия Дмитриевича Дронова, 1926–2020 (урожд. г. Хайлар, КНР), г. Сидней, Австралия; 29 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Это было трудное время для тех, кто не мог прожить в Китае. Не было работы, не было дома. И мы не хотели ехать, потому что мой отчим (это, значит, мой второй отец). Он подсказал: «Куда хочешь, туда поедем, потому что ты молодой». Я так подумал, папа бежал. Он воевал против красных во время революции. Он начал войну в четырнадцатом году [1914] на фронте, а

¹⁹⁸ Капитан (итал. capitano, от лат. capitaneus) – китайское пиджинизированное именование начальника.

потом, когда революция началась, он пошел служить с белыми. Потому что присягу дал царю. Он был очень такой стойкий человек, что ли. Он дал присягу, и он пошел с Каппелем, такой генерал. Сейчас из Китая забрали его могилу, выкопали и отправили в Россию. В прошлом году китайцы разрешили забрать. Капель-генерал» (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

*«А это была революция. Революция... Они были богатые люди. А что большевики... они богатых людей уничтожали из-за того, что... Мой дедушка работал с китайцами. Китайцы моего дедушку, моего дедушку китайцы советские, красные, как говорили раньше. Они его избили, им золото надо было. Он умер на третий день. Мою маму хотели отправить... туда. **Моя мама маленько родня Ленину.** Фамилия одна. Её хотели туда, на Волгу... Волга-рива, туда хотели ее туда отправить, моя мама... Отец ушел в Китай, и моя мама ушла тоже в Китай, в Маньчжурию» (Зап. от Варфоломея Семёновича Калугина, 1932 г.р. (урож. станции Эхо, КНР). Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв, 27 августа 2019 г., г. Сидней, Австралия) [ЦИДВЭ АмГУ].*

*«Папа мой приехал в Харбин в 1930 г. **Он был сыном богатого купца, ну то есть торгового человека, у которого было много магазинов, домов частных – вот таких больших домов, ну, конечно, в центральной части Петербурга. Но когда случилась революция, всё у него отняли, и они стали бедными, а его сестра, моего отца, ещё до революции уехала, выйдя замуж тоже за торгового человека, за богатого. Уехали они, молодые, в Харбин и вывезли туда деньги, которые им дал отец, когда она вышла замуж. И они там хорошо устроились, хорошо жили»** (Зап. от Ольги Викторовны Загоскиной, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2017. Соб.: Цзюй Куньи, С.С. Лешко) [ЦИДВЭ АмГУ].*

«Значит, я уже буду краткой [в рассказе о себе], я уже представлялась Людмила Александровна Баландина [фамилия родителей]. Соколова [фамилия по мужу] – это я сейчас, вообще Баландина. Родилась я в 1940-м г. в Харбине. Мама

моя, я очень кратко о своих родителях, мама моя из большой караимской¹⁹⁹ семьи, которая переехала <в Харбин>. Фабрика "Лопато"²⁰⁰ слышали? Вот те [братья Лопато] тоже были караимами. Мои предки по линии мамы караимы, по линии отца оренбургские казаки и встретились они [родители] в Харбине» (Зап. от Людмилы Александровны Соколовой, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Чжоу Синьюй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Семейные мемораты запечатлевают и те события, в которых родители принимали участие, уже будучи в Харбине – эти детали позволяют более панорамно представить нам деятельность белоэмиграции в Харбине, направленную против Советской России:

«<Отец>уехал в Харбин и устроился работать на железную дорогу кондуктором. А тут двадцать четвертый год, кажется, бои под Волочаевкой²⁰¹. Он собрался туда еще воевать. Он еще довоевывал... Я знаю только, что он схватился (собрался. – диал.), а там у них была, как говорится, своя компания. У них было пять Николаевских орденов²⁰². Они еще не были инвалидами. Кто-то был инвалид, кто-то еще не был инвалидом. И он пошел воевать в Волочаевку. Под Волочаевкой он был ранен, пуля попала в ключицу в левую, его положили на Русский остров. На Русском острове он пролежал год в госпитале. Потом она, эта пуля, вышла в правом, вошла здесь, шла-шла-шла, а вышла здесь (показывает левый бок). Он носил эту пулю всю жизнь на брелоке, эту пулю. Это братоубийственная пуля. Я долго-долго с ней играла, видно, заиграл. Уже сколько

¹⁹⁹ Караимы (караимск. крымский диалект: ед. к̣ъарай, мн. к̣ъарайлар; тракайский диалект: ед. karaj, мн. karajlar; от др.-евр. קָרָיִם карайм – «читающие») – немногочисленная этническая группа, происходящая от тюркоязычных последователей караимизма в Восточной Европе.

²⁰⁰ «Лопато» – фабрика табака, которую русские эмигранты (польский еврей Илио Арович Лаобадю и его младший брат Абра Арович Лаобадю) основали в Харбине в 1909 г. на центральной улице.

²⁰¹ Бои под Волочаевкой – 1922 г. Волочаевский бой – одно из крупнейших сражений заключительной части Гражданской войны в России, произошедшее 10–12 февраля 1922 г. в районе станции Волочаевка Амурской железной дороги, на подступах к Хабаровску. Народно-революционная армия Дальневосточной республики под командованием В.К. Блюхера противостояла частям Дальневосточной Белой армии генерала В.М. Молчанова.

²⁰² Орден Святителя Николая Чудотворца – награда времен Гражданской войны. Предназначался для награждения чинов русской армии (как офицеров, так и нижних чинов) за выдающиеся воинские подвиги, проявленные в борьбе с большевиками.

времени прошло...» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Когда он уже в двадцать четвертом году обосновался в Харбине. Он работал... Вы знаете, самое главное, что он же знал языки: немецкий обязательно, французский тоже. Его научили, два языка. Он никогда в жизни не смог воспользоваться. Во-первых, почему? В чужой стране он как-то не был пронырой, он был очень высокого класса интеллигент, он не хотел. Он считал, что лучше работать руками, потому что, когда японцы пришли в тридцать втором году²⁰³, тем более. Он к японцам никакого отношения не имел, не хотел иметь. Он работал всем, абсолютно, где только не брался. Во-первых, во всех “Рупорах”²⁰⁴... “Рупор”, “Заря”, “Харбинское время”²⁰⁵, все носил газеты, носил газеты. В три часа ночи вставал. Зима. Лето. Неважно. Приходил зимой, весь запурженный снегом, приносил кучу вкусных вещей. С сорок первого года было – чего только не было: шоколады, мармелады. Это же чудный был город. Он зарабатывал практически вот на том, что он физическим трудом. Первые годы он вообще по Сунгари на лодке работал, возил лодочником. Даже у Несмелова есть же стихотворение... “Эта лодка...”²⁰⁶» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А.А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Характерной чертой нашей сказительницы является ее встроенность в литературный текст дальневосточной эмиграции. Наталья Николаевна время от времени цитирует харбинских писателей, с творчеством которых познакомилась много позже – но эти тексты представляются ей вескими аргументами убедительности и образности нарративизации ее воспоминаний.

²⁰³ Захват Маньчжурии, японская интервенция в Маньчжурию 1931–1932 гг. – захват северо-восточной территории Китая японскими войсками с последующим восстановлением маньчжурской династии Цин в новообразованном государстве Маньчжоу-го.

²⁰⁴ Имеется в виду – во всех газетах и журналах.

²⁰⁵ В течение 1901–1926 гг. в Харбине издавалось 102 газеты и 141 журнал – то есть, выходило в общей сложности 243 периодических издания.

²⁰⁶ Несмелов А. Лодочник // Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. Владивосток, 2006. С. 134–135.

Любовь Николаевна Шитова (Ли Цзиньюй) рассказывает историю своей русско-китайской семьи. В этом нарративе отсутствует социально-политический мотив исхода в Харбин, характерный для всех русских информантов – для ребенка, рожденного в русско-китайском браке, он не актуален. Очевидно, что отец Любви Николаевны в начале XX в. в процессе массовых миграций китайцев, приехавший в Россию, после революционных событий решил вернуться в Китай. Сам он был из Шаньдуня, но решил остаться в Харбине – город давал китайцам возможность процветания. Умалчивает наша рассказчица о революции как предлоге вернуться на Родину еще и потому, что в Китае говорить об этом не принято – Октябрьская революция в историографии рассматривается как событие позитивное, ведущее к прогрессу: *«Брат – Алексей, сестра – Лида. Папа был фотограф, в Чыте была своя мастерская. Он приехал в Россию, один, молодой парень, старушка и старик держали свою фотографию [фотомастерскую. – Ц.К.], он у них работал, он им понравился, стал он снимать и перепечатывать, всему научился. Прошло время, мама с папой поженились, хозяин продал ему фотографию. Я была в Чыте, меня возили по улицам, я ничего не помню, это только сестра может вспомнить. У меня фамилия – китайская, по отцу Ли. У нас не носят фамилию мужа. У меня каштановы были волосы, ниэт, я на папу похожа, папу звали Николай. Он жил в Чыте, в Борзе, в Якутске – в этих краях. Мама – Евдокия Захаровна, фамилия Шитова. Они из Екатеринбурга, у меня сяс брат там живет. Мама, я помню, рассказывала, как Николая Второго в Екатеринбурге держали, дом Ипатива, заборы, говорит высóки, но щелки, вот ребятишки в щелки смотрели на царя. Многие хотят посмотреть, бегали, играли, мама видела. Вот я сяс читаю эту книгу (показывает)²⁰⁷. Какой он красивый был! У вас есть карточка его молодости? Очень прямо он красивый был»* (Зап. от Любви Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урожд. г. Харбина), г. Харбин, КНР; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

²⁰⁷ Речь идет о книге: Никулина М., Белокуров С., Вильтон Р. Последние дни Романовых. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. 304 с.

Следующий меморат «об исходе семьи» занимает особенное место в корпусе устных рассказов. Он своеобразно завершает русскую историю Харбина и знаменует китайскую – из него мы узнаем о приезде русской семьи Ли Лисаня²⁰⁸, китайского партийного руководителя, правой руки Мао Цзэдуна. Северная Маньчжурия освобождена от японцев, наступает китайский период харбинской истории – но маленькая девочка Инна, Ли Иннань, еще успевает захватить все реалии уходящей эпохи. Ее история дается, с одной стороны, с «советской точки зрения», с другой – с точки зрения ребенка-полукровца, и тем еще более интересна:

«По маминым воспоминаниям, это был 1946 год, мы полмесяца добирались из Москвы до Харбина. С двумя пересадками на поезде, через Читу. В Чите была пересадка, потом доехали до Забайкальска, там заночевали, там тоже была пересадка, потом на каком-то паровозике до Маньчжурии. Там ходил паровозик только КВЖД, который почту возил, ходил очень редко. Они нас ждали, потом маму задержали пограничники, ее трясли на таможне, проверяли. У мамы такая память, она даже запомнила, что у нее отобрали книжку, которую она взяла в дорогу, даже помнила, как она называлась, она называлась “Колокола”²⁰⁹. И потом я в энциклопедии нашла, это был малоизвестный автор, книжка написана в конце 20-х – начале 30-х годов. Советская гражданка, мама выезжала – ей даже паспорт не дали, потому что там была Гражданская война и ей сказали, это был отдел международных связей ЦК КГБ, если вы попадете в руки гоминдановцам²¹⁰, вы не должны говорить, что вы с Советского Союза, вы скажите, что местная русская, и у вас не должно быть никаких бумаг, которые говорят о вашей причастности к Советскому Союзу. Поэтому всё забрали, дали какую-то бумажку, подписанную командующим погранвойсками

²⁰⁸ Ли Лисань – знаменитый китайский революционер, один из основателей КПК Ли Лисань (кит. 李立三, LǐLìsān; урожденный Ли Лунчжи (кит. 李隆郅, LǐLóngzhì).

²⁰⁹ «Колокола» – роман русского советского писателя Ивана Евдокимова, написанный в 1925 г. и впервые опубликованный в 1926 г. Рассказывает о революционных событиях 1905 г. на Вологодчине.

²¹⁰ Гоминьдán (кит. трад. 中國國民黨, упр. 中国国民党, пиньинь Zhōngguó Guómíndǎng, палл. Чжунго Гоминьдан, буквально: «Китайская Национальная партия») – консервативная политическая партия Китайской Республики.

Забайкальского округа, что “такой-то – такой-то разрешается пересечь границу”. Я помню одно из самых ранних воспоминаний, связанное с пересадкой в Отпоре, потому что, как мама говорила, они пошли там чего-то разбираться с поездом или с чем-то еще, а там еще были две попутчицы китаянки, ну, нужно было присутствие всех трех, вещи стояли на платформе, и мама меня, трехлетнюю девочку, посадила на эти вещи: “Инночка, сиди тут, никуда не уходи”. А у меня воспоминание: я сижу в какой-то пустыне, но это, как выяснилось, была деревянная платформа, совершенно гладкая, пустая, и, наверное, детский страх, и такое ощущение, что я сижу одна на какой-то странной плоской пустыне. Да, и этот страх ощущения пустыни и пустоты вокруг у меня остался, потому что, когда мама вернулась, у меня уже были слезы на глазах, но я еще не разревелась, я была мужественной девочкой» (Зап. от Ли Иннань 李英男 Li Yingnan, 1943 г.р. (урож. г. Пекин, КНР), г. Пекин, КНР; 2018 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

К сожалению, по причинам, изложенным выше, мы не смогли записать много китайских меморатов об исходе семей «из Китая», то есть центральных районов страны. Однако те, что есть в нашем распоряжении, обнаруживают типологическое сходство с историями миграции семей русских информантов.

Бедность, нищета, социальные катаклизмы середины XIX – начала XX вв. заставляют массы ханьцев сорваться с насиженных мест и отправиться за поиском лучшей доли в Северную Маньчжурию и дальше²¹¹. Процесс «перехода в Гуаньдун» отражен в семейном предании легендарного типа г-н Т., о нем речь пойдет в п. 3.2.

Завершающим хронологическую парадигму семейных меморатов становится устный рассказ о начале китайского периода города и образе Харбина в сознании китайской жительницы, прибывшей в город с семьей из деревни перед

²¹¹ Забияко А.А., Чжоу Синьюй, Е Янян, Лю Ши. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературоведческой парадигме XX–XXI в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14. Сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2022. С. 288–298.

началом «культурной революции»: *«В то время в Харбине еще не было никакого строительства, да и не было ничего, в отличие от этого времени, он был похож на Датунзи того времени. <...> В то время на берегу реки был большой песчаный пляж. В отличие от этого времени там Солнечный остров, а на берегу ничего не было. Просто большая травянистая болотистая местность. Приехать туда-сюда на лодке. машины не было, пришлось пройти пешком и 30 миль. <...> Вам так повезло, нам было очень тяжело. Еды нету, мы ели только “вовоту”²¹²», варили суп с пекинской капустой, а мотыгу бросали на землю, и она тут же ломалась, был такой голодный уровень. Ничего еды нету в то время, горько!!!»* (Зап. от Чжоу Сяньцин (Zhōuxiǎnqīng) 周显清, 1946 г.р. (урожд. п. Чжаодун, округ Суйхуа, пр. Хэйлунцзян, КНР), г. Харбин, КНР; 2021 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Таким образом, семейный нарратив становится основой этнокультурной идентичности большей части наших информатов-харбинцев, русских и китайцев, метисов: рожденных и возвращенных если не в России, то в ее мифологическом образе – на территории Северной Маньчжурии, воспитанных на основополагающих принципах русской культуры, сохраняющих ее скрепы в инокультурном окружении, а затем добровольно репродуцирующих эти универсалии уже в ином этнокультурном и социокультурном пространстве (в Австралии, в СССР, в Латвии и т.д.). Немногочисленные китайские мемораты об истории рода коррелируют с русскими по социальному признаку.

В русско-китайском целом городского фольклора Харбина, несмотря на различие индивидуальных сюжетов, мемораты об истории рода обнаруживают типологическое единство: установку на достоверность изображаемого и обращение к истории миграции семей в Маньчжурию из родных мест – центральной России, Сибири русских и Восточного, Центрального Китая – ханьцев. Парадоксальным является то, что история рода, связанная с исходом, обращена в целом к космогонической идее «начала начал»: в русской и китайской

²¹² 窝窝头-wō wō tóu, китайский хлебец из дешёвой (напр. кукурузной) муки (обр. в знач.: пицца бедняка).

части части речь идет о рождении Харбина из пустоты и хаоса социальных событий.

Помимо семейных меморатов, в харбинской устной исторической онтологии важное место занимают нарративы, обращенные к воспоминаниям о повседневной жизни, образовании харбинцев и образам взаимного восприятия русских и китайцев.

2.1.2 Повседневная жизнь в Харбине

Характерной особенностью меморатов является игнорирование повседневной, рутинной жизни – на взгляд воспоминателей, эти факты мало заслуживают внимания²¹³: «Жили – да как жили... *Хорошо жили*», – типичная присказка наших русских информантов. «*Тяжелая жизнь была, очень тяжелая*» – обычно говорят китайские харбинцы, вспоминая прошлое своего детства и юности.

Однако мы приведем три ярких свидетельства харбинской повседневности, поведенные харбинкой, выросшей в Саманном городке в 1930–1940-х гг. – Наталией Лалетиной; Любовью Шитовой – ее одноклассницей, рожденной в русско-китайском браке и дочерью уже упомянутого Ли Лисаня, оказавшейся в харбинской реальности в середине 50-х гг. прошлого века, Ли Иннань. Наталия Николаевна Лалетина рассказывает о своем детстве в домике кэвэжэдеков, о том, как был организован повседневный быт поначалу в семье ее брата, служащего на дороге, а затем отца:

«Мамины родители погибли в Читинской области. Ее сиротой привезли. С семьей двоюродного брата. Двоюродный брат – Антон Сеницын. И она стала Сеницыной. Не Круль. Круль она по метрике. По паспорту она Николаева. Но она была Сеницыной, потому что брат усыновил как бы-то. Брат приехал работать на управление КВЖД, бухгалтером работал. Они жили в шикарном доме железнодорожном, с ледником, со всеми делами, как говорится. С палисадником.

²¹³ Веккесер М.В., Новиков Д.Д., Зябкин А.В., Тетерева А.А., Седельникова С.В. Живая история: меморат как источник знаний о человеке. Хрестоматия. Лесосибирск, 2020. 100 с.

И повар был, и няня была, уборщики были там. Приходили зеленички, приходили мясники, товарники, все это привозили, приносили. Там не надо ни на какой базар ходить, ничего. Все приносили. Вот они жили таким образом» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Вот так вот, понимаете, он работал в конторе – по продаже квартир, домов работал. Он работал в последние годы особенно, в сороковые годы, уже после войны. На пристани было очень много еврейских домов, магазинов, очень много... А крыши были такие... Не капитальные у них крыши домов. Он там эти крыши крыл гудроном. Он летом приходил черный от загара. За день ведро воды выпивал. Весь страшно красный. Но очень хорошо платили еврею. Мы жили тогда... очень хорошая работа. Потом он построил домик во дворе. Мы купили дом в тридцать шестом году, полдома, у одних подполковников. Там жили муж с женой, подполковники. Мы у них половину дома купили. И жили где-то до сорок пятого, что-то так. Даже раньше... Папа во дворе построил... У нас большой участок был. Папа построил там такой флигель, и мы жили в этом флигеле. Потом, когда был такой период, знаете, где-то сорок третий, наверное, год, было очень трудно. И папа поехал в Тангенский [Тооген. – Ц.К.] район на лесозаготовки» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной, г. Харбин, КНР. Соб. А.А. Забияко, Цзюй Вэй. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

В меморатах Н.Н. Лалетиной повседневная жизнь Харбина обростаёт множественными подробностями и деталями: это сюжеты о городской торговле, о харбинских публичных домах, встречах «построечников» (первых поселенцев), детских играх и летних забавах; о тяжелых годах японской оккупации.

Любовь Николаевна Шитова упоминает о страшной реальности японского присутствия, закончившейся семейной трагедией – и этот случай типичен для харбинской повседневности 30–40-х гг.²¹⁴: «*Брат мой, Ваня, здесь на кладбище*

²¹⁴ Японский отряд 731 – специальный отряд японских вооруженных сил, японский исследовательский центр, действовавший на территории марионеточного государства Маньчжоу-го, в районе поселка Пинфан провинции Биньцзян, в двадцати километрах южнее Харбина (в настоящее время – район Пинфан г. Харбина). Занимался исследованиями

лежит. Японцы всяку заразу пустили, что-то крысы больные, еще что-то, вот он получил, тиф был [речь идет о японском отряде 731. – Ц.К.]²¹⁵. Уже в сорок пятом году, когда Красная армия была здесь. Он заболел тифом, с русскими солдатами они выпивали где-та, чё-та он поел неладно, дизентерия и потом уже никак. Красивый был у меня брат, глаза большие» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урож. г. Харбина), г. Харбин, КНР; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Устный рассказ Ли Иннань посвящен жизни ее семьи после встречи ранее приехавшего Ли Лисаня и прибывшей к нему семьи в домике бывших кэвэжэдеков – в те годы, когда начинается новая харбинская история. Помимо бытовых подробностей данный семейный меморат словно соединяет две эпохи, два мира. Невзирая на его сугубо семейное содержание, в его фактографии можно увидеть глубокие символические смыслы:

«Ну, отец к тому времени обосновался, приехал уже больше чем за полгода, там провел он до нас или когда он получил этот домик, это были, может, сейчас их снесли, домики в Харбине, где жили работники КВЖД, железнодорожный поселок. Я несколько лет назад, одна моя хорошая знакомая китаянка Цинь Ючжи [秦禹智, Qin Yuzhi. – Ц.К.]. Она любила старый Харбин, и она в прессе воевала за то, чтобы сохранить многие старые дома. Она меня туда специально повезла, там еще тот дом стоял, потому что там еще мама была, и она помнила: Садовая, Техническая, схема была, и мы поехали. А наискосок был дом Линь Бяо²¹⁶, и этот дом сохранился. Его там знали, потому что пока он не разбился во время “культурной революции”, там было паломничество, целый музей сделали, поэтому этот дом был известный в Харбине, и именно туда меня

физических возможностей человеческого организма, разработками биологического и бактериологического оружия, разновидности этого оружия испытывались в ходе экспериментов на людях.

²¹⁵ Борзя – город в Забайкальском крае.

²¹⁶ Линь Бяо (кит. 林彪, Lín Biāo; 5 декабря 1907 – 13 сентября 1971) – китайский политический деятель, маршал КНР, считавшийся правой рукой и наследником Мао Цзэдуна до самой смерти в загадочной авиакатастрофе в небе над Монголией. Посмертно был объявлен предателем и вычеркнут из списков Коммунистической партии Китая.

привели. Ну, это было совсем покосившееся, развалившееся здание. Домики были в таком (каменные) немножечко в дачном стиле, с верандой стеклянной. Сохранилась у меня одна фотография, как по приезду мы стоим на этой веранде, папа держит меня на руках, мама рядом. Мама говорила, что там было четыре комнаты, которые отапливались печками, не было такого центрального отопления, была печь, голландская в центре дома, она отапливала сразу все помещения» (Зап. от Ли Иннань 李英男 Li Yingnan, 1943 г.р. (урожд. г. Пекин, КНР), г. Пекин, КНР; 2018 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Итак, семейные мемораты харбинских жителей обращены, в первую очередь, к истории рода, к занятиям родителей в Харбине, к детским впечатлениям. Многие из них обращены к исторической памяти этноса – в той или иной мере наши рассказчики обращаются к именам исторических деятелей, причастных к событиям, повлиявшим на судьбу их рода – «Кровавое воскресенье», Николай II, генерал Каппель, Врангель, атаман Семенов, китайский маршал Линь Бяо. Наши информанты – практически все – имеют хорошее образование, их интерес к истории своего рода продуцирован не только посылом собирателей, но и общим трендом современного интереса к харбинской истории. Потому семейные мемораты харбинцев – и русских, и китайцев – становятся не только выражением их стремления вписать свое слово в историю Харбина, но и определенной формой личной самоидентификации и этнической идентификации.

2.2 Образование и воспитание харбинцев первой половины XX в. в устных рассказах: темы и сюжеты

Устные рассказы харбинцев о поре их детства и юности являются органичным продолжением их воспоминаний, уже основанных не на «мифологическом знании» семейных преданий, но связанных уже с личной мифологией. Эти мемораты дают возможность понять, какие разнообразные

возможности давал Харбин детям школьного возраста независимо от их национальности и вероисповедания. Родители могли выбрать, какую систему образования они предпочитают в соответствии с политическими и просветительскими установками.

«Когда мне исполнилось 7 лет, я пошла в школу. Гимназию я закончила в декабре 1940 г. Учителя были изумительные, все эрудированные, с высшим образованием. Некоторые учителя приехали во время строительства КВЖД, позже стали приезжать эмигранты из России. "Первая мама" в начальной школе, которая учила нас первые 4 года, окончила университет в Германии. Распорядок в школе был, как в царской России. Перед началом занятий все обязательно молились. У нас была школьная форма – она состояла из коричневого платья, черного фартука, белый воротничок и манжеты; праздничная форма: белые пелеринки, белый фартучек – гимназическая традиционная форма» (Зап. от Инны Иннокентьевны Медведевой, 1923 г.р. (урожд. г. Благовещенска, Россия), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

В харбинских школах не было разделения по этническому либо национальному признаку:

«Я училась в г. Харбине, ходила в русскую школу, хотя и учились в ней чехи, поляки, грузины, армяне, китайцы, очень много было украинцев, белорусов. В школе самым большим праздником считалась Пасха и Рождество, обязательно в праздничной школьной форме; в платье или с прической прийти не разрешалось» (Зап. от Веры Николаевы Пан, 1929 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Представители всех конфессий могли получить образование на самом высоком уровне:

«Учился я. Нас так учили. Домашняя старушка али [или] старичок в деревне 屯子 [Túnzi, деревня], там учителя были такие... У китайцев тоже также было в деревне. Школа. Я в школе учился уже при советской власти» (Зап.

от Варфоломея Семёновича Калугина, 1932 г.р. (урож. станции Эхо, КНР). Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв, 27 августа 2019 г., г. Сидней, Австралия) [ЦИДВЭ АмГУ]. *«В Харбинé было четыре школы русских, в разных районах – Модягоу было две: лицей святого Николая и вторая школа в Новом городе Нанган. Была одна школа, третья и на Пристани 道里 [Dào lǐ – Харбинский район Даоли] было две школы. Первая и еврейская школа. Но в тысяча девятьсот сорок девятом году [1949] лицей в Модягоу (лицей Святого Николая), это был лицей, закрытое заведение, но оно было униатское. Здесь с Белоруссии были священники, которые там жили. Униаты, так сказать, подчинялись Папе. Пий двенадцатый тогда был. Католикам подчинялись. Русские подчинялись католикам. Это был лицей Святого Николая. Я там учился. Я там начинал в сорок девятом году [1949], когда Китайская республика была основана в октябре месяце. После этого мы пришли на занятия, стояли полудины, восьмая армия у входа и иди домой. Всех арестовали там преподавателей-священников, но они были униаты, понимаешь. Русские, которые приняли за главенство католического Папа Пий. Нас все закрыли, выгнали, а их всех арестовали. Наш главный директор, Цикó то его фамилия, потом отец Фома, отец Иосиф, их всех арестовали и увезли в Москву. Там некоторых отпустили, отпустили. И я вот встретился с одним во Франции. Иду и по-русски разговариваю с женой. Сзади меня подходит священник, и я его узнаю. Это отец Иосиф, который у нас был. Его во Францию отправили, потому что он из Франции приехал... Но забудь про это, это закрыли, эту школу...Осталось четыре советских средних школы. Они занимались все по программе из Владивостока. Советская программа, да. Я учился во второй школе средней, в советской школе второй, которая была в Модягоу. От 香坊 [Xiāng fāng – Сянфан] близко мне, полчаса было. Это общая школа. И мужская, и женская у нас были. Смешанная. Десять классов было» (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].*

Наши информанты – второе поколение харбинцев – испытали на себе смену разных политических, а соответственно – и образовательных систем. Многие из

них начинали обучение по дореволюционной программе, затем были вынуждены перейти на японскую систему, которая после 1945 г. была заменена на советскую:

«Всю жизнь я прожила в Харбине. Там получила образование. И гимназию, и колледж. УМСА-колледж я окончила в Харбине. Был до 1945 года в Харбине. Знаете такой? Это американский и английский термин. Найдете по словарю потом. Я окончила там колледж» (Зап. от Елены Петровны Таскиной, 1927–2020 (урожд. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2017 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Я окончила 7 классов 3-й советской средней школы, нас было 19 девочек, у нас был женский класс. В 1998 году в Москве руководитель нашей ассоциации Мелихов проводил 1 международную научную конференцию. На этой конференции меня узнала моя соученица Наташа Заика. Фамилия [Заика] довольно известная, потому ее брат Коля Заика принимал участие в перезахоронении Каппеля, жил в Харбине и отсудил свой дом, то есть фамилия [Заика] на слуху. Николай Заика – он долго жил в Харбине, до последнего времени, потом улетел в Австралию. Так, вот, с его сестрой я училась. И с девяносто восьмого [1998] года я узнала, что половина моего класса 7-го, девочки живут в Австралии, мои подружки детства, я с ними не училась, просто очень дружила» (Зап. от Людмилы Александровны Соколовой, 1940 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Чжоу Синьуй) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Я училась в третьей советской средней школе. Сначала я поступила в первый класс в 1943 году, уже японцы там были. А у японцев учебный год начинается в январе. Мне семь с половиной лет было, когда в частную школу поступила на подготовительное отделение, там так называлось. Надо было 3 или 4, сейчас не помню, класса закончить, а потом уже в гимназию» (Зап. от Ольги Викторовны Загоскиной, 1935 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2017. Соб.: Цзюй Куньи, С.С. Лешоко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«В Харбине пошла учиться в 46-м [1946] г. в советской школе, по советской программе, но учителя были местные харбинцы, окончила в 54-м [1954] г., когда была объявлена целина» (Зап. от Маргариты Павловны Таут, 1936 г.р. (урожд.

г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2016. Соб.: А.А. Забияко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Мы уже учились по советской программе. Уже была советская школа. Было уже 4 школы в Харбине, после 45 [1945] года. Школы советские были после 45 [1945] года, 4 школы: №1, 2, 3 и 4 в разных районах [города]. Китайский язык, я вот помню очень хорошо, у нас был сначала, сеньшен [Xiānshēng] Е его звали, такой пожилой китаец, он знал очень хорошо русский язык и китайский язык, первый был учитель китайского языка» (Зап. от Маргариты Павловны Таут, 1936 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2016. Соб.: А.А. Забияко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Большое значение для выпускников харбинских школ имели личности их духовных наставников, наставляющих их на праведный путь образования: *«Я начала учиться [смеется] очень смешно, я начала учиться в первом классе в приюте. Orphanage [англ. сиротский дом]. В приюте, потому что мы жили напротив церкви и приюта, и владыка Нестор был моей бабушки знакомый. И я просила все время: "Я хочу в школу, я хочу в школу". Он пришел к бабушке и сказал: "Внучка хочет в школу". Но это приют, там дети живут. А мой папа сказал: "Ну и что, пускай, пускай, пускай идет". И я в первом классе училась в этом приюте, через дорогу. Батальонная улица, Модягоу. Там еще есть, это здание, есть еще церковь. Это в первом классе. А потом я пошла в школу, большая школа, бывшая японская школа. На углу Старохарбинского шоссе, напротив лицея Святого Николая. Очень большая школа, я очень хорошо помню. Мы когда туда зашли, то пришлось переделывать все туалеты. Потому что туалеты все были японские, внизу, а нам нужно было эти... нормальные, европейские. Вот, там я проучилась второй класс, третий класс. Потом нас оттуда выбросили, и мы учились, не знаю... Здание нужно было, и нас выбросили и мы учились в бывшем лицее Александра Невского, около гольф-поля. Знаете, где трамвай шел, последняя остановка? По Церковной улице, в конце там, где электрическая станция, такие трубы. Знаете, Модягоу? Знаете, туда в конец, в конец, вот там мы учились, там учились, по-моему, два года. Потом нас оттуда*

выбросили опять, и мы стали учиться в музыкальной школе. Потом нас из музыкальной школы *выбросили* через дорогу в третью школу. Бывший Украинский дом» (Зап. от Евгении Борисовны Шергуд, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

«А потом была целина²¹⁷, очень многие уехали, а кто оставался, то советское консульство сказала, чтобы все мы ехали на целину, в Россию. А люди хотели ехать за границу, и они сказали китайскому народному комитету, что русских детей не осталось. А у меня даже есть письмо, которое написала учительница, как это получилось. Мама обратилась, что дети остаются без образования, тогда стали группы. Это был восьмой, девятый, десятый класс. Стали заниматься группами. А потом пошли мамы с просьбой department education – это народное образование, китайское, и сказали, что у нас дети вот остались без школы. И тогда начальник, он позвонил, позвонил в "Общество граждан", позвонил в консульство и нам разрешили школу. И мы занимались во вторую смену, вот как раз в музыкальной школе. А после этого мы стали в розовой. Но мы закончили розовую школу. Там была раньше японская школа» (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Рассказы о школьных годах информантов дают возможность понять, как была организована образовательная среда Харбина, какие разнообразные возможности давал Харбин детям школьного возраста, независимо от их национальности и вероисповедания. Родители могли выбрать, какую систему образования они предпочитают для своего ребенка в соответствии с политическими и просветительскими установками. Кроме того, важно учитывать, как менялась система образования в Харбине с новыми политическими установками.

²¹⁷ Освоение целины – комплекс мероприятий по увеличению производства зерна в СССР в 1954–1965, путём введения в оборот обширных целинных земельных ресурсов в Казахстане, Поволжье, Урале, Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму.

Необходимость учиться по японской системе оставила неоднозначный след в сознании бывших харбинцев. С одной стороны – навязывание чуждой им религиозной и этической системы, с другой же стороны – приучение к порядку и дисциплине, изучение японского языка, общение с японскими детьми:

«Мы в школе, мы полностью зависели от японцев. Как хоть и говорят, что мы под БРЭМом [Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. – Ц.К.] находимся. Белые эмигранты, ну а у нас, значит, Бюро российских эмигрантов, конечно, мы же все с навешанными были этими жетонами. Дети-то нет, родители. Сначала им навесили белые такие значки, назывались бляха, ну а потом, значит, уже начали все негодовать, что собачьи какие-то номера. Ну, они сделали потом такие жетончики в виде, как сейчас делают, когда русские... не флаг, как называется, орден что ли... двуглавый орел. Вот вместо двуглавого орла сделали бело-сине-красный вот такой значок. Вешали, вот у мамы висит, кстати, на маминой фотографии, у нее тоже прилеплен, пристегнут. <...>

<Утром в школе> мы молились. Значит после того, как мы пропели стоя, потому что у нас было собрано детей с первого по шестой <класс> в этом вестибюле, все классы собирались, все стояли, как говорится, по ранжиру, с первых до шестых <классов>. <...> Теперь... после молитвы была торжественная официальная часть каждое утро. <...> Мы же под японцами, под колпаком. Была у нас сразу в этом вестибюле дверь в учительскую, и мы стояли молча, ожидали, выходил наш директор Петр Алексеевич Матросов. Мы звали его Пёт Сеич, Пёт Сеич. У него было пенсне, и он так очень строго оглядывал нас из-под пенсне. Но в это время он был с опущенной головой в своем мундире. Какой-то такой у него был френч или как называется там высокий воротник застегнутый, галстука не было, как-то вот так, вот этот френч на нем сидел как бы очень строго, потому что он вообще-то был и офицер бывший белый, безусловно. Выправка у него была военная <...>

И мы должны были все это прослушать с опущенной головой. Все. Никто не имел право поднять голову и, как говорится, и подглядывать ни в коем разе. Он выходил из этого... учительской, руки были протянуты вперед,

перпендикулярно к телу и в руках он держал такой свиток белый. Ну, что такое свиток, знаете, да? Такой скрученный, и он его нес с опущенной головой. Затем он к нам поворачивался лицом. Мы так это слегка видели, конечно, что это так делалось, ну, подглядывали, конечно, естественно. И вот он начинал там читать. А читал он, значит, манифест Его Императорского Величества Императора Маньчжоу Го или Маньчжоу-Диго [речь идет о Пу-И. – Ц.К.]. Сначала было Маньчжоу-Го, потом Маньчжоу-Диго. <...> И вот там что начиналось так: "Мы, Наше Императорское Величество, и т-т-т...". Убей, не помню, что там было, мы не вникали в какие-то эти речи, а раз мы не вникали, мы терпеливо стояли, ждали. Он это все прочитал, потом это всё неторопливо свернул свиток, снова повернулся очень четко назад, наоборот и ушел в эту... в учительскую. После этого мы пели гимн Его Императорскому Величеству Тэнноо. Это гимн японскому императору. Он был Хирохито. Но его никогда не называли Хирохито, потому что это его имя земное, а он считался божественным жителем, потому что он высший, был ближний к Богу, и он был Тэнноо. Вот так писалось. Два О на конце. И значит, мы пели гимн Кими га ё²¹⁸ [君が代 Kimi ga yo] – это гимн императору. Ну, я слова знаю, но не все... Потом, когда мы пропели этот гимн, мы слушали старшего по школе ученика шестого класса, то бишь второго класса, да, потому что было четыре отделения и два класса, который говорил: "В сторону Его Императорского Величества поклон! Сайкерэй²¹⁹!" И мы поворачивались все, как один, на Восток, и делали глубокий поклон в сторону его императорского величества. Конечно, на этом все кончалось, выходил опять директор и говорил: "Так, смирно, по классам расходись" <...>

²¹⁸ Кими га ё (君が代 Kimi ga yo, часто переводится как «Правление императора») – японский государственный гимн, принятый после реставрации Мэйдзи (1868). До 1945 г. «Кими га ё» был официальным гимном Японской империи, включавшей, помимо собственно Японии, захваченные ею земли в Китае и Корее.

²¹⁹ Сайкерей – самый глубокий поклон в японском этикете.

<...> Ну что они делали? Они нас заставляли во все японские праздники ходить, во-первых, праздновать, обязательно в эти праздники утром мы пели марш комсомольцев ихних, обязательно пели, потом еще у нас было...

Зимой, вернее весной, был праздник восьмого марта – это был день Лошади²²⁰. К этому дню мы собирали всегда спитый чай, приносили в школу. Мы должны были весь год собирать этот чай, то есть выбрасывать чай не рекомендовалось. Не то, что запрещалось, но говорили, что "вы должны собрать чай, к восьмому марта принести японским лошадям", этим военным лошадкам. Значит, угощали их этим спитым чаем. Это был день восьмого марта, праздник дня Лошади. <...> Мы, значит, ходили на празднование Дня мальчиков²²¹, День был риса²²², потом День был, когда нужно было кланяться богине Аматэрасу²²³. Потом были всякие ярмарки в это время, а ярмарки проходили там, на площади, где был храм Аматэрасу, это был храм Дзиндзя²²⁴. Огромная площадь, огромная. Потом там после этого построили стадион, после сорок пятого года [1945]. Вот, и мы, конечно, ну как сказать, всегда принимали в этом участие, нас гоняли, как родители говорили: «Опять детей погнали кланяться». Это значит, нас погнали. А куда погнали? Погнали, например, был Праздник риса. Значит, надо было идти строем туда, в эту Дзіндзя, там кланяться опять [говорит по-японски] в сторону Его Императорского Величества, потом этой Аматэрасу кланяться надо было²²⁵.

Потом был вот этот праздник мальчиков у них, <праздник> девочек не празднуют, <праздник> мальчиков только. То они вывешивали по городу такие...

²²⁰ Возможно, речь идет о празднике Танго-но сэкку (端午の節句 – празднике первого дня лошади), который отмечался на пятый день пятой луны по лунному или китайскому календарю. Другое название праздника – Сёбу-но сэкку – праздник ирисов.

²²¹ Самый известный атрибут Дня мальчиков – это кои-нобори, бумажные или матерчатые изображения карпов, которых вывешивают на шесте перед домом. Карпов вывешивают столько, сколько в доме мальчиков.

²²² В Японии, где человек «живет рисом», выращивание этой культуры связано с верой в Самбаи – божество рисовых полей.

²²³ Аматэрасу – богиня-солнце, одно из главенствующих божеств всеяпонского пантеона синто, согласно синтоистским верованиям, прародительница японского императорского рода.

²²⁴ Синтоистское святилище, вместе с территорией вокруг. Чаще под «дзиндзя» понимают только само святилище.

²²⁵ Василевский В.А. Харбинская эпопея // Русская жизнь. 1947. 9 янв.

как вам сказать, наверное, из бумаги, сделанные карпы, рыбы-карпы. Они везде вешали, вместо флагов они вешали карпов. Это был символ мужества мальчиков. Это вот у китайцев дети – мальчики, когда они толкают огромный персик. Вот это у китайцев, а у японцев, значит, символ мужества – почему-то карпы были» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урожд. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 7 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Но в 1947 г. детям пришлось перейти на советскую систему, и устные рассказы реконструируют смятение юных харбинцев. Анализируя данные мемораты, трудно избежать суждений о том, насколько опасной может быть подспудная пропаганда, пронизывающая всю жизнь школьников – от утренних молитв, ежедневных упражнений до официальных праздников. Русские дети в Харбине стали заложниками японского милитаризма, воспитываемого с младых ногтей. Смена одной идеологической системы на другую привела к настоящему духовному бунту:

«Во-первых, мы учили японский язык, во-вторых, учили государственную мораль. Во-вторых, мы кланялись его Императорскому величеству каждое утро. Выносили манифест. Директор вот так выносил манифест, вот так поклонившись, в перчатках. И читал нам нудно каждое утро. И в сторону Пу И кланялись, и в сторону Тэн, нового японского этого императора Хирохито каждое утро. И, кроме того, мы читали и пели молитвы. Пели “Отче наш”, “Царю Небесному”. И шесть лет. И от того, что мы полгода японских потеряли, нам добавили их, и мы практически...

Пришли Советы в сорок пятом. И у нас уже в сорок седьмом... Это мы не так учились... Мы бастовали... Мы же дети... Как это нас сегодня учили одному, а завтра другому. И мы ненавидели своих учителей, особенно этого директора. Чудный был человек. Мы его ненавидели, потому что он нас.... Наутро запели: “Утро красит разным...” Не хотели советские песни петь. И мы все бастовали, мы вылазили через форточку, уроки срывали, подкладывали в эти печи... Знаете эти черные печи. В каждом классе была печь. Мы, когда надо, и гранаты туда

подкладывали. Во всяком случае, в сорок седьмом году мы начали занятия с 1 сентября, и мы уже на Большом проспекте, в коммерческих училищах. Там их два было. И сейчас стоят, я их видела. В женском училище нас соединили несколько школ с первого по десятый. Пришли из Конвента, пришли из Святого Николая, и все наши... Третья школа... мы так остались в сорок седьмом году. Я закончила семь классов, а мой будущий муж закончил десять классов. Мы с ним с четвертого класса дружили как бы. Такая детская была любовь. Он учился уже в Правительственной гимназии в Бюро для эмигрантов. Десятый класс он закончил и уехал в Дальний работать. А я еще доканчивала школу» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Устные рассказы наших информантов отражают наступление эпохи советизации образовательной системы, а затем и китаизации. Однако сложившаяся в Харбине до революции система образования пустила настолько прочные корни, что давала о себе знать еще очень долго, и это обеспечило блестящее будущее нашим собеседницам как профессионалам.

После 1945 г. девочка, приехавшая из СССР, смогла ощутить многообразность образовательной и воспитательной системы Харбина, где русские и китайские дети получали равные возможности: *«С вашего позволения я вам расскажу про детский сад. Это был чудесный детский сад. Когда мне было 4 года, это был 1948 год. Я помню, он находился недалеко от магазина “Чурин”, где там во дворе, и это подтвердила, к сожалению, она сейчас не в Пекине, моя очень хорошая подруга Женя, по-китайски ее зовут Фан Цзюаньцзюань. Ее отец тоже работал на КВЖД, служащим был, но он не очень знал русский язык, и он хотел, что бы его дети знали русский, он сначала отдал их в детсад, а потом они пошли в школу. И получилось так, что мы с Женей оказались в одной группе в детсаде. Но мы обе это забыли здесь, потому что она еще младше меня, но потом, когда мы стали вместе вспоминать, выяснилось, что это был один и тот же детский сад, в одно и то же время. И так как я на год ее старше, у меня всплыло в голове впечатление, это была русская группа небольшая*

учеников 10–12 детей. Я помню, там был мальчик, Леня, он мне очень нравился, а ему нравилась девочка Оля, я была очень огорчена. И вот, в этом русском коллективе была какая-то одна китайская девочка. Я говорю Жене: “Там было какое-то китайское существо, это какая-то пугливая, забитая, молчаливая”. А Женья засмеялась: “Конечно, это была я!” – все были русские, а что мне больше нравилось, когда у нас были уроки танца – не просто танца, а были уроки балета. Я тогда влюбилась в балет, я после этого мечтала стать балериной, потому что у нас была не просто учительница, а это уже была пожилая дама. Она выходила и вставала в позу и говорила: “Я балерина Его Императорского Мариинского театра”. Не помню, как ее зовут, но помню ее позу, ее голос и слова. И она учила нас по всем правилам: первая, вторая, третья позиция, небольшой станочек. Но мы там занимались еще и акробатикой, я приходила домой, мне так нравилось, мы делали лягушку, березку и еще чего-то. А потом еще репетировали разные танцы, танцевальные номера. Я помню первое мое выступление, мне не понравилось, потому что я играла не то мышку, не то крысу. Но потом мне все-таки досталась пачка через год или через три» (Зап. от Ли Иннань 李英男 Li Yingnan, 1943 г.р. (урож. г. Пекин, КНР), г. Пекин, КНР; 2018 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Из меморатов Ли Иннань (Инны Александровны Ли) мы эксплицируем те подробности школьного образования харбинцев после 1945 г., что зафиксировали еще рудименты дореволюционной программы и советской программы. Эти факты не бросались в глаза коренным харбинцам – но были явственны для родителей тех детей, что приехали из СССР:

«Я училась до конца 1953 года, потому что в начале 1954 года, после смерти Сталина, уже разрешили создавать советские школы, и мама перевела меня в новую школу в середине учебного года. Но так как в тех школах уже учились по советским учебникам в основном, но там были и старые учебники, я помню, был такой инцидент в первом или во втором классе, там был какой-то старый задачник. Мама открывает, читает: “Один помещик продал другому столько-то десятин. Сколько у него осталось? Какой помещик?” Ну, мама по-

советски воспитана, была потрясена появлением этих помещиков. Один раз мама не выдержала и пошла в дирекцию этой школы, потому что там, видимо, была какая-то книга для чтения, изданная в японское время, потому что там употреблялось слово “Ниппон”, явно времен японской оккупации. И мама, как борец за справедливость, не выдержала. Литературы не хватало. Учителя были пожилые. Математик ходил всегда подтянутый, в каком-то военном френче, он наверняка был офицером. Историк, в четвертом классе, нам начал рассказывать такие исторические предания про царей, князей, это было очень интересно. Причем в советской школе это не преподавали. Потом у меня зародился интерес к истории. А моя первая учительница – это Софья Николаевна» (Зап. от Ли Иннань 李英男 Li Yingnan, 1943 г.р. (урож. г. Пекин, КНР), г. Пекин, КНР; 2018 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Ну я закончил... У нас называлась “Четвертая высшая народная школа”, потому что была четвертая она. Эта школа точно, как в России, десять лет. Вот, мы закончили ее и имели ну, нормальное образование, полностью, да. Но дело в том, что, когда мы закончили, мы учили историю старую. Не новую, понимаете? А вот когда уже 45-й год был [1945], всё, я поступил в медицинский техникум на врача, да. И там нужна была история уже новая. Вот поэтому я потом еще прошел новую историю. Я знаю и старую, я знаю и новую, понимаете, так что у меня у меня такое двойное образование» (Зап. от Василия Дмитриевича Дронова, 1926–2020 (урож. г. Хайлар, КНР), г. Сидней, Австралия; 29 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Важной деталью личных мемуаров о школьных годах является замечание о том, какое внимание учителя старой школы придавали русскому языку – в нем харбинские педагоги видели залог сохранения этничности и успех ее трансляции другим поколениям: *«Вы знаете, как нас здесь муштровали, здесь так воспитывали! Будь здоров! Учителя... Месячник русского языка, это вообще, что вы... Это такое мероприятие, когда детей подслушивают, что они говорят. Если вы скажете: “Что хочешь”, вас сразу на крючок. “Что хочешь, то и купляешь” ... Так говорили. Учительница так говорила. Учили русскому языку*

очень досконально. Была у нас тут учительница, уехала в Австралию, там умерла уже не так давно. Она сто с лишним лет прожила. Она много детей воспитала. Она говорила, её мама была выпускница Смольного. Поэтому высокограмотные люди нас учили. Нас учили все преподаватели – все бывшие офицеры, грамотнейшие, воспитаннейшие. У нас семечку нельзя было щелкнуть. Это был ужас, конечно! Нас муштровали, это точно. В общем, из нас делали людей. Почему я пишу? Потому, что у меня это старая закалка» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Но про обучение на китайском языке ни один из наших информантов не отзывался негативно. Сама реальность была такова, что китайский язык детям учить было необходимо – невзирая на то, что весь город говорил «по-русски» (а на самом деле, на пиджине): *«У меня хорошая была отметка. Я любила писать иероглифы, очень.*

<Соб.: – Трудно?>

– Нет, даже очень приятно. Это как meditation [медитация]. Пишешь, пишешь, один и тот же лист, потом другой... [Говорит по-китайски и одновременно пишет по-китайски на столе] 中国 [Zhōngguó, Китай]; 中国人民 [Zhōngguó rénmín, китайцы]» (Зап. от Натальи Матвеевны Назаровой, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2022 г. Соб. Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Знание китайского языка позволило многим выпускникам школ получить работу уже после образования КНР в китайских учреждениях:

«Да, значит, Еврейская, называлась Еврейская больница. Была еврейская больница, потом Красный Крест был, вот. А потом, обождите. Значит еврейская больница, Красный Крест... В основном вот это. Эти два, два больших, эти большие два госпиталя. И вот до шестьдесят второго года [1962] я работал врачом. До шестьдесят второго года [1962] я работал врачом, а закончил я, по-моему, в сорок втором [1942], по-моему, я в сорок втором [1942] закончил. Да я помню, что-то такое проработал... я и говорю, по-китайски, как

доктор я могу все спросить, вот до сих пор, а тогда я довольно хорошо уже, очень легко говорил, и вот сейчас я говорю: 有什么病? [Yǒu shé me bìng? – Какая болезнь?]. 肚子疼不疼? [Dùzi téng bù téng? – Желудок болит или не болит?]. 咳嗽不咳嗽? [Késòu bù késòu? – Кашель или не кашель?]]» (Зап. от Василия Дмитриевича Дронова, 1926–2020 (урож. г. Хайлар, КНР), г. Сидней, Австралия; 29 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

С другой стороны, китайские ребяташки получали в Харбине равные возможности с русскими, и их родители понимали преимущества такого образования: «Я родилась в Харбине в 1944 году. У меня мама была единственной дочкой, был у нее какой-то брат, но он умер. А мама моя, поскольку в Харбине было очень сильное влияние русских и русской культуры и, вообще, у нас называли Лао Дагэ [老大哥, Lǎodàgē – в Китае так раньше обозначался старший брат; идентично наименованию «старший брат» в СССР. – Ц.К.], “советский человек”, это считалось очень большим уважением. И мама меня отдала в детский сад от “Чурина”, и там было очень хорошо, но я там была два года. А потом в шесть лет я должна пойти в школу, а в китайскую школу не брали, потому что с девяти лет. Вы не знаете, в то время китайская школа первый класс брали только с девяти лет, а мне было шесть, и мама решила, что время терять, ну и отправила меня в русскую школу. Но там почему-то, кого хотели, того и принимали, и сколько-то стоило. По-моему, это было платное обучение, но платили не много. И вот меня в первый класс, а я там сижу и чуть ли не спать хочу, потому что я не знаю по-русски. Поэтому, когда учителя говорили, я просто сидела. И так я просидела полгода, сидела и хлопала глазами. А потом через полгода, не знаю как, но я все могла говорить. Знаете, когда окружение такое: в русской школе, все ребята русские, говорят на русском. И совершенно спокойно, без всякого нажима, я стала говорить на русском, свободно, и слилась со всем коллективом. И я даже пишу в своей статье: “Я никогда не чувствовала себя чужой”. Там еще было два китайца, ниже меня классом. Но тем не менее была такая интернациональная школа, я это потом узнала, там были поляки,

грузины, но, в общем, разные были люди из разных национальностей. Со мной учились в школе, это уже не эмигранты, а дети или даже внуки эмигрантов. Поскольку в первый класс я пошла в шесть лет, и я вот и проучилась. Сначала училась в той, которая называлась Сити Чжун, это первый третий класс. После этого, народу же все меньше становилось, ну, русские уезжали, и меня направили в бывшую музыкальную школу, потом это было Вайши. Этот дом еще стоит, очень красивый, там лестницы. Я там проучилась два-три года, а в самом конце седьмой-восьмой класс уже были на Пристани. На улице то ли Полицейской. От Сунгари, вот еще улица. Это бывший Коммерческий клуб, и вот там уже собралась школа, было человек двести. И я последние два года там проучилась. Вообще-то у нас была десятилетка, “полная советская школа” называлась, но почему-то в Советском Союзе в 1957 или 1958 году началась то ли перестройка, то ли реорганизация образования. И сказали, что после восьми классов нужно идти на производство» (Зап. от Фань Цзюаньцзюань 范娟娟 Fan Juanjuan, 1944 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Пекин, КНР; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ]. Знание русского языка стало для нашей рассказчицы ее счастливым билетом по жизни – она до самой пенсии проработала на русскоязычном радио, была переводчиком-синхронистом.

Наши рассказчики фиксируют то время, когда русское, советское образование еще было востребовано в китайской системе обучения: «А после школы у нас или еще экзамены. Тогда у нас несколько человек предложили работать в школе. И сразу летом мы ездили в колхозы, помогали, делали прополку, три раза в колхозе работали, а потом я была ассистентом у учительницы Клавдии Павловны Чесноковой. Она имела раньше свой детский сад и начальную школу, а когда школы закрылись, у нее эта школа тоже закрылась. Она была старшая учительница в начальной школе, вот у неё я проходила практику. В пятьдесят восьмом году [1958] я закончила и в пятьдесят восьмом году [1958] стала работать в школе» (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

В целом, именно «харбинская закваска» (А. Несмелов)²²⁶ становится для всех поколений уехавших, приехавших в Харбин и оставшихся в Китае, залогом их успешности. Почти все харбинцы состоялись в тех странах, куда им пришлось уезжать после образования КНР – мы можем говорить о наиболее известных, таких, как В.А. Слободчиков, Л.Н. Андерсен, Е.П. Таскина, Г.П. Мелихов²²⁷ – но устные рассказы наших воспоминателей расширяют это «пространство успешности» бывших харбинцев, охватившем и СССР, и его бывшие республики, и Китай, и Америку, и Австралию:

«Всё в Харбине. Отец родился в тысяча девятьсот шестнадцатом году [1916]. А я родился тоже в Харбине в тридцать пятом году [1935] in nineteen thirty five [англ. в тысяча девятьсот тридцать пятом году]. Вот это, так сказать, наша история, откуда мы и как мы, и почему мы стали... После этого я уехал. Отец первым уехал, поступил в школу. Поступил в школу. Закончил школу, и что у нас университет был. Нас русских принимали в Харбинский политехнический институт с условием, что мы будем изучать один год китайский и потом пять лет технические. Мы поступили к китайцам. Нужно было изучать два года русский. Они хорошо говорили все, и, может быть, еще остался, кто там кончал, все там хорошо говорили. Преподаватели у нас были в основном из Советского Союза, института имени Куйбышева, МИСИ (Московский инженерно-строительный институт) называлось. Профессор Серг, который имел издания – десять книг по архитектуре. Он нам читал лекции и китайцам читал лекции... Лекция, конечно, по-русски. Рождественский. «Железобетонная конструкция». У него вот такая толстая книга, он читал лекции и китайцам. Кузнецов? и так далее. Старые русские, 397 которые были, остались. Татарин математику вел. Мыслин, хороший... Он вел «Сопроотивление материалов». Так что Харбинский политехнический институт, тогда преподавание велось на русском, и мы учили китайцев, как быть великими. Всё основное было дано китайцам, коммунистической партии, это русскими. Они строили заводы, они

²²⁶ Несмелов А. Понужай // Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 132–134.

²²⁷ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.

учили китайцев и нас, и так далее. Это было в пятьдесят... я закончил в пятьдесят восьмом году [1958]. В пятьдесят втором [1952] я поступил, шесть лет, в пятьдесят восьмом [1958] закончил. Как раз началась культурная революция in nineteen fifty eight [англ. в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году]. Да. Наш класс был тридцать шесть человек, тридцать шесть человек и уехало, значит, наверное, тридцать человек. И была... предмет один был – «История коммунистической партии Китая». И так сказать, нам китаец читал по-китайски, по-русски, значит всё. И потом экзамен. После экзамена, как всегда, все отметки выставлялись вдоль коридора... ХПИ – большой, громадный университет, путь коридора и все выставлялось. Я подошел, посмотрел, у меня "отлично" стоит, пять, "отлично". Потому что все были "отлично". У других русских "три", "четыре", у Валерия Иванько "четыре" было. А потом через два дня я прохожу по этому коридору, смотрю, у меня "пять" переправлено на "четыре". Зачеркнуто, "четыре" написано. Я пошел к декану строительного факультета. Мистер Ли. Я говорю: "В чем дело?" Он мне отвечает: Виктор, садись. Всё хорошо, но у тебя теория расходится с практикой. Теория – ты коммунист по теории. А практика – почему ты на Родину не уехал? Строить и землю пахать". В это время мой отец с матерью... мать хлопотала визу, уехали в Австралию» (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

В данном меморате – все детали того, почему русские, не желавшие уезжать в СССР, были вынуждены уехать в Австралию.

Мемораты наших русских и китайских респондентов, пропущенные сквозь призму их личной детской мифологии, тем не менее, реконструируют специфику школьного образования харбинцев. В этих меморатах зафиксирована аксиологическое значение дореволюционной системы российского образования, органично воспринятого советской программой в ее харбинском изводе. Именно преемственность школьных принципов образования позволила харбинским детям усвоить те духовные и нравственные основы русской культуры, что

сопровождали их потом по странам рассеяния и в условиях советской жестокой реальности.

2.3 Религиозный и праздничный быт харбинцев первой половины XX в. в устных рассказах: темы и сюжеты

Харбин изначально был городом многонациональным и многоконфессиональным²²⁸. В первую очередь это определялось самим характером его постепенного заселения: «На узком пространстве полосы отчуждения КВЖД, в Харбине, прежде всего, на протяжении более пятидесяти лет компактно проживали выходцы из России, численность которых колебалась в пределах от ста до двухсот с половиною тысяч. <...> Разумеется, русские составляли большинство. Прежде многие нерусские этносы жили порознь друг от друга, иногда на значительном удалении. В Харбине представители этнических групп стали жить бок о бок, иногда – в соседних домах или квартирах. Каждый этнос в специфических условиях тесного сосуществования в пределах российского анклава на китайской территории вырабатывал свои стратегии этнического поведения, демонстрируя в экстремальной ситуации пределы своей этнической устойчивости и другие важные качества»²²⁹. Новоявленные харбинцы – русские, украинцы, поляки, евреи, армяне, грузины, осетины, татары, белорусы, эстонцы, латыши и др. – пришли не на пустые земли, на просторах Северной Маньчжурии они встретились с ханьским, маньчжурским, корейским,

²²⁸ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.; Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. 461 с.; Забияко А.А., Сенина Е.В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // *Emigrantologia Słowian*. 2016. Vol. 2. S. 19–32.

²²⁹ Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 6.

монгольским населением. Они отстраивали, развивали город и близлежащие к нему территории КВЖД, постоянно соотнося свое этническое и религиозное сознание с инокультурными, неизвестными доселе традициями, привычками и установлениями²³⁰. На протяжении почти полувека в Харбине мирно сосуществовали православные, старообрядцы, адвентисты 7-го дня, пятидесятники, католики, лютеране, мусульмане, караимы, иудеи, буддисты, даосы и др., возводились соборы и церкви, костел и кирха, молитвенные дома, мечети, синагоги, даосский и конфуцианский храмы²³¹.

«Конечно, все ходили в церковь, весь город, все ходили в свои церкви. Поляки в свою... свой костел, немцы в свою кирху, в синагогу ходили евреи, в мечеть ходили татары. Ну, а русские – господи, было двадцать храма и два монастыря²³²!» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урожд. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Для русских православных их вера и их храмы были не просто этнорелигиозным, но и этнодифференцирующим признаком: *«Католики, это не русские, а католические. Папа римский. Там так... Костел называется, а не церковь, потому что это польская»* (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

При этом и сами православные харбинцы до конца своей жизни различают друг друга по приходам: *«Конечно, ходили каждый в своем районе, и у нас была церковь своя, прихожане были свои. Конечно, мы ходили с мамой, мама правда очень мало ходила, редко. Папа вообще не ходил. А я ходила... ну, почему-то мы ходили с девочками в праздники особенно, с детства ходила. Меня всегда*

²³⁰ Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 6.

²³¹ Хисамутдинов А.А. Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец 19 – первая половина 20 веков) // Известия Восточного Института. 2012. № 2(20). С. 96–112; Нестор Е. Маньчжурия – Харбин. Белград. 1933. 46 с.

²³² В Харбине был 21 православный храм.

заставляли в воскресенье ходить, конечно, там бывало, что постоянно-постояно, потом выйду на улицу особенно летом, на скамеечке посижу. Как-то были подружки, с которыми там можно было сидеть, поговорить» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Двадцать три храма. Меня крестили в Петропавловской церкви. Это 偏脸子 [Piān liǎnzi – частичное лицо]. Там крестили. А потом мы ходили в Софийскую церковь вот эту, которую вы принесли. В нее ходили. Потом мы ходили в Благовещенскую, около Сунгари 黑龙江 [Hēilóngjiāng – Хэйлунцзян], там был, а и мы ходили в Йверскую, там, где генерал Каппель захоронен. Это была офицерская церковь. Она была выстроена в память об офицерах и все стены были разрисованы фамилиями тех, кто в русско-японскую войну погиб и имел Георгиевский крест. И мы ходили туда иногда. Мой отчим ходил туда, потому что он тоже был в армии. Он не был офицер. Он был старший солдатский чин – прапорщик. Это, значит, солдат, ефрейтор, младший сержант, сержант, старший сержант и прапорщик. Он прапорщиком был, и мы ходили туда. И вот эта вся церковь была герои, которые погибли в русско-японскую войну. Фамилии. Ну, там иконы были. Полоса. Полоса, вот так вот. Мы туда ходили. Мы ходили в разные церкви» (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Воспоминание о «семейных» храмах ассоциируются в сознании русских харбинцев с глубоко интимными, радостными переживаниями каждого этапа своего взросления, имеющего религиозную регламентацию:

«У нас одна была церковь – на углу Саманной и на Корпусной. Она была на Гродековской улице, церковь Преображения Господня. Мы туда ходили святить фрукты. Как-то, знаете, мед не ходили святить, меда ни у кого не было, не было пасечников. Привозили мед с "линии", покупал отец у Кутузова в Модягоу в лавке.

А в Яблочный Спас в церковном саду ходили святили яблоки, ну всегда к этому времени было мнооого фруктов, и груши дюшес были уже, виноград уже... Ходили туда на Двенадцать Евангелий в Страстной четверг, ходили заутреню, ну и так я ходила, каждое воскресенье меня отправляли в церковь обязательно. Сначала с мамой ходили, а потом одну меня мама отправляла всегда» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 9 июня 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Ходили, конечно, все праздники, обязательно. Потому что так было надо, в воскресенье или там какой праздник, в тот праздник ходили. Ну, когда в школе учились, то не очень днем можно было пойти, конечно, в церковь. Но когда из школы шли в праздник, заходили в Собор, потому что это было по пути, потому что мы были там мимо каждый день. Мимо церкви ходили, мимо Собора и, конечно, забегали, утром особенно, потому что надо было бежать в школу, торопиться, и без выученных уроков бежали к Николаю-Чудотворцу за помощью, чтобы не спросили, сегодня к доске не позвали. <...> Ну, в церковь, конечно, ходили и причащаться, особенно когда День Ангела восьмого сентября. Мне всегда папа покупал мне лаковые туфельки черные, белые носочки, мама всегда шила шелковое платье, на голове бант – у нас не принято платки было носить девочкам. Вообще, считалось раньше, считалось по закону, что девочкам не обязательно носить платок до той поры, как только она становится девушкой, ну, то есть, когда начинается уже созревание <...> Тогда надо надевать обязательно какую-нибудь панамочку, или какую-нибудь шляпку и не носили. Никто в платках не ходил. У нас все женщины ходили в шляпках, летом и зимой всегда шляпки. И, конечно, в церковь ходили в шляпах. Какие уж там, у каждого своя шляпа была, как говорится, то, что, летом, конечно, всегда ходили в легких таких соломенных, которые искусственно шили такие модницы, шляпницы их называли» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Православная культура была тем живительным началом, что прочно соединяло прошлое, настоящее русских харбинцев и будущее их детей, помогало выживать на чужой земле. Несмотря на то, что многие семьи не отличались истовой набожностью, основы православной культуры и вероучения в были органично вплетены в учебный процесс в начальной школе, повседневное окружение также органично было связано с православием в его народном истолковании – характерная черта религиозного сознания русских дальневосточного фронта²³³.

К примеру, Н.Н. Лалетина скрупулезно воспроизводит ежедневное и ежемесячное расписание школьного религиозного воспитания:

«С первого класса начинался школьный день с молитвы. Утром пели "Царю небесный" молитву. Это было обязательно. И мы учили "Закон Божий" тоже с первого класса. А начинался он, конечно, с того, что мы начали учить из Библии первую книгу "Ветхого завета". Это было для нас очень трудно, но у нас был очень хороший священник. Священник был отец Николай Труфанов²³⁴. Он был в свое время и полностью, пока я жила в Харбинé, он был настоятелем храма Покровской церкви²³⁵. Сказать о нём – это ничего не сказать. Это замечательный, добрейший... <человек> ... Я помню, у него была такая вот седая борода. Ясные, такие добрые глаза. Он приходил и вот нам рассказывал все о Ветхом завете. Ну, что мы там понимали, не понимали... Конечно, это было трудно, потому что не могли мы себе представить, что там люди жили семьсот, восемьсот лет – там же так говорится. И, конечно, на уроке всегда была тишина, дети вообще никогда не баловались <...>

²³³ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Монография. Новосибирск, 2017. 350 с.; Забияко А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2021. С. 7–51.

²³⁴ Труфанов Николай Иванович, протоиерей, настоятель Св. Покровского Украинского прихода.

²³⁵ Покровская церковь – Церковь Св. Покровская находится в стенах бывшей Украинской гимназии по Новоторговой ул. (Новый Город).

Потом мы закончили этот Ветхий завет и снова начали учить – уже Новый завет. Но здесь, конечно было все очень ясно, понятно. Потому что отец Николай приходил и рассказывал целую притчу по очереди с момента – с начала и до конца – жизни Иисуса Христа. И вот эти все притчи – "Притча о блудном сыне», "Притча о воскресении Лазаря", притча о том, как он пятью хлебами накормил целое... не знаю, сколько там человек, рыбой, которую тоже ловили, и вот пятью хлебами и рыбами накормил целое, наверное, поле людей. Ну, в общем, все чудеса, как он говорил – когда избивали женщину-блудницу, рассказывал, о том, как вход Господен в Иерусалим, Пасху, как его пытали, как он висел на кресте, как он воскрес, потом эта Пасха» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Воспоминания о церковных службах абсолютно не ассоциируются в устных рассказах с принуждением, обременением. Напротив, не лишены живых юмористических подробностей. Из них можно воссоздать образ молодой харбинки, искренне желающей следовать православным установлениям, несмотря на родительскую религиозную индифферентность. Так, определяющую роль в формировании непосредственного религиозного радения, безусловно, играла личность духовных наставников (Николая Труфанова):

«Итак, началось обучение первого января, прошли все Святки, Рождество, Святки и так далее и мы, значит, где-то с короткими перерывами на праздники, начали учиться. И конечно, когда начался Великий пост перед Пасхой, конечно, нас повели строем, маленьких ребятшек, в церковь, и мы там говели целую неделю предпасхальную. Ну, как говели? Значит, я помню, что девочки стояли с левой стороны в этом храме, мальчики с правой, причем было распятие с правой стороны, а сейчас оно почему-то поставили его с левой стороны в этом храме²³⁶. И вот мы... я помню, что мы на колени становились..., кажется, сейчас это третья неделя, а тогда была четвертая неделя Великого поста, и мы в эту неделю ходили и кланялись, становились на колени, на колени и читали молитву

²³⁶ В 1998, 2017, 2018 гг. Наталия Николаевна Лалетина приезжала в Харбин.

Ефрема Сирина <...> Нас научили этой молитве, и мы её читали обязательно. И когда читаешь, нужно было вставать на колени и кланяться, каждый раз, там она из трех частей состоит.

Ну, еще очень хорошо помню, что когда мы там молились, то на стороне мальчиков-первоклашек оставались лужицы [смеется. – Ц.К.], потому что мальчишки не могли удержаться. А попросить в церкви выйти в туалет, наверно, не было возможности. Ну, почему-то мы всегда удивлялись, что у мальчишек были лужицы в церкви там, где они стояли. Ой, Боже мой...

<...> Ну, во-первых, нам надо было соблюдать пост. Я помню, ... у нас посты не соблюдали в семье, ни папа, ни мама, но мне приходилось им говорить, что я должна поститься. Что значит поститься? Значит, не есть мяса и, наверно, не пить молоко и сливочное масло <не есть>, тогда, наверно, особенно его и не было. Молоко-то было, конечно, потому что у соседей брали, у коровников. И вот я помню, что мама мне варила в пост такой суп с фасолью. Это был очень вкусный суп фасолевый. И вот я постилась. Ну, в этот пост, значит, он нас, отец Николай, исповедовал. И вот, как сейчас помню, мы стояли с левой стороны, там, где девочки, где женщины на левой половине, там был аналой, и он нас по четыре-пять человек-малюток ставил перед этим аналоем, накрывал нас епитрахилью, но предварительно говорил про наши грехи. Не спрашивал, а говорил: "Учительницу не слушались? Маму с папой не слушались?"

Первого января, еще при японцах было дело, потому что церковь праздновала всегда в то время; значит, мы первого приходили в школу после Нового года, ну, не самого первого, где-то там после Рождества. У нас служили молебен. Почему служили молебен? Потому что начало года. Служили в актовом зале, приходил отец Николай Груфанов со своим дьяконом, и служили молебен на начало года. Дети молились, чтобы хорошо учиться. Ну, молились, конечно, как всегда, Господу Богу, потом Николаю Чудотворцу, обязательно

*Иннокентию Иркутскому, чудотворцу*²³⁷. Он был покровитель науки. Ну, был и есть, конечно.

Молебен был торжественный всегда, с песнопением. Пели все. У нас был хороший хор в школе, потому что хорошо учили нас...

<...> Потом были какие еще молебны? В праздник, например, праздник Николая Чудотворца, зимний, весенний обязательно, день памяти Николая Чудотворца, да. Потом на Рождество, естественно, на Пасху пели. <...> У нас был намоленный²³⁸ актовый зал» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 8 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

В меморатах харбинцев не только расписаны харбинские православные маршруты, исхоженные детьми, родителями и друзьями в зависимости от места их учебы, праздничных служб и житейских обстоятельств. К примеру, все большие церковные праздники семья Лалетиных отмечала в Свято-Николаевском Соборе.

При этом праздновали все – и русские, и китайцы. Н. Лалетиной запечатлены яркие детали православных праздников (Крещения, Вербного Воскресения, Пасхи, Масленицы) в их русско-китайском восприятии:

«Расскажу, как мы ходили на Иордань светить воду на Сунгари, на Крещение. Ну, во-первых, всегда был очень сильный мороз. Меня одевали в валенки, шубу, на голове большой теплый капор, и физиономия была завязана, конечно, шарфом. Было время, когда я отмораживала щеки. <...> Ну, мы ехали сначала из-за Саманного городка на трамвае до Собора, после Собора, значит, пересаживались на другой трамвай. Ну, зачастую ходили пешком, потому что трамваи были переполненные, и народ шел, валил прямо вот валом! Причем с каждой церкви же шли с хоругвями, с хором, конечно, вокруг стояли китайцы,

²³⁷ Иннокентий Иркутский (в миру Иван Кульчицкий), епископ Православной Российской церкви; с 15 (26) января 1727 года Иркутский и Нерчинский, первый правящий православный епископ Восточной Сибири (бывшие до него епископы Иркутские имели статус викариев Тобольской митрополии).

²³⁸ Намоленный – пропитанный истинной верой, молитвами. Слово, часто употребляемое православными харбинцами по отношению к городу и его «святым» местам.

глазели. Они всегда знали, что у русских "ламатáй", и сегодня праздник, что будут купаться, потому что, ну как-то уже, это же было так, как говорится, в обычаи вошло зимние. Ну вот, и потом доходили до Сунгари, там, на Полицейской <улице> собирались последние годы, когда уже Благовещенский храм был, на Полицейской улице, то там собирались все церкви, со всего города. И вот шло такое духовенство с хором, с хоругвями шли все сзади люди. Ну, просто полгорода собиралось. И вот доходили до Сунгари, до Набережной, спускались там по спуску и шли. А китайцы уже заранее готовили всё это. Там стоял крест...

<...> И вы знаете, так вот... ну крест красивый, очень красивый крест всегда стоял, и прорубь. И, конечно, там было... туда было не подступиться, трещал <лёд>, как говорят... Люди купались ... и никаких там моржей в то время не было, и никто заранее не тренировался в этой холодной ледяной воде. А вот люди шли с Богом. Разделись, перекрестились три раза, нырнули, выскочили. Их тут сразу, ну кого куда, кого во что: в валенки, в штаны, сверху шубейка, шапка.

... Вы знаете, это было все с молитвой, с верой. Никогда не было случая, что кто-то заболел или умер, нет. Потом, значит, ну, молодежь и особенно не такая молодежь, зелёная, которая сейчас гуляет, такие не гуляли. Такая молодежь, вот которая в двадцать там лет, двадцать пять, их не было гуляк, именно гуляк. Они приезжали тоже, были – крестились в Иордани, всё. А вот люди уже женатые, сёмы, с детьми садились на толкай-толкай²³⁹ и на тот берег, по льду на толкай-толкае к "Деду-виноделу". Ну, а у "Деда-винодела", конечно, пельмени горячие, значит, горячий чай, самовар, посередине стоял огромный самовар, и подавали на стол самовар, <...> люди ели-пили, конечно, и водочка, и все остальное. Но это-то не все. Это так, любители. В основном

²³⁹ «Толкай-толкай» (пидж., по принципу китайского удвоения глагольных конструкций в императиве) – сани, вмещающие 3 человека, отталкивающиеся шестом от ледяной поверхности Сунгари специальным человеком, русским или китайским (тоже «толкай-толкаем»). «Толкай-толкай» были любимой зимней забавой харбинцев и одновременно – незаменимым зимним видом транспорта, переправы через Сунгари.

люди, которые верующие, конечно, ехали домой. А мы – моя мама, отец, – мы шли втроем, набрав водички, ну водичку трудно было набирать, я говорю, что толпа была огромная. <...> Никто никакими банками или там бочками не брали. Брали просто обычную пол-литровую бутылку, потому что она считалась, что это вода священная, освященная именно в Крещение» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Девятнадцатого января Крещение, и со всех церквей русские шли на набережную на Сунгари, там выбивали большую прорубь. Крест и все делали китайцы. Им говорили как, они изо льда делали крест. Теперь вот делают фигуры в Харбине, *ice* [англ. лед]. Русские начали там делать для церкви. Крест большой, крест, а на аналой туда евангелие клали. <...> И когда воду освящали, а некоторые купались. Холод! *Ice* [англ. лед] взят. А люди лезут. Так вот было тоже. С горки катались. Горку делали от яхтклуба. Длинная такая, там дальше вираж, спускаешься, потом на вираж и обратно. В хоккэй играли. Когда я с ребятами хожу сейчас в китайскую харчевку-ресторан, они в хокк[э]ей играли. Мы жили нормальной жизнью. Хорошая жизнь была...» (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

«А в праздник особенно любили ходить в Собор, когда была Суббота Вербная. <...> Ну, любили туда ходить, потому что там собиралось полгорода ребят, молодежи, все с вербой. Китайцы уже приготавливали к этому дню букетик вербы с цветочком, обязательно. Такая красотища. Перевязан ленточкой и вставлен неживой такой, матерчатый красивый такой цветочек, по вкусу выбирай, какой хочешь. У каждой церкви, около Собора, всегда стоял китаец с этими вербочками, и можно было купить у него какую угодно вербочку. Так что это был очень хороший сервис. Ну, во всяком случае, потом обязательно на заутреннюю Пасхальную мы ходили, конечно, тоже, в свой храм. И всю неделю ходили в свой храм. Уже побольше я стала, уже после сорок пятого года – уже не ходили со школой, все это отменили, потому что пришла советская

власть. Все почти начали брать, кто хотел, паспорта советские, кто не хотел, ехали за границу, "за речку". Ну... А в церковь-то все равно ходили, потому что как не ходить, когда уже привыкли с молоком матери.

<...> Очень хорошо ходили на Страстной неделе в четверг со святым огнем. Носили туда китайские бумажные фонарики, оттуда свечки, зажженные огоньки, зажженные свечки вставишь в этот фонарь и вперед. Идем стайкой девчонок с огоньками, красиво, китайцы смотрят, говорят: "О... ламóза... ламатай", это значит, церковь". "Ламоза... ламатай моя ходи́, твоя ходи́"²⁴⁰ ... А потом, если вдруг задует ветерком, это был Великий Четверг, двенадцать Евангелий читали священники в этот день, причем читали на всех языках, на всех, даже на китайском, и на японском читали, кстати, ну уж не говоря, что и на греческом, английском читали. Ну, на старославянском, конечно, тоже, естественно. На русском, конечно, не читалось это, на славянском, вот. Красота! Такие воспоминания тёплые. Что-то невозможно красивое было. <...>

А Пасху-то как праздновали! <...> Ну, во-первых, конечно, по всему городу, во все времена, до самого моего пятидесятого, пока я не уехала, ну, наверное, и потом, в Пасху все церкви звонили во всех церквях в колокола всю Пасхальную неделю. Потому что на Пасху никогда не было службы каждый день. А вот церкви были открыты. Стояли хлебушек, пять хлебов стояли у открытого алтаря, прямо вот там, на приступочке, возле царских врат стоял стол с пятью хлебами. И вот дверь была... Врата царские были открыты всю неделю, а в субботу этот артос²⁴¹ так называемый, его нарезали и после обедни всем тем, кто подходил к кресту, раздавали по кусочку этого артоса, который надо было дома сохранить, положить на божницу, и он мог лежать весь год до следующего раза. И когда были больные, то людям можно было кусочек артоса давать во время болезни. Считалось, что это как причастие.

И, конечно, я хочу сказать, что всю неделю, кто хотел и кто желал, собственно, умели – не умели звонить в колокола, особенно ребяташки и

²⁴⁰ Русско-кит. пиджин: «Русский, в храм идешь, и я иду».

²⁴¹ В православной церкви хлеб, приготовляемый на закваске, освящаемый в первый день Пасхи и раздаваемый народу в субботу.

молодежь, конечно. Я не знаю, как сказать, про стариков не могу сказать, но все лазили на колокольню в каждом храме, и такой звон был, всю неделю стоял звон. И китайцы уже знали, что это Пасха, что это звонят колокола. И это такой обычай, конечно, он с России сохранился. Это же не секрет, что привезли все... обычаи привезены были из России» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Особенно на Пасху, можно было бегать и звонить в колокола в церкви. Когда Пасха, все двери открыты, и мы то туда побежим звонить, то туда побежим. Целый день звон, потому что мальчишки бегают. Вот так вот было. Хорошо было» (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Практически все информанты – русские, метисированные – но относящие себя к русской культуре, подчеркивают одно и то же: *«Праздники отмечались русские, чаще религиозные: Пасха, Рождество. Китайские праздники не отмечались, только принималось участие в шествии в г. Харбине по Китайской улице. Китайский Новый год, во время которого люди, переодетые в драконов, ходили по улицам на ходулях. После основания "марионеточного" государства Маньчжоу-Го японцы делали попытки ввести свои праздники, но они в русской среде не прижились. Русская православная церковь. В Харбине было их 26. Мы обязательно соблюдали пост, всегда причащались» (Зап. от Инны Иннокентьевны Медведевой, 1923 г.р. (урож. г. Благовещенска, Россия), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешко) [ЦИДВЭ АмГУ].*

«Особенно Пасху я хорошо помню, потому что всегда ходили к заутрене. Это был Дом милосердия. Может быть, кто-то из наших. Но я думаю нет. Там как раз, между прочим, Епископ Нестор потом приехал в Новосибирск и служил здесь уже. Тоже его арестовывали, что-то где-то он. Но его отпустили. Потом он приехал очень больной в Новосибирск. И регент, который руководил духовным хором у него в Харбине, потом в Новосибирске он руководил хором в церкви,

которая сейчас там находится. Похоронен он в Москве, Нестор. Он миссионером был. Он был на Камчатке. И ухаживал, ну ухаживал, духовно ухаживал за этими больными лепрозорией. Неизлечимая болезнь такая есть. Страшная болезнь лепрозория. И он там в службе служил на Камчатке. А китайские китайцы отмечали. Мы с ними вместе...» (Зап. от Татьяны Васильевны Чайкиной, 1927 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2016 г. Соб.: Цзюй Куньи, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Отмечали в основном православные праздники: Рождество, Троицу. День Ангела – именины, день рождения считали второстепенным праздником. Мы посещали Русскую православную церковь, где богослужение служилось на русском языке. Русская православная церковь устраивала концерты духовной музыки, оказывала различную помощь материальную и духовную» (Зап. от Веры Николаевы Пан, 1929 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Как и все русские. Тогда очень много русских было. Пасха, Рождество и Масленица! Правильно, да. Ну и потом, когда началась советская власть уже, то мы, пожалуй, там не праздновали так, как мы здесь уже, когда сюда приехали, начали праздновать 8 марта, 1 мая, 7 ноября. Это мы начали праздновать уже здесь. Там мы не праздновали» (Зап. от Ольги Викторовны Загоскиной, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2017 г. Соб.: Цзюй Куньи, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Мы посещали Русскую православную церковь, где богослужение служилось на русском языке. Церковь устраивала концерты духовной музыки, оказывала различную помощь, материальную и духовную» (Зап. от Веры Николаевы Пан, 1929 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г. Соб.: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Ёлки на Рождество в Харбин. Все советские авторы, все путают: новогодняя елка – она рождественская всегда была. Перед Пасхой на Вербное воскресенье все продавали пучочки, аккуратненькие, красивые пучочки вербы. Яйца красили на Пасху. На Троицу продавали пучочки травы, потому что клали

на пол» (Зап. от Маргариты Павловны Таут, 1936 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2016. Соб.: А.А. Забияко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

После начала японской оккупации Маньчжурии в 1931 г. многонациональное население Харбина столкнулось с вынужденной необходимостью примеряться к культурным и религиозным традициям завоевателей, насаждаемым с присущей японцам последовательностью. Постепенно (с 1943 г.) началась японизация школьной системы, внедрение при посредничестве прояпонского Бюро по делам российских эмигрантов в традиционное религиозное воспитание японских культов²⁴², продолжающееся вплоть до июля 1945 г. В устных историях Наталии Лалетиной отразились непосредственное восприятие девочки-подростка не просто инокультурных, а насаждаемых извне обычаев, а также наблюдения за тем, как воспринимали эти процессы взрослые русские, ее окружающие – учителя и родные (многие бывшие офицеры-белопоходники):

К примеру, Н. Лалетина особенно настойчиво обращается к сюжету о том, как маленькие харбинцы, отправленные японцами убирать их кладбище, после «официальной части» самостоятельно шли к могилам русских воинов, павших в русско-японской войне. Ухаживание за «родными могилами» дети считали своим долгом, вкладывали в это всю свою душу. Подспудному противостоянию насаждаемым японцами культам способствовали естественное растворение в жизни харбинцев основ православной культуры, отсутствие догматического диктата в школе. Огромную роль в этом играл авторитет харбинских священнослужителей. Каждый из них в памяти Наталии Лалетиной персонифицирован (о. Николай Труфанов, о. Филарет, о. Нестор и др.), а некоторые обрели агиографические черты:

«У нас, значит, когда построили... по-моему, где-то в сороковом году [1940] построили на Пристани большой Собор. <...> Так вот там жили моя

²⁴² Хисамутдинов А.А. Русская дорога к харбинскому храму // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 81; Василевский В.А. Харбинская эпопея // Русская жизнь. 1947. 9 янв.

подружка со школы, где-то с пятого класса <...>. Они жили там, в подворье этого храма. <...> А папа у нее там не то сторожем, не то дьячком, я вот сейчас не помню. Леля Конных ее фамилия была. И она мне как-то говорит: "Хочешь посмотреть Харбин сверху, свысока?" "Ну конечно, – я говорю, – конечно". И вот мы с ней... он нас завел туда наверх, на звонницу, а звонница... этот храм был очень высокий. И вот эта звонница, мы оттуда смотрели Харбин. Боже мой! Видели всю Китайскую улицу, абсолютно все пригороды, все улицы, вплоть аж до Фуцзядяна²⁴³. Можете себе представить, какой был прекрасный вид оттуда, с этой звонницы!

<...> Потом еще могу рассказать о храме "Дома Милосердия", там, где был Нестор²⁴⁴. Там, конечно, это детство, это мое детство. Я помню только то, что мы ходили, когда мне было наверно, года четыре или пять, вот так, когда мы там жили, жили до тридцать шестого года [1936]. Это было мне пять лет, когда мы уехали оттуда. То время я помню, что ходили всегда туда, потому что там был отец Филарет²⁴⁵, который потом стал патриархом в Америке, вот он умер где-то лет пятнадцать назад, наверно. Он был вообще прозорливый очень, человек-аскет, очень такой... ну, монашеский чин принял. Очень был всегда в темной рясе, был всегда такой... <...> у него была кривая такая не улыбка, а он все время подергивал вот так, знаете, нервически. Ну, я помню его всегда проповеди. А что именно говорил, конечно, не помню. Помню, как он читал эти проповеди. А я смотрела на него и сравнивала с Иисусом

²⁴³ Фуцзядян (в настоящее время Даовай) – район за линией города, населенный китайцами, административно не подчиняющийся русскому харбинскому управлению.

²⁴⁴ Митрополит Нестор (в миру Николай Александрович Анисимов; 1885, Вятка – 1962, Москва) – епископ Православной российской церкви; впоследствии Русской православной церкви за границей, затем Русской православной церкви, митрополит Кировоградский и Николаевский. Миссионер на Камчатке. В 1925 г. организовал кружок ревнителей и сестричество, в 1927 г. учредил Дом милосердия в пригороде Харбина, с 1931 по 1934 гг. служил в Скорбященском храме при нём.

²⁴⁵ Митрополит Филарет (в миру – Георгий Николаевич Вознесенский; 1903, Курск – 1985, Нью-Йорк), епископ Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); с 27 мая 1964 года третий первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Нью-Йоркский и Восточноамериканский. С 1931 по 1947 гг. служил в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» при «Доме милосердия» Камчатского подворья в Харбине. В 1933 г. возведён в сан игумена, в 1937 г. – во архимандрита. В 1944 г. назначен настоятелем Иверского храма на Пристани, сменив на этой должности своего отца.

Христом, мне казалось, что это он, такой же, как и Иисус Христос. Особенно, когда стояли, конечно, в женской половине, и там на левой стене висело "Моление о чаше", такая икона есть "Моление о чаше", вот всегда около нее стояли, я рассматривала Иисуса Христа и его. Но особенно, вот запомнился день, когда была Троица, потому что все полы были в траве в свежей, ветки стояли берёзы и шел такой аромат, на всю жизнь запомнившийся, аромат в церкви соединения трав с ладаном. Это что-то невообразимое. Это был такой аромат! Боже мой, это такое счастье, вот, когда мы ходили в "Дом Милосердия". Там была церковь "Всех скорбящих радости", но мы всегда называли "Дом Милосердия", "Дом Милосердия" почему-то так называли» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 5 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Сквозь призму устных рассказов на религиозную тему представлено сознание простого ребенка – например, Н. Лалетиной, выросшей в Саманном городке – не самом фешенебельном районе Харбина, и умудренной жизненным опытом дамы, после Китая прожившей практически полвека в СССР и сегодня вновь оказавшейся практически в эмиграции – в Латвии, в инокультурном неправославном окружении; А.Е. Демидова, выросшего в районе Нахаловке – и оказавшемся в Австралии. Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в нарративах наших информантов нашли отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты народной православной религиозности и синкретизации религиозного сознания русских и китайцев в Харбине, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Дуго, личные впечатления о харбинских православных священниках – духовных наставниках и настоящих подвижниках, жанры сказочной прозы о харбинских заступниках. Последние не только эксплицируют представления о «намоленности» города и его промыслительной роли в русской истории,

обнажают народные основы православной культуры Харбина²⁴⁶, но и создают отдельный разножанровый фольклорный текст художественной этнографии Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.

2.4 Русские, китайцы, японцы в Харбине: темы и сюжеты

Харбинские дети с рождения жили в условиях самых разных межэтнических контактов:

«Где бабушка Аня двор и во дворе было 4 квартиры. Одну квартиру занимали китайцы. Мы очень дружили с маленькими детьми, жили с вот той китайской семьей, дружили. А так вот... У них было больше армян, бабушка же караимка, поэтому было больше армян и грузин. Они вот общались между собой, вот это я точно знаю» (Зап. от Людмилы Александровны Соколовой, 1940 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Чжоу Синьюй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Во многом это объяснимо общим настроением всех бывших граждан бывшей Российской империи, для которых *русскость* и самоидентификация в качестве *русских* стали залогом сохранения этничности и формирования комфортной среды для выживания на чужбине, в порубежье²⁴⁷:

«Некоторые говорили, что такое русский Харбин? Есть китайский Харбин. Но это. Мы говорим русский Париж. Русский Харбин, потому что культурная атмосфера была русская: школы, театры, музыкальные школы. Гимназии, спорт на реке Сунгари. Дальше балет. Всё было русское. И все говорили по-русски вот на этом культурном уровне. Ну, русский Харбин не потому, что он принадлежал России, нет. Это надо понимать в другом плане

²⁴⁶ Забияко А.А. Ремифологизация в художественном сознании эмигранта-харбинца // Религиоведение. 2006. № 3. С. 161–179.

²⁴⁷ Забияко А.А. Русский город посреди маньчжурских болот: житейская реальность и художественное мифотворчество харбинцев // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 15.

совсем. Как, например, русский Берлин, русский Париж. Это культурная жизнь тех русских людей, которые там жили. Это вот обстановка эта. Так понимать. Это особое значение. Это не политический, не административный термин. Это просто атмосфера. Там жили поляки, евреи. Все говорили по-русски. Музыка была одна для всех. Там были русские преподаватели. Так история сложилась, что приехали, когда дорогу построили инженеры. Потом туда приехало много интеллигентных людей. И вот от них и пошло: русские школы, церкви (православные, допустим). Дальше спорт, театр, оперетта» (Зап. от Елены Петровны Таскиной, 1927–2020 (урожд. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2017 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Е.П. Таскиной, не сговариваясь, вторит Фан Цзюаньцзюань:

«Вы понимаете, поскольку жили все вместе, вперемешку, то есть русские жили в окружении китайцев. И волей не волей приходилось иметь какие-то контакты. Были отношения и дружеские, и торговые, то есть китайцы-продавцы приносили свой товар, приходилось общаться. И вот получился язык китайско-русский. Вот принесёт товар: "Твоя покупай". Грамматически неправильно, но правильно, тем не менее всё было понятно, язык жестов, мимика. Много было слов, переделанных на китайских лад и русские тоже немного по-китайски болтали, отдельно какие-то слова тоже могли, но это было необходимо для жизни. И я не помню никаких ссор, драк между русскими и китайцами, может между китайцем и китайцем были ссоры, а между русским и китайцем нет, не было. Поэтому я говорю, что отношения были такие приятельские, то есть я тебе ты мне. Наоборот, китайцы же сажали овощи и всегда они эти овощи продавали. Или я помню, что русские женщины умели шить, потому что жизнь такая, нужно было на что-то зарабатывать. Я помню, моя мама даже как-то ходила к одной портнихе она что-то кроила платье. Ну, вот такие отношения» (Зап. от Фань Цзюаньцзюань 范娟娟 Fan Juanjuan, 1944 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Пекин, КНР; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

С другой стороны, *китайскость* как понимание чужой этничности и соотнесение себя, своего быта и своей духовности с *китайцами* в условиях фронтального бытия стало способом восприятия инокультуры русскими²⁴⁸. Наши русские информанты – что вообще характерно для харбинцев – путаются в историографических реалиях китайского присутствия на территории Северной Маньчжурии: *«Там было три-четыре фанзы и завод этот небольшой. И народу там... в основном жили маньчжуры в то время. Китайцев было мало. Там были маньчжуры в основном. А китайцы пришли туда наверно в двадцатых <годах> ... Нет, они пришли сразу, как дорогу строили, они пришли строить дорогу. Потому что русские инженеры, а рабочие, которые строили были китайцы»* (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Однако повседневная жизнь наших информантов и их родителей, очевидно, протекала непосредственно в китайском окружении – согласно историческим данным, китайское население Харбина с начала 1920-х гг. начинает неуклонно нарастать, и к 1935–40-м гг. достигает 660 тыс. чел.²⁴⁹. Китайцы, как известно, занимались хозяйственными работами – помимо строительства дороги, были зеленщиками, дворниками, поварами, «боями» при русских домах, старьевщиками:

«Вы знаете, я вам скажу такую вещь. Во-первых, мама очень много готовила очень много китайского. Мы питались тофу очень много, потому что у нас рядом была фабрика. Такая маленькая фабричка. Мы каждый день оттуда брали эти продукты. Мама ездила со мной на пристань каждую субботу. Там была всякая скидка. Можно было купить и шелковую вату, можно было купить чай. Была очень большая чаевница. Был китайский магазин "У Хали", Зу Фа Лун был, который продавал китайские ткани. Вот так вот общались. Потом к нам

²⁴⁸ Забияко А.А., Сенина Е.В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 166–171.

²⁴⁹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.

каждый день кто-то приходил обязательно: то старьевщики придут, то придут какие-то зеленики. Водонос почти каждый день воду носил.

Ходили эти старьевщики, так называемые "тарае сипай" (пидж., от «старые вещи покупай»), "тарае сипай". "Тарае сипай" – это вот песня была постоянная и всегдашняя. Тарае сипай, он пришёл, на коромысле своём две корзинки. Собрал, ну всякое... будем говорить, г...: ну, гвоздики, ну какие-то, знаете, щепки, тряпки, какие-то банки, какие-то битые-небитые, ну в общем всё, что выбрасывается на помойку. Это чистильщик своего рода был. Вот. И потом они это всё несли на барахолку. Барахолка находилась где-то там на Пристани, не то в Фудзядзяне, я сейчас не помню. Может, в Фудзядзяне даже. Но тащили на барахолку. Что такое была барахолка, в нашем понятии? Это кошмар. Туда приходили люди, что-то брали, там покупали. Ну, господи... ну, что можно там набрать из выброшенного? Конечно, кому-то надо было болтики, кому-то винтики, как говорится, кто-то чего-то собирал. Ну, а он, значит, ещё это собирал, старался какие-то копейки дать, но мы, конечно, естественно, никогда не брали. Всё это собиралось, где-то мусор собирался и постепенно выкидывалось. Ну, вот» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Рига, Чехия; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Русские и китайские дети дружили, делясь друг с другом своими небогатыми явствами: «Когда мы вот жили, когда папа работал у Чурина, мы жили в Чуринском доме, угол Садовая и Геринская. Там стоял на углу большой двухэтажный дом, мы жили, а внизу жил китайский повар, и у него был внук, Сяньчуза [она, возможно, хотела сказать по-китайски 小伙子 [Хиǎоһуǒзi, паренек], но неправильно воспроизводит это слово]. Сяньчуза [смеется]. Я не знаю, может неправильно, но мы его так звали, Сяньчуза, и мы вот с ним всегда играли, он кушал пампушку²⁵⁰, желтую, наверно, чумизную, наверно, а я хлеб. Он хотел

²⁵⁰ Пампушка – русское именование китайского парового хлеба, «маньтоу». 馒头-ферментированное и приготовленное на пару с мукой, с округлыми шишками. На севере Китая булочки без начинки называют «маньтоу», а с начинкой – баоцзы – паровые пирожки.

хлеб, давал мне пампушку, и он кушал в чашке гаолян [高粱 Gāoliang, сорго], а мне всегда хотелось попробовать, но вот этот его дедушка был повар у Чурина, да... И когда у нас было Рождество, они всегда приходили к нам в гости, а когда китайский Новый год, то мы шли к ним в гости, да. Это было, когда я была маленькая и папа <работал> ... Мы еще жили в Новом городе. Когда папу уволили у Чурина, он стал работать на... В старом Харбинé, там был древесный завод, дерево. Тогда мы переехали в Модягоу, и жили в Модягоу. А соседи наши были китайцы, и у них была девочка, но они имели фотостудию» (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Изначально условия строительства и заселения Харбина настраивали построчников и первых служащих на создание семей по этническому принципу. Однако в условиях отрыва от родных мест, а также в силу социальных затруднений (мы не говорим о неизбежном сердечном влечении, вполне логично возникающем между людьми вне этнических предубеждений) повсеместно возникали русско-китайские браки²⁵¹. Многие из них были равными, по любви – Харбин был достаточно демократичен для этого (так сложились семьи полуковцев В.Н. Пан, Л.Н. Шитовой, Валентины Хан и др.). Но среди этих историй есть и рассказы о юных русских бесприданницах и богатых китайцах. Семейные мемораты о первопоселенцах Харбина приоткрывают завесу над печальными страницами подобных мезальянсов. Таких историй много было в Трёхречьё²⁵², но только устные рассказы харбинцев позволили нам узнать

²⁵¹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.; Агеносов В.В. Категории «свое / чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7: Мост через Амур: сборник материалов международной научной конференции. Благовещенск, 2006. С. 273–285; Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 212–229.

²⁵² Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречьё: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 350 с.

драматические истории города на Сунгари – «самого русского Харбина», коснувшиеся не только родителей, но и детей-полукровцев:

«В 16 лет выдали за китайца замуж. Маму. У нее было трое детей. Двое детей умерли, а Костя... Я его видела последний раз, когда мне было года, наверное, четыре или пять. А ему было, наверное, в то время лет пятнадцать. Он китаец наполовину. У нее был очень богатый муж, старый. Ее вытихнули [замуж] в шестнадцать лет, потому что лишний рот и так далее. Мама сначала ходила, работала у какой-то швеи на побегушках. Разносила иголки, булавки. Как говорится, вот такая девочка. В 16 лет ее выдали. Он был очень богатый. Тут на пристани был банк "Эльдорадо", вернее не банк – отель. В этом отеле был ресторан. В этом ресторане был хозяином, ну, наверное, сообща, я так думаю, какая-то компания, китаец, ее муж. И еще, кроме того у него был вагон-ресторан, который ходил "Харбин-Маньчжурия", "Харбин-Дальний". Богатейший китаец. У китайцев было принято [иметь] кучу жен и любовниц. Мама смотрела-смотрела, забрала ребенка, выбросила это кольцо обручальное. В чем была, в том ушла и заболела. Нет, она не заболела еще. Получилось так, что мальчишку отец потребовал обратно. А по китайскому суду нужно было спрашивать ребенка с кем он хочет. Когда в суде спросили мальчика Костю, которому было в то время семь лет: "С кем бы ты хотел жить"? Он сказал, что, конечно, хотел с мамой жить, но папа мне пообещал велосипед. Все. И мама лишилась ребенка. Заболела. У нее был колит. Страшно болела. Ходила по стенке. Уже совершенно больная ходила к китайцу, он ей назначал лекарства. Там по пульсу раньше делали диагноз. И мама лечилась. Он сказал, что ни в коем случае нельзя никакой сырой воды, нельзя ничего это самое, никаких квасов, никаких... Мама никогда! Всю жизнь только горячий чай, больше ничего кроме... В общем от рака и умерла. Костю я только один раз его видела в детстве. Его очень скрывала, мама не хотела. Мы когда уезжали в пятьдесят четвертом году [1954] сюда, в Советский союз, она мне потом сказала, что он приходил, стал ее провожать, привез ей огромный женьшень и всё.

<Соб.: А потом началась «культурная революция»>

– А в «революцию» мы были уже в Союзе.

<Соб.: А он как?>

– Он был зубным врачом. Он кончил школу. Вы знаете, сколько я его искала. Я же приезжала в Харбин с девяносто второго года приезжала [1992]. И я, вы знаете, я и в Красный крест²⁵³, и в газету «Жибao», и везде, везде, везде. Ничего. И даже фамилии не знаю китайской, имени не знаю. Только Синицын Костя. Я все равно хотела найти его корни. Может дети, может какие-нибудь внуки» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Рига, Чехия; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Судьба детей-метисов (кстати, Н.Н. Лалетина настаивает на том, чтобы ее брата называли либо «наполовину китайцем», либо «метисом») складывалась по-разному, в зависимости от семейного уклада и доминирующей культуры²⁵⁴ в ней. Но ясно одно, что маргинализация сознания и самовосприятия, трудности адаптации в порубежных культурах коснулись всех потомков русско-китайских браков. Об этом вспоминает одноклассница предыдущей рассказчицы:

<Соб.: Любовь Николаевна, а Вы в паспорте как записаны?>

– Как русская, мы у мамы в паспорте были записаны и не меняли уже.

<Соб.: Где Вы учились?>

– В русской школе уч<ы>лась. В школе детей много было, все русские, два корейца только. В тридцать девятом я поступила в школу. Начальную школу кончила, папа меня в китайскую школу отдал: "Хватит, гаврит, русский уч<ы>ть", – так до гимназии. В гимназии я уч<ы>лась, все китаянки были друзья. Вот сколько нас в классе было, одна осталась, она на два года старше меня. У нас на уроки ходил священник этой Покровской церкви²⁵⁵, урок закона

²⁵³ Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца – международное гуманитарное движение, основанное в 1863 г. и объединяющее более 100 миллионов сотрудников и добровольцев по всему миру.

²⁵⁴ Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 3–14.

²⁵⁵ Православный храм Покрова Пресвятой Богородицы (действующая) – церковь была открыта в 1922 г. и до 1930 г. помещалась в здании Украинского Дома в Харбине. В 1930 г. на Старом кладбище русских воинов на средства прихода и русских жителей Харбина была построена

Божьего, он [священник. – Ц.К.] приходил в неделю раз или два. По праздникам мы всем классом ходили именно в эту [Покровскую. – Ц.К.] церковь. Эта церковь с детства.

<Соб.: В детстве Вас не дразнили, что Вы полукровец?>

– Обзывали, особенно китайцы, русские так ещё тоже обзывали. Русские тогда жили на китайской земле и призирали китайцев. Китайцы обзывали и русские китайцев обзывали, в общем – всяко» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урож. г. Харбина), г. Харбин, КНР; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ]²⁵⁶.

Как следует из большинства собранных русских меморатов на эту тему, все же *«отношения с китайцами нормальные были, нормальные»* (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ]:

«Мы дружно жили с китайцами. С народом дружно жили очень, нормальный народ. Мы хорошо к народу, и они к вам хорошо. Вы плохо, и они к вам плохо. Китайцы-мальчишки нас задирают, и мы деремся с ними. Ну, мы же друг с другом... дети. А там китаянка своего маленького мальчика матерно обзывает, знаете матерно? Нехорошо обзывает, ругается, по матери ругается. Я говорю: "Как тебе не стыдно? Ты его по матери зовешь, твой сын". Она так на меня посмотрела... Потом мы играли в 玻璃球 [Bōlǐ qiú – стеклянный шар], pǐa jī [это местное устное слово без письменного эквивалента, так говорят харбинские дети; в эту игру играют все дети северно-восточного Китая. Небольшой прямоугольный листок бумаги с рисунком, похожий на покер, ребенок кладет его на землю и переворачивает карту быстро с ладони] (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

каменная Покровская церковь в византийском стиле. Речь идет об уже упомянутом в п. 2.3. о. А. Труфанове.

²⁵⁶ Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 212–229.

Воспитанию дружеских и доброжелательных отношений способствовала школьная система – в Харбине не было преград для совместного обучения детей разных национальностей: *«У меня здесь одна живет полукровка – Люба Шитова, мы с ней в прошлом году встретились, разговорились. Оказалось, что мы с одной школы, с одним директором, с одним отцом Николаем Труфановым, который был настоятелем этого храма Покровского. Мы ходили вместе туда говеть²⁵⁷, там на коленях стояли. Вот сейчас поеду в воскресенье причащаться, потому что вспомнить.*

<Соб.: Она же училась в начале Любовь Николаевна в русской школе, а потом отец отдал ее в китайскую [школу]?>

<...> – Мы вместе учились в первом классе. Только в разных первых: она – у Надежды Павловны, я – у Агнии Лемешны. А директор был Петр Алексеевич Матросов. И мы когда в прошлом году с ней разговорились. Мы с ней встретились в прошлом году, обнялись, целовались. Школа ветхая-ветхая. Там мы год проучились. Нас перевели. Там есть улица Таможенная, она от Амура. Здесь Московские ряды, здесь был каток, вот сюда и шла Таможенная. Вот на этой Таможенной мы проучились где-то со второго по шестой. Там было такое одноэтажное здание. Дети всех народов, дети... очень много полукровцев, китайцев. У нас китаец мальчик учился. Потом еще какие-то нации там были. Мы там не обращали внимания. Мы все вместе... <говорили по-русски>. И у нас Коля Чен, китаец, ходил и Закон Божий лучше нас знал.

<Соб.: Он был православный?>

– Просто ходил. У него папа дипломат был. Папа и мама отдали его в русскую школу. У него няня была, гувернантка русская. Она его водила, научила русскому языку, потому что... [чтобы] в первый класс пойти, надо уже знать русский язык» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Рига, Чехия; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Не случайно китайка, бывшая воспитанница русского детского сада, а затем и русской школы, вспоминает:

²⁵⁷ У верующих: поститься и ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию.

«В школе я никогда не чувствовала себя чужой, т.е. мы совершенно на равных: и играли, и веселились, и учились и т.д. но никогда с их стороны я не чувствовала пренебрежения. Это общность культуры, языка. Ты вот учишься в школе, ты не только воспринимаешь язык, и общую культуру, но и поведение даже. Вот если, например, какой-то мальчик или девочка наябедничают, то весь класс объявлял ему бойкот. Я вот считала так, что придавать своих, это очень некрасиво, т.е. линия поведения переманивается.

Это уже, когда я работала здесь, половина хотя бы изначально русский знали с детства, а некоторые потом учили русский в институте. И вот собралась такая редакция, и они могли нас понять, т.е., если мы вели себя не так как принято у нас в Китае, они могли нас простить.

Когда я была в школе, у нас, почему бесплатные были завтраки, я не знаю до сих пор, кто за это платил. Мы приходили в 10 часов в школу и нам давали завтраки. Приносили это всё в ящиках, и мы все гонялись за горбушкой. Например, на праздники всегда были концерты, и родители собирали стол, пекли сами пироги. Кажется, был родительский совет или раньше это назывался попечительский совет, которые ведали делами школы. Но я тогда этим не интересовалась, я просто ела. В первом классе я помню, что принимали в пионеры, потому что это была советская школа. И учителя они, по-моему, местные, это раз. Литературу преподавала Мария Ивановна; классный руководитель была Татьяна Ивановна Золотарева, она даже написала тоненькую книжку, как она переходила Амур на китайскую сторону, ну когда ещё она была девочкой. Вот, она писала описание, как она очутилась в Китае. Директор Вишневский. Ну, присылали так же учителей и с советской стороны. По истории была очень красивая очень красивая женщина, жена кого-то консула» (Зап. от Фань Цзюаньцзюань 范娟娟 Fan Juanjuan, 1944 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Пекин, КНР; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

При этом наши собеседники отчетливо дифференцируют в меморатах отношения с японскими и китайскими детьми:

«Я учил <японский язык> целый год. Но, конечно, мы играли с китайчатами 弹溜溜 [Dàn liūliū – играть в стеклянный шар], в шарики играли и так далее. Мы играли с китайцами, где жили русские ребята, и китайцы были. Когда японцы были, мы всегда шли со школы, я мимо японской школы проходил, и япончата сразу же на нас налетали, мы два-три человека русских их тоже били обратно. Было страшно ходить мимо японской школы. Но всегда ребята нас учили, а мы их, поэтому мы по другой стороне шли домой и в другое время. Это с японцами у нас так было. А с китайцами всегда были друзьями» (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

«С китайцами у нас всегда были дружеские отношения. Вот не сказать, чтобы с японцами. С японцами были у нас плохие отношения. Мы их не любили, в нашей семье. Да и большинство тех наших знакомых, которые там. А с китайцами у нас всегда были дружеские отношения. Но тогда ведь, когда были японцы, китайцам не разрешали, и они жили где-то за городом, в каких-то лачугах, в фанзах, которые из глины сделаны. Там стёкол не было, там бумагой застелены эти окна, маленькие окна промасленной бумагой. А там морозы-то большие в Харбине, вы знаете. Вот так вот жили бедные китайцы во время японского владычества, им было очень плохо» (Зап. от Ольги Викторовны Загоскиной, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2017. Соб.: Цзюй Куньи, С.С. Лешошко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Наталия Николаевна Лалетина вспоминает о том, как тяжело приходилось китайцам в годы японской оккупации:

«О китайцах там даже и разговора не было, китайцами там нигде не пахло, ни в школе, нигде-нигде-нигде, потому что они были в забитом состоянии. Они были вообще никто. Китайцы – это были ходьки²⁵⁸, китайцы – это были ёрги, то есть которые даже на китайской улице валялись в подворотнях, обкуранные опиумом. Их просто японцы забирали, они грузили их и увозили в неизвестном направлении. Ну, мы потом уже, сейчас, конечно, уже по-другому

²⁵⁸ Ходя, ходька – прост., название китайцев-рабочих.

всё смотрится и видится. Конечно, мы думали о том, что их увозили в отряд 731, потому что куда их девать? Их же ни кормить, ни поить нельзя было, тратить на них деньги, зачем? Китайцев вообще не было. Вы знаете, я вам скажу такую вещь, что они были не то, что на вторых ролях, они даже на третьих-то не были. Ну... как вам сказать. Конечно, обслуга была: билетёры, в транспорте, особенно в трамваях... Какой ещё транспорт? Ну эти, как они, извозчики, которые на лошадёнках, на драндулетах возили нас. А драндулет что такое? Двухколеска, как их называли ещё, „американка“. Мы на „американке“. Чтобы когда-нибудь китайцы были таксистами? Боже сохрани, близко не было. В те времена ещё и рикши ходили, до сорок пятого года ходили рикши, свободно и спокойно. Ездили на них японцы, конечно. Сидит такой пузатый японец, вперёд не то, что пузатый, вперёд военный сидит, голова кверху задрана, в очках, в фуражке японской, а то и в кивака́ йке²⁵⁹, и шпага сбоку у него как бы приторочена. Ну, конечно, на этих ездили ещё китайские толстые тату, то есть толстые животы, богачи. И китайцы, они тоже ездили, им надо было ездить на какие-то там свои торги, свои собрания-совещания, богачи ездили китайцы. Но чтоб беднота ездила? Никогда. Китайянки ещё ездили в очень красивых нарядах, особенно при японцах, в китайских халатах шёлковых, тоже восседали такие мадамки, которые были жёнами богатых китайцев. А так, конечно, беднота, ни в коем случае [не ездили]. Вообще, женщины по городу китайские не ходили, их не было. Они предпочитали сидеть дома, отсиживаться, ну а так ходили всякие там китайцы, всякие торговцы, всякая шушера-мушера. Да, вот так. Так что японцы, конечно, давали всем жару, нещадно их лупцевали, нещадно, так сказать, считали их низшей расой, естественно. Они [китайцы] были никто, если уж на то пошло. Вы понимаете, вот, ну что ещё было среди японцев? Как говорится, ну, стоило внимание, их

²⁵⁹ Кивакайка – форменная кепка (словообразовательная модель по типу кепка, шапка) члена Общества Кио-Ва-Кай (Кио-Вай-Кай). 25 июля 1932 г. в Маньчжурии было организовано общество Кио-Ва-Кай («Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи», также можно перевести как «Содружество наций», по-китайски переводилось в разных звучаниях: Си-Хэ-Хай, Сихэхуэй и более распространённое Си-Хэ-Хой), в этот же день была принята «Декларация об учреждении Кио-Ва-Кай».

внимания. Они, во-первых, очень любили Участковую улицу, особенно. Там была, знаете что? Нет, не была. Там был район Красных фонарей, помимо Фудзяцзяна. В Фудзяцзяне был, наверное, я вам говорила. Ши-лю-тоу-кай, это шестнадцатая улица. Как скажешь Ши-лю-тоу-кай, это значит улица бардака. Там были красные фонари. И вот эта Участковая улица с левой стороны, вниз она спускалась от угла, как сразу идёшь по виадуку. Спустился, и тут же Участковая улица и... если я не ошибаюсь, или Участковая или Новогородняя? Надо по карте посмотреть, может, я могу ошибиться, потому что уже забыла. Значит, на углу стояла, углом стояла редакция „Харбинского времени“. Ну, там была редакция одно время и „Время“, потом „Харбинское время“ – газета русская, и вот с этого русского „Времени“ по левой стороне были, значит, дома терпимости. Ну, они были, я не знаю, наверное, русские дома терпимости, потому что там служила, не работала, будем говорить, одна из наших соседок. Она проработала там много лет, оттуда она забрала себе в мужья такого же, ну как их называли, мужика, который тоже, его услугами пользовались мужчины. И вот она, я потом могу вам рассказать, просто это ни к чему сейчас это наговаривать, потому что уже дело личное, как говорится. Потом можно рассказать вам. Мы жили рядом и часто наши были всегда встречи... Мама её очень жалела, ну жалела, как человека, что она проработала это всё. А он, этот Ёська, её муж, он выпивал, он был как сказать, не пьяница, но выпивал, частенько; нигде не работал, она его содержала, бедная, но это потом. Ну, так этот вот квартал, он там вообще, особенно в ночное время вечером лучше не ходить, особенно русских не было и китайцев тоже не было [русским и китайцам туда не нужно ходить]. Там было засилие японской солдатни, они ходили в эти бордели и были зачастую пьяные, конечно. И там такие безобразия творились, могли не только избить, но и убить. Потому что такое у них было обязательное положение, надо было избивать и убивать. Русские люди знали об этом и туда никогда не нос свой не совали. А если таксисты, они тоже туда ездить не ездили, я так думаю. Потому что, если пьяный попадался, я уже говорила, что пьяный попадался шофёру русскому этот японец военный, значит жди, что либо

бесплатно проедет, либо он тебе руку отнимет своей шпагой. Потому что они, как трезвые, как правило, они не ездили, они ездили только пьяные на такси. Ну, а на рикше – китайцы их боялись, их просто избегали в это время туда наведываться, потому что там кроме избиения, никакого навару не было. Ну, вот так что» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Рига, Чехия; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Безусловно, перед японцами и русские, и китайцы оказались в униженном положении. Но китайцы и русские в эти трудные годы старались держаться вместе:

«Отношения с китайцами были очень хорошие. (Китайцы много помогали русским, очень много помогали, тем, которые бедные были. И часто китайцы помогали и доверяли русским.) даже в лавке. Записывали [брали товары без оплаты, чтобы в будущем за них расплатиться], а потом платили» (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Предприимчивые китайцы под страхом жестокого наказания спасали русских в годы японского владычества: *«У нас лавочка была. Иногда домой приду, поздно уже, двенадцать часов ночи, постучишься, там такое маленькое окошечко: "Сто нада?". Ну, хлеб, надо яйца, он сразу тебе дает. А когда продуктов не было, из деревни привозили... китайская шуба такая длинная. Вот так открывал [показывает], тут у него яйца, тут курицы, и мы покупали у него. Но опасно было. Если его поймали бы, ему дали бы десять лет, наверное, минимум»* (Зап. от Александра Евдокимовича Демидова, 1935 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Русские, живущие далеко от элитных районов (в данном случае речь идет о Саманном городке), не оставались в долгу: *«Папа у нас такой был. Он всегда посадит ходьку вонючего, борща нальют, накормят...*

– А китайцы ели борщ?

– Конечно. А как же! Русское все ели. И мы ели, и они ели. Вообще с ними взаимоотношения были прекрасные, потому что... Ведь они к нам приходили ночью. Приносили рис.

– Почему ночью?

– Потому что японцы...

– Они ночью приходили, когда были японцы, приносили рис...

– Приходили втихаря. Кусочек мяса, полкилограмма, которое он украл у японца, как говорится... Свинью зарезал и украл. Понимаете? Он приносил, потому что ему деньги нужны тоже. Какая беднота была, это страшно подумать. Да рядом деревня с нами! В тридцатые годы [1930-е]. Тут в середине города были деревни, не только что с края. Мы жили на окраине. Мы жили на юго-западе. Вот если карту смотрите. Вот здесь мы жили. А тут деревушка, две даже деревушки...» (Зап. от Наталии Николаевны Лалетиной, 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Рига, Чехия; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

«У нас были знакомые очень хорошие. У мамы был друг, он был портной. Как же эта улица называлась? То... которая, вот трамвай шел, потом на Пристань шла как она, Участковая что ли? На Пристань, когда шел, виадук²⁶⁰ проходил, вот у него было там, он там работал портной, его звали. А Сы́. И был такой тоже очень хороший знакомый У Сю Сян. И у моего папы было много знакомых, тот кто... эти клиенты, которые клали в рефрижератор [сдавали продукты на хранение]. Знакомые были. У папы много очень было знакомых в деревне, потому что он охотился. Отношения с китайцами были очень хорошие. Очень!!!! Китайцы много помогали русским, очень много помогали, тем, которые бедные были. И часто китайцы помогали и доверяли русским. Даже в лавке» (Зап. от Евгении Борисовны Шергуд, 1940 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Позднее, выросшие в дружеской атмосфере, дети сами стали помогать китайцам:

²⁶⁰ Виадук – сооружение мостового типа, предназначенное для преодоления неводных преград – ущелий, оврагов, дорог, железнодорожных путей и т.п.

«Потом, очень было трогательно. Китайцы, особенно китайцы были такие, ко мне приходили больные, значит, какое-то время, я помог, вылечил, всё. Проходило какое-то время, они ко мне приходили, мне обязательно какой-то презент, подарок какой-то делали, понимаете, благодарили, что я им сделал. Русские этого не делали, а китайцы это делали, да-да. <...> Где мы жили, там было довольно много русских жило, напротив жили русские, потом дальше были русские, но в основном все китайцы, конечно, да-да. Вот где я жил, во дворе, мы только одни русские были. Ну, там небольшой был такой двор, мы на втором этаже жили, кругом китайцы были, да-да-да. <...> Я должен сказать, китайцы очень хорошо относились к русским, очень хорошо, да-да. Вот мои мама и папа, они по-китайски не говорили, а много китайцев говорило по-русски. Вот они ходили в магазин, и, пожалуйста, всё по-русски говорили, и им всё там делали» (Зап. от Василия Дмитриевича Дронова, 1926–2020 (урож. г. Хайлар, КНР), г. Сидней, Австралия; 29 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Конечно, большая разница в понимании глубины взаимопроникновения культур существовала у детей, выросших в сугубо русских кварталах. Эти следы мы находим не только в очень сдержанных репликах Е.П. Таскиной, но и ее общей оценки значения китайского влияния в харбинской жизни²⁶¹: *«У нас в классе учились несколько китайских девочек и мальчиков. Это другая статья. Они получили прекрасное русское образование и потом работали переводчиками. Это другое дело. А так нормальные. Я же говорю, наши отношения складывались по такой хозяйственной необходимости.*

<...> По-китайски мы не научились говорить. А я вам скажу почему. Потому что в Харбине в те годы это был в основном, это не Пекин, не Шанхай, не Циндао, не те, где были интеллигентные культурные люди китайцы. Маньчжурия тогда была наполнена больше рабочими людьми. И поэтому они сами не очень хорошо знали про Китай, про свою страну. Говорили свои наречия.

²⁶¹ Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // *Любимый Харбин – город дружбы России и Китая.* Владивосток, 2019. С. 200–214.

И у нас был такой способ бейцзининглиш, знаете, в Шанхае. А у нас было так: "Ты куда пошёл?" так говорить: "Твоя куда ходи?" – искажённый. Вместо 多少 показывает сколько стоит, вот так вот говорили на наречии таком. И понимали друг друга очень хорошо. Китайцы очень предприимчивый народ. И они тоже очень хорошо адаптировались. Им надо было тоже жить. Они продавали нам то, что у них было на огородах: овощи, фрукты. Ну как они продавали, он идёт и по улице кричит, так вот продаёт. Уличная торговля очень хорошо процветала.

Рождество, конечно, и Новый год. Вот это основные, когда ёлку ставили. Весь Китай, весь Харбин продавал ёлки на рынке. Видите, мы как-то совмещали, китайцы нас понимали – простой житель города. Раньше политическим языком называли городская буржуазия-эти вот купцы. Они понимали. Им надо было тоже жить. Они знали: праздник идёт – ёлки продают. Ёлки покупали мы всегда у китайцев. Мы хорошо жили. Даже японцы не могли так разрушить, а вот в жизнь местного населения русские хорошо вжились: быт, кухня, улицы, торговля, всё. А какие были портные китайцы! А сапожники! То есть услуги все были китайскими руками сделаны. Это было удобно. Он получал деньги, мастер, а мы получали услуги» (Зап. от Елены Петровны Таскиной, 1927–2020 (урож. г. Харбин, КНР), г. Москва, Россия; 2017 г. Соб.: Цзюй Куньби) [ЦИДВЭ АмГУ].

Совсем другие интонации пронизывают семейные мемораты, переходящие в фабулат, сына старовера, работавшего бок о бок с китайцами-зверовщиками, знающего цену китайской дружбе и платившего за эту дружбу той же монетой: «Китайцев много знакомых было... китайцев знакомых было. Мой отец рассказывал так: моему отцу было 14 лет, и он с одним китайским купцом ездил по деревням. Покупали шкурки... знаете? Хунхиузы всякие эти. Зверюшки. А станции имя一面坡 [Yīmiàn pō, Боковой склон]. Станция一面坡 [Yīmiàn pō, Боковой склон] ... Мой отец... Поезд там долго стоит. 火车 [Huǒchē, поезд]. Китаец смотрит... потом ближе... <узнал отца В.С. и кричит:> "Семён!" Они вместе работали, покупали эти шкурки. И вот китайцы тогда все нашего

дедушки, китайцы знакомые, все в нашу деревню приехали. Романовка. [Вспоминает китайское название поселка]. 刘石河子 [Liú shíhézi] по-китайски.

Из Гонконга я уехал в Бразилию. А потом я ездил в 秋妹儿 [Qiū mèi er, Цю Мэйэр, сестра цю]. В гости я ездил туда. Романовка, Муданьцзян. Посмотреть своих китайцев знакомых. В Харбинé у меня много знакомых китайцев, в Харбине... И все были... Я говорю. Там у меня полукровец был. Мама у него русская, а папа – китаец. Я слез 多林 [Duō lín], и говорю: 你向哪边走? [Nǐ xiàng nǎ biān zǒu? – Куда ты идешь?], знакомый: 还是那边 [Háishì nà biān – Все еще там] [смеются]. Мы с Мишей охотничали, когда вместе.

У нас китайцы говорили по-русски так: "Ваша куда ходи?" Они на ломаном языке говорили. А которы хорошо говорили <...>

Друг дружку понимали... Мы охотились... И хорошие у меня были друзья, очень много, я им помогал, они мне помогали. А у меня русские отбирали... от меня винтовку. Люшу Ван [领事馆 [Lǐngshìguǎn, Линшигуань, консульство]], консул, Люшу Ван <Линшигуань> они хотели, чтобы я в Россию уехал, к русским. А этот один старик сидит 大个子 [Dà gèzi, дагэзи, каланча] мой знакомый такой, китаец хороший, я говорю: 大个子 [Dà gèzi, дагэзи, каланча], «Почему на тебя говорят, ты хунхуз был?»

Хунхуз, у нас <у нас так называют> бродяги. А он говорит: "Я не был хунхузом, а мой начальник, он был хунхуз, а я танхунхузе [большой хунхуз]". Он как солдат был, и вот, да, а у него старик сидит с ём <с ним>, они выпивают. 坐 [Zuò xià, садись]: Садись с нами, и этот говорит, мой знакомый этому старику говорит: "Вот вы этому小子 [Xiǎozǐ, парень] всегда интовку отбирают". А он говорит: "Кто?" Он большой начальник был, этот старик, и он мне говорит: "У тебя винтовка есть?" Я говорю: "У меня винтовок много". Китайцы, когда война была, китайцы попрятали винтовки японские, и я могу винтовок десять достать у китайцев купить, как это, воровских, чтоб нелегально. А он говорит: "Принеси винтовку, принеси винтовку, я тебе разрешение напишу, никто не отберет". Я написал это, принес, он мне написал

такой целый лист и [Dà gèzǐ, дагэзи, каланча] мне поставил, и этот вот, который китайцев увозили в Россию, они большая полиция были. Он увидел, что я иду с винтовкой. 横道河子 [héngdào hé zǐ, Хэндаохэзи] и ко мне идет. <Говорит:> Покажи разрешение на винтовку! Я ему вытащил и показал. Он 啥也不说 [Shà yě bù shuō, ничего не говорил] и ушел от меня [смеется]. Он очень большой начальник, старик-то этот был и вот так вот...» (Зап. от Варфоломея Семёновича Калугина, 1932 г.р. (урож. станции Эхо, КНР). Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв, 27 августа 2019 г., г. Сидней, Австралия) [ЦИДВЭ АмГУ].

Следующий сюжет, заимствованный из жизни отца нашего рассказчика, лишь начинается общей формулой-присказкой мемората, но представляет собой фабулат:

«Жили хорошо мы с китайцами. Очень хорошо.

Хунхузов много видели. Один раз, отец рассказывал, как это 宁古塔 [Níng gǔ tā, старое название города Муданьцзян во времена династии Цин], как это озеро, 镜泊湖 [Jìng pō hú, Цзинпо озеро], японцы взяли наших охотников, чтоб по лесу искать хунхузов. Они, японцы, нарисовали (запомнили) китайцев, которые в лесу работали. "Которые в лесу работали, все хунхузы", – <так> японцы говорят, и японцы вперед пошли, а моего отца – десять человек китайцев, чтоб мой отец взади их шел, охранял. Китайцы ушли, русских сколько ушли вперед, а китайцы эти идут, а взади мой отец, и отец по-китайски говорил: "Хорошо". И говорит: "Дальше! Остановитесь!"

И мой отец говорит этим китайцам: "回去 [Huíqu – Возвращайтесь обратно]", "Ворачивайтесь обратно". Они говорят: "А ты не будешь в нас стрелять?" Отец мой говорит, что " я не буду в вас стрелять, а вот придете туда, где японцы, они вас там перестреляют. Убегайте!" И они убежали, эти китайцы. Один раз я ночью зашел в китайскую фанзу, китайцы этих зверьков ловят, я говорю, вы меня пустите ночевать, этот говорит, говорит, китаец, этот старик спрашивает: "Как твоего отца зовут?" Я говорю: «Сёмín» [произносит на китайский манер: 小明 – Xiǎomíng, Сяо Мин]. "О! Хо! Хо! И дал

мне сразу ночевать. 好人 [Hǎorén, хороший человек]» (Зап. от Варфоломея Семёновича Калугина, 1932 г.р. (урож. станции Эхо, КНР). Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв, 27 августа 2019 г., г. Сидней, Австралия) [ЦИДВЭ АмГУ].

Основной мотив фабулата: «долг платежом красен», аналогичный мотив («Старая хлеб-соль не забывается») мы встречали в «этнографических рассказах» П.В. Шкуркина. Произведения именно этого писателя-этнографа основаны на собранном им фольклоре русских и китайцев – а типология сугубо фольклорного и олитературенного сюжетов не только доказывает этнографическую «эмпирику» Шкуркина, но и истинность тезиса о действенности «Закона тайги» в условиях дальневосточного фронта²⁶².

В заключении приведем два мемората китайских респондентов – почти ровесниц, также представляющих «прорусскую» и «изоляционистскую» точки зрения, обусловленные разной степенью погруженности в инокультуру и, соответственно, демонстрирующие разный уровень этнокультурной и этнопсихологической совместимости.

Первый меморат записан от бывшей харбинки, воспитанницы русского детского сада и русской средней школы (ее устный рассказ изначально записан на русском языке): *«О русских эмигрантов у меня осталось очень много воспоминаний. Так вот, я о том, как мы с китайцами уживались. И китайские наши мальчики, с которыми я встречалась в Австралии, они даже немножечко говорили на китайском языке. Вообще отношения у нас были самые дружеские, притом русские были состоятельные, по тем временам, но их было не очень много. Например, у нас был одноклассник Григорий Гоберник, я вот два раза ездила в Москву, так я виделась с ним. Он был такой талантливый: играл на аккордеоне, танцевал и такой весь рыжий. У него семья была состоятельная, они жили в каком-то уезде и вот у них были коровы, овцы. Они молоко продавали. Была пасека. У них папа очень много жертвовал школе. Но были, вот у меня были*

²⁶² Забияко А.А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 186–196.

покровские девочки, у них папа открыл парикмахерскую. То есть они жили более-менее. Но были так, же очень бедные. Я только потом слышала, когда было тяжело с продуктами люди уезжали в 1954–1955, но все равно много осталось, и поэтому, когда были голодные ночи, в 1959 году китайское правительство выдавало им 25 юаней на человека, на продукты. 25 юаней, это немного. Но, тем не менее, это как, то спасало. Спасало тех, у кого совсем нечего не было. Ну и как-то люди старались, что-то делали. У моей подруги, которая сейчас живет в Америке, мама учила китайских студентов в училище русского языка, то есть, что-то зарабатывала.

Многие русские что-то делали, а есть, которые жили... ну, вот во дворе у нас был дом, русский хозяин, этого дома уже нет, снесли после культурной революции, построили башню. В этом доме жили все русские: 6 номер, это наша семья, 5 номер, жили русские, женщина, что-то шила, то есть портниха, а муж был настройщиком рояля, 7 номер, это китайцы на фамилию "Е", 8 номер, это одинокая женщина мадам Мордухович, может быть еврейка, она жила неплохо по тем временам. И вот интересно, когда я поехала в Австралию, рассказывала про дом, где я жила и вдруг эта Наташа Мельникова, она, между прочим, редактор журналов, она говорит: "А это моя тятя". А в первом номере, наверху, жил хозяин. Сначала, там все русские жили, кроме нас и семьи "Е", а потом уже селили китайские семьи. Русские выезжали и вселялись китайские.

Вы знаете, у меня мама была очень общительная, и, естественно, я тоже такой была. У меня было несколько подружек, которые жили, не очень далеко, все ходили ко мне после школы. Ну, папа и мама не протестовали, потому что квартира была большая. Ну, мы делали вместе уроки, хулиганили.

Вот в Харбине, насколько я знаю, свои харбинцы, если ты обратишься за помощью, все к тебе придут на помощь.

Я вот, когда в Австралии была, там издавалась газета "На сопках Манчжурии" и они посылали деньги на это издание и потом всем тем, кто остался на Дальнем Востоке, у кого были трудности, они скидывались и помогали, хотя не родственники.

И вот моя подружка Мила Халтурина, она же в Америке, мы же тоже 40 лет не виделись, но, когда я достала её адрес, я ей позвонила, она: "Боже мой, Женечка, да как же ты так". То есть чувство общности очень дорого. Потом приезжали бывшие харбинцы, они приезжали в Пекин, потом мы вместе ездили в Харбин. И ещё там, помните, какая-то была гора Моушен, мы там ездили на могилу одной русской, осталась на горе, и там соседям она немножко давала, чтобы они присматривали за могилкой. Русские её называли "Сахарная голова". И там ещё много было имён, я даже не знаю, честно, по-китайски, парим, места красивые, где русские отдыхали. Именьпо, я помню, потому что моя родственница уехала туда, ещё какие-то места были» (Зап. от Фань Цзюаньцзюань 范娟娟 Fan Juanjuan, 1944 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Пекин, КНР; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Наша следующая собеседница не получила серьезного образования, ее юность пришлась на «культурную революцию», и, как писалось в п. 2.3., она совершенно не была погружена в русскую атмосферу Харбина. Однако ее меморат выражает точку простого харбинского китайца на роль русской эмиграции и позднее процветавшей советско-китайской дружбы:

«Когда (я) работала в 1958 году, аптека все еще была там, ай, компания "Чурин" напротив, большинство их официантов были советскими (русскими). Айя, они были такие красивые и нарядные!!! Айя, я бегала туда-сюда играть, когда была ребенком. После того, как мы поедим, мы с несколькими девчонками туда-сюда бегали. В том месте был газетный киоск. Под горой, там был газетный магазин. Уже были советские журналы, советские фотогазеты, все для того, что представить Советский Союз.

В магазине отношение к китайцам, ай, был очень хорошее. В те годы там продавали это... ну, первые, ликерные конфеты продавали. Самые первые в "Чурине». Внизу кухня. Одежда продавалась наверху. Внутри (магазина) очень чисто. Это лучший магазин в Харбине и самый чистый. Аптека тоже замечательная. Продавцы советские (русские) все умели говорить по-китайски.

<Соб.: – О, они умеют говорить по-китайски?>

– Да, все умеют. Как они могли стоять у стойки, если бы не умели? Они были здесь много лет, они бежали в Китай, очень богатые, наверное, ну, есть люди, у кого нет денег. Во всяком случае, большинство людей говорят, что у них были деньги, я тоже говорю – они не смогли бы бежать (без денег). В любом случае, они были богаче, чем китайцы, они и хорошо одевались, и хорошо ели, мы, китайцы, иногда им завидовали. Маленькие железные заводы, которые ремонтировали машины и производили мелкие детали, были открыты советскими. Во всяком случае, они более развитые, чем мы, их маленькая <советская> мастерская была более развитой, чем наша... Ай, это было в то время. Потом в 1960 г., я говорила об отношениях с Советским Союзом, Хрущев (после) прихода к власти (отношения с Советским Союзом) были не очень хорошими, а если это было не хорошо, то советские эксперты уехали.

Не только уехали, но и забрали всю технику и материалы, (потом) посмотрели по телевизору, но тогда я не знала, эм, мы не поняли, просто уехали. Несколько из них не хотели уехать.

<Соб.: – Почему?>

– Эти советские специалисты, мы очень хорошо к ним относимся. Наши китайские техники очень хорошо с ними дружили. Мы называем их советскими старшими братьями, но, если их страна просит их вернуться, они должны были вернуться. Нельзя не вернуться!

После свадьбы я жила в Мацзяагоу, на улице Гесин 99. Мы брали молоко у советских. У нас там жила (русская) старушка.

Это был 1963 или 1964 год, (русские) были, были те (русские) старики, которые не хотели возвращаться.

Специалисты уехали, лаобайсин²⁶³ (россияне) здесь уже жили несколько десятков лет. Все (японско-русские) войны были перенесены, но на этот раз²⁶⁴ они не пережили, и их молодежь (люди) больше не видели.

<Соб.: – Все уехали (из Китая)?>

²⁶³ Простые люди.

²⁶⁴ Не указывает событие.

– Ушли все, кто остались, почти все старушки остались.

<Соб.: – А старушки, что остались, были замужем (за китайцем)?>

– Старушка, старая пара, выращивающая коров. Они хорошо говорили по-китайски. Как и мы (китайцы). Они много лет говорили, и они приехали сюда несколько десятилетий назад (Харбин). Старая пара, оба советские (русские)» (Зап. от Чжэн Маочжэнь 郑茂珍 Zheng Maozhen, 1943 г.р. (урож. г. Харбин, КНР). г. Харбин, КНР; 2020 г. Соб.: Цзюй Куньи, Чжан Кайжо) [ЦИДВЭ АмГУ].

Суждение, завершающее устные рассказы Фан Цзюаньцзюань, можно расценить как точку зрения сегодняшнего достигшего успеха на своей Родине китайца, признающего все преимущества русского присутствия в Харбине и в целом – на Северо-Востоке Китая: «Я думаю, что поскольку эмигранты приезжали, из них много было интеллигенции. На строительстве дороги были инженеры и простые, и казаки, но мало, потому что рабочими всегда выступали всегда китайцы. А приезжало много образованных людей и поэтому и их уклад жизни, это конечно влияло на китайцев. Поскольку Харбин в начале был маленькой деревней, потом русские появились, появились мастерские. Русские много сделали. И китайцы потихонечку учились, что-то принимали. Например, я знаю, что они жили по-европейски более-менее, мебель хорошая, занавески хорошие, я помню, маму мою во время культурной революции объявили шпионкой, за то, что она крахмалила занавески. И мама была очень рассержена, потому что наверху жили какие-то наши руководители и их жены просили маму крахмалить занавески, чтобы украсить дом. А во время культурной революции маму мою били и объявили шпионкой, дома всё побили. Я думаю, это тоже влияние, чтобы красивый дом были, чтоб посуда была красивая. Многие сохранили эти обычаи» (Зап. от Фань Цзюаньцзюань 范娟娟 Fan Juanjuan, 1944 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Пекин, КНР; 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй) [ЦИДВЭ АмГУ].

Таким образом, в устных рассказах (мемораты и небольшая часть фабулатов) наших русских, китайских, метисированных респондентов обозначены основные темы, определяющие этнокультурные взаимоотношения в

этом многонациональном городе: межэтнические браки, соседский быт, детская дружба русских и китайских ребят, совместное обучение русских и китайских детишек в садах и школах, взаимопомощь в годы японской оккупации. Чем более близким было взаимодействие двух этносов (соседство, совместный промысел) – тем теплее настроение меморатов и живее мотивы и сюжеты, дающие возможность меморату перейти в фабулат.

Устные рассказы харбинцев эксплицируют своеобразную этническую дифференциацию, бытующую среди жителей города. Упоминания о немцах, поляках, украинцах, бывших, к примеру, родителями наших собеседников, даются вскользь – но харбинцы четко разделяют взаимоотношения русских, китайцев и японцев.

Глава 3. Тематико-сюжетное своеобразие харбинских рассказов-фабулатов

3.1 Мифологические рассказы и легенды о Николае Угоднике как часть русского «харбинского текста» сказочной прозы

На материале устных рассказов о покровителе Харбина святителе Николае можно проследить сам механизм перехода устного рассказа в предание и затем обретение преданием легендарной формы²⁶⁵.

Образ Николая Угодника как мифологемы Харбина генеалогически восходит к образу Свято-Николаевского Собора – харбинской архитектурной и религиозной мифологемы.

Как известно, Собор был возведен в центральной части города на стыке трех главных улиц: Большого проспекта, Старо-Харбинского шоссе, Вокзального проспекта. «Он был расположен в самом высоком месте Нового города и оттуда, как бы символически, возглавлял двадцать русских православных храмов Харбина и его окрестностей»²⁶⁶. 5 декабря 1900 г. храм был освящен, до 1903 г. оставался церковью чинов пограничной стражи КВЖД, затем его переименовали в железнодорожную церковь, в 1908 г. признали Собором. С 1922 г., в связи с учреждением Харбинской епархии, Собор получает наименование Кафедрального. Изначально Свято-Николаевский собор «с золотым крестом, доминирующий над окрестностями города, в образно-содержательном смысле становится культурным символом Харбина – “восточной Москвы”, как его называли, и больше – символом самой России»²⁶⁷. Именно в этом храме

²⁶⁵ Материалы параграфа представлены в публикации: Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51.

²⁶⁶ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 12–13.

²⁶⁷ Лешошко С.С. Православный храм в дальневосточном русском зарубежье: архитектурно-художественная традиция и историческое время (первая половина XX в.) // Религиоведение. 2003. № 4. С. 139; Лешошко С.С. Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина //

отмечались самые большие церковные праздники и служились торжественные молебны²⁶⁸.

Мемораты всех ныне живущих харбинцев о детстве и юности неизменно обращаются к образу Собора и его уникальному местоположению: *«Когда жили в Новом городе, мы ходили в собор, который стоял на перекрестке всех дорог»* (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р., (урож. г. Харбин), г. Сидней (Австралия); 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ]; *«Церковь? Конечно. Конечно, ходил. И у нас в старом Харбине была церковь, и ходили в собор. Красивый, деревянный. Его снесли. В шестьдесят шестом [1966] мы в этот собор ходили главный»* (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р., (урож. г. Харбин), г. Сидней (Австралия); 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Практически сразу с освящением храма в большом киоте на южной стороне от южных ворот Собора была установлена икона Святителя Николая Мирликийского – этот образ был исполнен «неизвестным русским мастером со строгим соблюдением правил старинной иконописи»²⁶⁹. Официальных документальных подтверждений авторства иконы нет. В 1931 г. перед киотом похоронят Митрополита Харбинского и Маньчжурского Мефодия – первого Митрополита Маньчжурской Епархии Заграничного Синода Православной церкви. Впоследствии, по мере заселения города и близлежащих к центру КВЖД территорий представителями разных этнических групп и социальных слоев, выходцев из Российской империи и центральных районов Китая, обретения Харбином статуса дальневосточного предела русского беженства функции Николая Угодника в сознании простых харбинцев получают самое непосредственное толкование.

Один за другим, в разных районах, в Харбине вырастают храмы и часовни в честь святого: Свято-Николаевская церковь (Старый Харбин, Армейская ул., 3;

Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 15–72.

²⁶⁸ Шмейсер М. Светлый праздник в Харбине // Рубеж. Харбин, 1939. № 15. 9 апр. С. 21.

²⁶⁹ Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. С. 93.

1898, 1926), Свято-Николаевская церковь (Пристань, при Харбинской тюрьме; 1928), Свято-Николаевская церковь (Затон; Тун-Чао, 1; 1923; 1928), Иверская часовня (Арх. Е.А. Уласовец, П.Ф. Федоровский; Новый город, территория Св.-Николаевского собора; 1933)²⁷⁰. Харбинцами повсеместно отмечались дни Николая Чудотворца (Никола Зимний, 6 (19) декабря и Никола Вешний» 9 (22 мая)), справлялись торжественные молебны: *«Два раза в году, это был большой праздник – Никола Зимний и Никола Вешний. Было празднование в школе. Это был молебен. Если были дети, которые носили это имя, их в школе уже не было – именинников отпускали домой, это был их День Ангела. И к ним приходили из класса на День Ангела»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 3 февраля 2022 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]. Празднование «никольских дней» представлялось маньчжурским изгнанникам одним из способов подтвердить свою этничность: *«Николе зимнему вдогонку / Никола Вешний уж спешит... / Как вспомнишь русскую сторонку, / Так больно сердце задрожит...»* (А. Ачаир «Степные звоны»)²⁷¹.

По мнению харбинцев и живущих по линии КВЖД, Николай Чудотворец помогал всем, был везде и всюду, где возникала в нем нужда. Постепенно Николай Угодник начал свое «хождение» по Харбину, уже не будучи определенно ни локально, ни темпорально, ни этнически закреплён, простирая свои функции и атрибуты на харбинцев всех национальностей и верований – согласно общерусским простонародным представлениям, зачастую идентифицируясь с Богом²⁷².

²⁷⁰ Лешошко С.С. Русское религиозное искусство конца XIX – начала XX века и православные храмы в Русском Зарубежье на Дальнем Востоке в первой трети XX века. К постановке проблемы // Христианство на Дальнем Востоке: история и современность. Уссурийск, 2001. С. 10–31.

²⁷¹ Ачаир А. Под золотым небом. Харбин, 1943; Несмелов А. Касьян и Микола // Рубеж. Харбин, 1938. № 2. 7 янв. С. 4.

²⁷² Успенский Б.А. Культ Николая на Руси в историко-культурном освещении (Специфика восприятия и трансформация исходного образа) // Труды по знаковым системам. Вып. 10 / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1978. С. 86–140; Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. 248 с.

В заметке «Рубежа» по случаю открытия тюремной церкви на Пристани (1928 г.), на котором присутствовал сам архиепископ Мелетий, подчеркивалось, что храм был сооружен исключительно на добровольные пожертвования. «Вся церковь от иконостаса до мелочей сделана руками заключенных», иконостас и стены расписаны также были «художниками-узниками. Ими же окрашены стены масляной краской и написана картина “Николай Чудотворец останавливает палача, занесшего меч над головой преступника”. «И арестанты усердно молятся. Новый храм для них – светлый луч в однообразной жизни»²⁷³.

Наибольшей популярностью и степенью востребованности у харбинцев и всех приезжающих обладал мозаичный киот с изображением Николая Чудотворца, установленный в здании Харбинского железнодорожного вокзала. «Путник, сошедший с поезда и вошедший в здание Харбинского вокзала, прежде всего, забывая на миг путевые волнения, благоговейно замирал перед ярко освещенным образом Св. Николая Чудотворца. Оказавшись в группе таких же, как он, пассажиров, он переживал, испытывал, наверно, ту же благодать, его охватившую, какую чувствовал на себе и стоящий рядом с ним. Святое место. Занято им было не более 50–60 кв. футов. Образ Чудотворца в скромном киоте, к нему возвышение из двух ступеней, большой (свечей на 80–100) подсвечник, свечной ящик, никогда не пустующий»²⁷⁴.

Практически каждый из наших русских респондентов, вспоминая харбинскую жизнь, акцентирует свое внимание на этом образе Николая Угодника и его особенном восприятии горожанами и приезжими: *«На стене здания железнодорожного вокзала Харбина висела огромная икона Святого Николая. Недалеко от иконостаса горел длинный свет, и все **проходящие мимо верующие** <были> **будто зажжены воском**»* (Зап. от Василия Дмитриевича Дронова, 1926–2020 (урож. г. Хайлар, КНР), г. Сидней (Австралия); 29 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

²⁷³ Храм для узников // Рубеж. Харбин, 1928. № 13. 15 апр. С. 10.

²⁷⁴ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 14.

«Я осталась еще свидетелем того времени, когда на вокзале стоял киот Николая Чудотворца. Он стоял там, сейчас вам скажу, вот точно не могу сказать сейчас, до какого года. Только могу сказать, что, мы когда ездили куда-то, Эрдэнцзянцзы или куда-то в восточную ветку со школой, всегда подходили к этой иконе, молились, ставили свечи» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Образ был равно любим как русскими, так и китайцами: *«Не было случая кражи свечей из открытого свечного ящика – явление необъяснимое для нищих и всегда полуголодных китайских рикиш и чернорабочих кули»²⁷⁵*. *«Там всегда была масса свечей. Причем стояли обычные два светильника, этих... как это называется... подсвечника. И китайский ящик с песком. И китайцы приходили и ставили эти свечи в песок. Но они ставили курительные свои свечи, потому что, когда заходишь, бывало, на вокзал, и сразу запах этих свечей, такой терпкий, китайский, знаете, запах свечей. То есть они ставили ему свечи, потом они, значит, складывали молитвенно руки, несколько раз их трясли и говорили: “Старик Никола Вокзала, помогай-ла”. Это было вот... наверное, в тридцатых годах [1930-х гг.]. Но когда мы ушли на Таможенную улицу учиться [начало 40-х гг. – Ц.К.], этот образ поставили в часовне <Свято-Николаевского> Собора. Там же, знаете, что там была часовня в Соборе, в ограде»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ] (речь идет об Иверской часовне в ограде Собора, куда в 1947 г. перенесли образ Николая Угодника).

В народном сознании русских харбинцев прочно укрепилось представление о том, что Николай Угодник отвечал китайцам взаимностью: *«Ну, о нем [Николае Чудотворце. – Ц.К.], конечно, очень много легенд было. Ходили легенды о том, что он помогал китайцам очень»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г.

²⁷⁵ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 13.

Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]. В этом делегировании благости, распространяемой русским святым на «нехристей», вероятно, выразилась подспудно русская благодарность китайцам за то, что те приняли беженцев в их неприкаянности и убогости и долгие годы мирно сосуществовали с русскими, уважая чужие святыни. Именно китайцы защитили образ Николая в 1924 г., когда КВЖД была поделена между Советской Россией и Китаем: «Обратились к председателю правления, китайцу, с петицией: “Если русским не надо, нам надо. Старик хороший, нельзя убирать”. Советская администрация должна была уступить: китайские почитатели Угодника могли и на драку пойти»²⁷⁶. Чуть позднее в газете «Восток» писалось о том, что не только старожилы-кавэжедеки всяческими уловками пытались сохранить изображение Николая Угодника, мешавшее советской администрации вокзала, но и китайские полицейские. Согласившись, что это теперь – их собственность, они выставили возле киота свой особый караул и разрешили русским православным очистить и украсить образ цветами и свечками. Наблюдая работу благочестивых людей, китайские полицейские все время твердили: «Хо, шибко хо! Его старика шибко шанго, большевика бу хо!»²⁷⁷²⁷⁸. Впоследствии фабулат о спасении вокзального Николая китайцами обрел легендарный характер и был включен в корпусы проповедей православных священников русского зарубежья.

Вполне вероятно, образ Николая Угодника – доброго старца с окладистой бородой, в золотых ризах, расположенный в здании вокзала, буквально символизирующего «перекресток» Запада и Востока (в определенном смысле – таможенный пост), мог синкретизироваться в сознании китайцев с хрестоматийной мифологемой Лао-Цзы (老子 букв. «Старый мудрец» / «Старый ребенок»), отправившегося на запад – к самым последним рубежам Поднебесной²⁷⁹. С другой стороны, не только иконописный лик Николая

²⁷⁶ Крузенштерн-Петерс Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 26.

²⁷⁷ Пиджин: «Хорошо! Очень хорошо! Этот старик (Николай Угодник) очень хороший, большевики – плохие!»!

²⁷⁸ Коммунистическое иконоборчество // Восток. Харбин, 1925. № 147. 15 сентября. С. 3.

²⁷⁹ Лукьянов А.Е. Лаоцзы (философия раннего даосизма). М., 1991. 164 с.

Мирликийского, но и его «крестьянская» ориентированность, связь со «скотым богом» Велесом²⁸⁰ семантически соотносимы с общекитайским образом 土地公 (Tu Di Gong), Духа земли (Бога земли), имеющего образ Старика со седыми волосами и бородой. Это – божество локальное, свой администратор-*ту ди гун* есть в каждой местности, управляет определенной территорией²⁸¹. Поскольку 土地公 приносит пользу поселениям и защищает простых людей, он также известен как «Бог благословения и Праведности». Культ этого духа существовал и на севере, и на юге Китая, ему возводились храмы и приносились жертвоприношения²⁸². Пиджинизированные именованья «Старика вокзала», «Старика Собора» свидетельствуют об архетипическом образе «Мудрого старца» в китайском культе русского святого.

Маньчжурская история образа Николая Чудотворца, явленного в иконических ликах и в повествованиях разного рода, изначально была исполнена мифологической сюжетикой, имеет несколько этапов становления – с момента избрания его покровителем русского города до драматического события разрушения Свято-Николаевского Кафедрального Собора в 1966 г. хунвейбинами. Недостающие звенья в истории харбинского Чудотворца мифологизированное сознание его жителей достраивает постфактум. Из этих нарративов складывается фольклорное слово о харбинском заступнике и его святом образе, воплощенное в разных родовых жанровых формах, своеобразно пересекающимися с литературными, публицистическими, проповедническими текстами.

Аккумулируя разные принципы фольклористической классификации, в этих нарративах с повествовательной точки зрения мы выделяем *мемораты* (рассказы

²⁸⁰ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. 248 с.

²⁸¹ 万里. 湖湘文化大辞典. 长沙, 2006. 2000 页. [Вань Ли. Словарь культуры Хусян. Чаньша:, 2006. 2000 с.]; 任继愈. 宗教大辞典. 上海, 1998. 1272 页. [Жень Джиюй. Большой религиозный словарь. Шанхай, 1998. 1272 с.]; 张克明. 中华人民共和国大辞典. 北京, 1989. 734 页. [Чжан Кэмин. Словарь знаний Китайской Республики. Пекин, 1989. 734 с.]; 耿文辉. 中华谚语大辞典. 沈阳, 1991. 1504 页. [Гэн Вэньхуэй. Словарь китайских пословиц. Шеньян, 1991. 1504 с.].

²⁸² Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2007. С. 102–103.

от первого лица) и *фабулаты* (рассказы от третьего лица)²⁸³; с жанрово-тематической точки зрения «случаи из жизни», этиологические, эсхатологические, социально-утопические, пророческие легенды.

Ко времени основания Харбина, постройки Свято-Николаевской церкви, усвоения образа Николая Угодника в качестве небесного попечителя города приурочен возникший много позднее легендарный *этиологический фабулат* о написании иконы иркутским самородком-иконописцем Никитой Иконником по поручению императорского двора²⁸⁴. В истории сибирской иконописи встречается упоминание о некоем иконописце «Микитке Иконнике», жившем, правда, задолго до описываемых событий – ему приписываются работы 1680-х гг.²⁸⁵. Далее сюжет о написании этого образа обретает характер апокрифической легенды, в которой совмещены жанр видения и пророчества²⁸⁶: якобы ночью (во сне) к мастеру является сам Николай Чудотворец, обещая: «Ты не уходи, Никита, подожди меня, я за тобой приду»²⁸⁷.

К тяжелой године гражданской междоусобицы, жестокого Ледяного похода, положившего начало формированию восточной ветви русского зарубежья, относится **олитературенная быличка** о Понужае, вобравшая и отразившая региональный мифологический компонент в почитании Николая Угодника²⁸⁸. Императив «понужай» (устар., затем – диалектн. заб. понужать – принуждать, заставлять, преодолевать) в результате субстантивации становится обозначением восточносибирского, а затем дальневосточного Лешего/Деда Мороза. Деифицированный образ Понужая сопровождал участников Ледяного похода, в

²⁸³ Веселова И.С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы // Фольклор и фольклористика. Современная научная парадигма и образовательные технологии. СПб., 2003. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

²⁸⁴ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 25.

²⁸⁵ Крючкова Т. Истоки иркутской иконописи // Михаило-Архангельский Харлампиевский храм. Русская Православная Церковь. Иркутская епархия. 2018. URL: <https://harlamp.ru/2018/03/23/istoki-irkutskoj-ikonopisi/> (дата обращения: 21.02.2022).

²⁸⁶ Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. 351 с.

²⁸⁷ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 37.

²⁸⁸ Несмелов А. Понужай // Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 132–134. В 1935 г. вариант этого стихотворения был опубликован в газете «Рупор» под названием «Дед Понужай» и датой «6 декабря 1934 г.» // Рупор. 1935. 1 января. С. 6.

его чертах белопоходники видели «заступника за народ и Землю Русскую, Святителя Николая Чудотворца»²⁸⁹.

О связи образа Николая с таежными пространствами, суровыми условиями Маньчжурии и распространении его благодати не только на русские, но и на иноплеменные народы косвенно указывает былевой фабулат: *«Один русский охотник забрел далеко, далеко в тайгу или в степь, и там попал на китайский хутор, где искал отдыха. Приветливые хозяева его приняли, он увидел у них над дверью старенький образок святителя Николая и думает: “Что эти язычники могут с ним сделать, зачем он им нужен?”. И хотел у них взять. Хозяин обиделся, говорит: «Как ты хочешь взять у нас этого Старика, он такой добрый, он так хорошо помогает. Мы ни за что не отдадим!»*²⁹⁰.

В период расцвета Харбина 1920–1930-х гг. особенной популярностью среди его жителей пользовалась апокрифическая легенда-фабулат о спасении тонущего китайца-лодочника, о чем свидетельствуют архивные и полевые материалы²⁹¹. В одной из проповедей святителя Филарета своей харбинской пастве было рассказано о другом бедолаге-китайце, чуть не утонувшем в весенний ледоход: *«И уже захлебываясь, погибая, он вспомнил об этом чудотворном образе, который почитали не только русские православные, а и его соотечественники-язычники. И вот он, утопая, отчаянно завопил: “Старик с вокзала, помоги!”»* И потерял сознание, совсем погружаясь в воду – уже гибнет... И неожиданно оказался на берегу реки мокрый, но живой и невредимый! Вот он бросился бегом, а вокзал был далеко, вбежал туда и перед образом благодарил

²⁸⁹ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 180.

²⁹⁰ Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди // Азбука веры. 1982. URL: https://azбука.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/propovedi/6_15 (дата обращения: 14.02.2022). Митрополит Филарет (в миру Георгий Николаевич Вознесенский; 1903, Курск – 1985, Нью-Йорк), епископ Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); с 27 мая 1964 года третий первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Нью-Йоркский и Восточноамериканский. С 1931 по 1947 гг. служил в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» при «Доме милосердия» Камчатского подворья в Харбине. В 1933 г. возведён в сан игумена, в 1937 г. – во архимандрита. В 1944 г. назначен настоятелем Иверского храма на Пристани, сменив на этой должности своего отца.

²⁹¹ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 12–13.

великого святителя за это совершенно явное и потрясающее чудо его милости и любви»²⁹².

В собранных нами полевых материалах данный сюжет передается респондентами в индивидуальной манере, с разной степенью детализации – в зависимости от уровня эмоциональности, образованности, словоохотливости: *«Ну первая <легенда>, Вы же знаете... Первая легенда, когда тонул китаец и кричал: “Старика Никола, помогай-ла!”. То есть была такая страшная буря на Сунгари. А бури случались, знаете, каким образом? Вот ясный день и вроде все хорошо. Вдруг набегают какая-то туча, начинается ветер. И Сунгари была очень коварной рекой, там очень много водоворотов было, там было всевозможных таких моментов, когда люди тонули. И вот этот китаец, о котором уже легенды эти переросли и остались. И до сих пор люди вспоминают, как он кричал: “Старика Никола, помогай-ла!”. И говорит, как китаец рассказывал, так он говорит, как какая-то сила схватила его за шиворот и выбросила на берег. Прямо вот с силой выбросила на берег. И вот он когда вышел, он побежал на вокзал, и он там, как рассказывают очевидцы, упал на колени и плакал»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Данный легендарный фабулат стал широко известен не только в Харбине, но и по всей линии КВЖД: *«Еще эти <китайцы> говорят: «Харбин, старик вокзала, спасай!» Китаец один на дачу переправлял <ся>, потонул, перевернулся, но чудесный Старик его спас. И он сходил, этот китаец, свечки ставил. Молился Николаю-Угоднику»* (Зап. от Варфоломея Семёнович Калугин, 1932 г.р. (урож. станции Эхо, КНР), г. Сидней (Австралия); 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Однако, как следует из воспоминаний харбинцев, образ Николая Угодника в восприятии китайского населения также не был строго локализован вокзальным киотом и образом Старика Вокзала – в «Лама-Тай» (так они именовали Свято-

²⁹² Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди // Азбука веры. 1982. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/propovedi/6_15 (дата обращения: 14.02.2022).

Николаевский Собор) он был «Старика Собора». Китайцы «...в самые тяжкие дни народного горя являлись в наши храмы со своими священниками, чтобы вымолить дождя в засуху и прекращения его – в наводнение»²⁹³. Имя «Николай» было у них необыкновенно популярно, с ним многие принимали крещение²⁹⁴.

Как известно, Николай Угодник – любимый «детский» святой, не случайно его образ так прочно вошел в праздничную святочно-рождественскую мифологию. В Маньчжурии его благости хватало не только маленьким русским харбинцам, но и китайчатам. Об этом – апокрифическая легенда-фабулат, распространившаяся далеко за пределы дальневосточного беженства: *«Однако в том, 1935-ом, году произошло нечто, привлечшее к иконе еще большее внимание всего Харбина. Там за городом, возле реки Сунгари, есть гора. Власти собрались на этом месте что-то строить, и гору нужно было копать. Копали долго и много. Однажды китайские дети играли под этой горой, уже сильно подкопанной. Да гора уже была подрыта настолько, что ее верхняя часть нависала, как некая, можно сказать, крыша. И вот как раз под этой крышей китайские дети играли, когда вдруг явился некий белобородый старик и велел сейчас же убежать оттуда. Дети беспрекословно послушались старика, испугавшись его появления больше, нежели чего бы то ни было иного. И как только дети убежали, гора обвалилась со страшным грохотом. Останься там, дети бы все погибли. А увидев обвал горы, дети рассказали, что там погиб такой-то дедушка. Рабочие провели раскопки, но старика не нашли. Но кто-то из тех детей после случившегося оказался на вокзале и, когда увидел икону святителя Николая, закричал: “Вот он, тот старик, который нам явился и прогнал нас из-под горы!”»* (Владыка Димитрий²⁹⁵)²⁹⁶.

²⁹³ Дземешкевич (Хлюстова) Л.К. Харбинцы. Рукопись книги // Архив фонда Дома русского зарубежья. Ф. 1. Р-277. Л. 121.

²⁹⁴ Там же. Л. 119.

²⁹⁵ Димитрий (в миру – Обухов Николай Авраамович) // Коростелев В.В., Караулов А.К. Православие в Маньчжурии (1898–1956). М., 2019. С. 620.

²⁹⁶ Сербский (Велимирович) Н. (святитель). Чудеса Божии. Мн., 2013. 208 с.; Николай Чудотворец. URL: <http://www.nikola-ygodnik.narod.ru/> (дата обращения: 14.02.2022).

Особенно тяжело как русским, так и китайцам, приходилось в дни японской оккупации – к этому времени относится апокрифическая (в других вариантах – профетическая) легенда о чудесном попутчике, явившемся русскому таксисту: «*И при японцах что-то творилось, боже мой! Сколько тоже было рассказов, я не знаю. То ли рассказы, то ли это действительно были ... <...> [рассказывает о бесчинствах японцев. – Ц.К.]*²⁹⁷. Был очень интересный рассказ о том, как один харбинец, русский [таксист. – Ц.К.], конечно, ночью говорит, поздно, что-то не было у него никакой выработки, была какая-то неудачная работа. К нему подсел старик. Ну и он, конечно, его не разглядел, только по голосу понял, что он старик, и он спросил: “Куда изволите?”. А он говорит: “Подвези меня к Собору”. И он его подвез к собору [Свято-Николаевскому – Ц.К.], открыл дверь, и старик исчез. Вот растаял на глазах, растаял, но он ему оставил мешочек с деньгами. Вот, пожалуйста, легенда – не легенда, кто знает? Наверно, это так было. Потому что, наверно, у него не было денег, было мало, а он за извоз ничего не заработал, и вот старик ему помог. Но он говорит, он растаял, он говорит, открыл дверь и растаял. Он ему открыл дверь, выставил его, потому что он понял, что он старый, ему трудно, и чтобы ему помочь... Он открыл дверь, тот вышел и исчез. Исчез. И когда он исчез, он <таксист> вернулся на сидение, а там лежали деньги в мешочке. И он подумал: “Ведь это был Николай!”

Это был Николай Чудотворец! Когда он ушел, уехал с этого места, он понял. Он понял!» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Огре, Латвия; 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]²⁹⁸.

Угодник спас «намоленный» православными жителями город и в сентябре 1945 г. Известно, что при освобождении советскими войсками Харбин

²⁹⁷ Забияко А.А., Зиненко Я.В. «По Забайкалью и Амуру» А.П. Фарафонтова как источник исследования народного православия на территории дальневосточного фронта начала XX века // Религиоведение. 2021. № 2. С. 28–43.

²⁹⁸ Старик с вокзала – прошу, помоги мне! Чудесное спасение молодого китайца Николаем Чудотворцем. 2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f9af61f7b1c8f262fc509ee/starik-s-vokzala--proshu-pomogi-mne-chudesnoe-spasenie-molodogo-kitaica-nikolaem-chudotvorcem-5fbfcb02210b317d1e469323> (дата обращения: 21.02.2022).

практически не пострадал²⁹⁹. Апокрифическую легенду о чудесном спасении города мы эксплицируем из проповеди «некоего настоятеля православной церкви на Кривой улице в Харбине»³⁰⁰, воспоминаний и устных историй простых харбинцев. Последний вариант фабулата более развернут, насыщен предысторией и эмоциональным отношением к сообщаемому рассказчицы: *«Рассказывали, что, когда бомбить решили Харбин, и они поднялись, летчики наши, поднялись в небо, был приказ бомбить Харбин. А мы ждали этого момента. Ждали, потому что началась война, и они же шли с Хингана. Японцы не знали. Японцы не ожидали никак этого всего, потому что с Хингана они никак их не ждали. Ну, а тут, так получилось и где-то в Тимусах [Цзямусы. – Ц.К.] был там наш уже отряд авиа, поднялись они в воздух по приказу. Была такая пелена в небе непроходимая, как говорится, нелётная, и они увидели этот образ Николая Чудотворца на небе увидели и решили: “Что за старик, какой-то старик...”. Понимаете? Потом они вернулись по приказу, потому что невозможно было. И так повторилось дважды. Дважды они поднимались, лётная погода, они поднимались, вдруг – погода нелётная, и опять старик в небе. Всё. Харбин не бомбили. Мы остались живы. Харбин был намолен. И когда эти лётчики... Когда они пришли в один из домов и увидели икону Николая Чудотворца, они его узнали и сказали: “А...это же тот старик, которого мы видели в небе, когда мы поднимались бомбить ваш Харбин”. Ну, знаете, вот такие были легенды. Не могу вам сказать, что было это на самом деле или это был, вернее это был или это сказка, но, во всяком случае, так было, так было»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Огре, Латвия; 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]³⁰¹.

²⁹⁹ Огарков Н.В. Харбино-Гиринская операция 1945 // Советская Военная Энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 358–359.

³⁰⁰ Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди / Филарет (Вознесенский) // Азбука веры. 1982. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/propovedi/6_15 (дата обращения: 14.02.2022).

³⁰¹ Старик с вокзала – прошу, помоги мне! Чудесное спасение молодого китайца Николаем Чудотворцем. 2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f9af61f7b1c8f262fc509ee/starik-s-vokzala--proshu-pomogi-mne-chudesnoe-spasenie-molodogo-kitaica-nikolaem-chudotvorcem-5fbfcb02210b317d1e469323> (дата обращения: 21.02.2022).

Образ «милующего и спасающего» Николая Чудотворца был привычен харбинцам. Но он же «иногда являлся грозным карателем, когда видел, что нужны какие-то строгие меры»³⁰². Жестоко был наказан святотатствующий у привокзального образа советский боец: *«Если Бог есть, Он может, пусть Он меня накажет!»* Поднялся по ступенькам к иконе, и от лампы закурил папироску, поворачивается, с улыбающейся физиономией к своим приятелям. Он был весь обвешан гранатами, и без всякой видимой причины, эти гранаты, внезапно, взорвались все – разнесли его буквально на мелкие кусочки, от него ничего не осталось, а никто другой, несмотря на силу взрыва, не пострадал. *Только он погиб»*³⁰³.

Несмотря на «интернационализм» благодати, посылаемой Николаем Угодником, этническое сознание русских харбинцев закономерно приписывало промыслительную направленность чудес споспешника добрых начинаний харбинцев их приверженности (терпимости) к православию, а стало быть – русскости. Такая убежденность сопровождается эсхатологическими приметами, связывающими в единую парадигматическую цепочку образы русских харбинцев–Николая Угодника–Свято-Николаевского Собора: *«Конечно, мы очень веровали в него, очень. Для нас это был святой, который охранял Харбин. Ведь недаром китайцы сказали – те китайцы, тех времен китайцы, сказали: “Ушли русские, и Николай Чудотворец отвернулся от нас”. Потому что наступила пора холода, голода, как говорится [речь идет о годах «культурной революции» и последующих тяжелых годах. – Ц.К.]. Страшно было. <...> И китайцы так и говорили: “Ушли русские, и Николай Чудотворец вместе с ними ушел из Харбинá”. Ну, уж когда спалили собор-то, ну они его не спалили, они [хунвейбины], конечно, его разобрали, тогда и совсем конец всему пришел <...>* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Огре, Латвия; 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

³⁰² Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди / Филарет (Вознесенский) // Азбука веры. 1982. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/propovedi/6_15 (дата обращения: 14.02.2022).

³⁰³ Там же.

День уничтожения Свято-Николаевского храма хунвейбинами в 1966 г., и Иверской часовни при нем, куда в 1947 г. был перемещен из здания железнодорожного вокзала образ Святителя Николая Мирликийского, сжигание икон и церковной утвари оставили трагический след в памяти очевидцев³⁰⁴. Боль утраты одновременно с неистребляемой верой в животворящую силу Николая Угодника формировала в сознании рассеянных по свету харбинцев новые легенды и подвигла на сложение текста пророческого содержания, включающего несколько сюжетно связанных между собой легенд.

Первая, уже упомянутая, этиологическая легенда обращена к истории появления харбинской святыни³⁰⁵. Вторая повествует о том, как накануне трагического события к Председателю Городского Совета Суну, призванному руководить уничтожением храма, является Николай Угодник и призывает китайца спрятать его икону³⁰⁶. Николай Чудотворец излечивает больную руку Председателя, парализованную уже 20 лет и признанную китайскими лекарями безнадежной. Терзаясь атеистическими сомнениями, безусловно верный воле партии, Сун все же принимает компромиссное решение: уничтожить Собор, но под благовидным предлогом передать икону Николая Угодника в Пекинский исторический музей.

Следующий легендарный (социально-утопический) сюжет повествует о том, как по окончании третьей мировой (атомной) войны *«человечество маленькими неуверенными шагами стало вступать на путь жизни, света и взаимной любви»*, отношения России и Китая налаживаются, в 2005 г. Правительство Китайской Народной республики решает передать икону Святителя Николая Мирликийского, хранящуюся в Историческом музее, Российскому правительству. И, наконец, четвертая легенда агиографического характера, в которой доживший до 130-летия создатель харбинской иконы

³⁰⁴ Разрушен Свято-Николаевский собор в Харбине (Письмо из Китая) // Русская жизнь. 1966. 20 окт.; Покропивина, С. О разрушении русских святынь в городе Харбине // Дружьям от друзей. 1994. № 41 (дек.). С. 36.

³⁰⁵ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. 88 с.

³⁰⁶ Там же. С. 53–54.

Николая Мирликийского Никита Иконник встречается со своим творением и одновременно – покровителем, и упокоенный, покидает этот мир со светлыми думами, как новый святой³⁰⁷.

К сожалению, в детальном отношении пророчеству, сформулированному в 1968 г., не суждено было еще сбыться. Однако поражает глубина прозрений автора, истово верующего в то, что Россия снова обретет свою государственность, Храм Христа Спасителя будет восстановлен (причем примерно в те же годы, что и примыслил автор), православие перестанет быть гонимым. Прагматика текста и его пафос столь убедительны, что современный читатель сразу не может осознать, что он держит перед собой издание 1968 г.

Годы «культурной революции», последующие социально-политические и этномиграционные процессы в Китае и на Северо-востоке, сложные советско-китайские отношения второй половины XX в. фактически стёрли из сознания харбинских китайцев представления о «Никола с вокзала». Мы с трудом находим респондентов-китайцев – коренных харбинцев, помнящих о жизни города до 1966 г., да и те рассказывают об этом неохотно. Тем интереснее один из меморатов о Свято-Николаевском Соборе, отражающий взгляды поколения тех самых хунвейбинов (вполне возможно, что девочкой наша информантка сама принимала участие в разрушении храма, которое продолжалось 3 дня): *«Как должен знать твой папа [обращается к собирательнице. – Ц.К.], когда он был ребенком, они взбирались на нашу улицу Чжуншань [китайское название Старой Вокзальной площади. – Ц.К.], <...> раньше оттуда было видно Собор, а от него спускались в железнодорожный вокзал. А теперь это подземная площадь Хунбо, а под (землей) – торговый центр, наверху похожий на стеклянный дом. Я забыла имя <этой церкви>. Да, Лама Тай... Каждое воскресенье много людей, русских, ходили в Лама Тай. <...> Много, много людей. Старые есть, молодые есть, женщины и мужчины, разные люди. <...> И видела, женщины надевали платки на голову, все плотно прикрыто. У этой самой большой церкви много людей выстраивалось, чтобы войти в церковь, люди внутри и снаружи. Но внутри чем*

³⁰⁷ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968. С. 64–86.

занимаются, мы не знаем. Потому что не были внутри. Думаю, можно <было зайти китайцам>, но никто не хотел, потому что китайцы не верят. В этой самой большой церкви, Лама Тай, <который> ты называла. Очень хорошая церковь, много дверей. <Мы> не заходили <в церковь>. Та церковь в три или четыре раза больше этой <Софийского храма>. Но ее ... убрали, убрали в культурную революцию. Убрали, и я взяла одну планку (букв.), <икону>. Потому, что все говорят, это <качество> хорошее, они <хунвейбины> много забрали домой, что-то делали, а я только одну взяла, как сувенир. Надо сказать, что качество их <русских> вещей очень хорошее. Масляная (лаковая) живопись густая и блестящая» (Зап. от Чжэн Маочжэнь 郑茂珍 Zheng Maozhen, 1943 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2020 г. Соб.: Цзюй Куньни, Чжан Кайжо) [ЦИДВЭ АмГУ].

Несмотря на то, что икона Святителя Николая Мирликийского и его образ из часовни были утрачены, а православные верующие долгое время были лишены возможности посещать храм, редкие оставшиеся в Харбине русские и метисированные жители через все испытания пронесли веру в то, что Николай Угодник им помогает. Любовь Николаевна Шитова, дочь русской женщины и китайца, человек тяжелой судьбы, признается в том, что имеет в домашнем алтаре образок Николая: «У меня в той комнате такая полочка, иконы у меня. Крёсна мне дала икону хорошу, потом брат привозил. Я редко здесь нахожусь, у меня эта комната сяс, можно сказать, кладовка, у меня там всё иконы. В воскресенье, если я не хожу в церковь, я часов в девять помолюсь и лампадку зажигаю, горит она у меня до двух, до трёх, потом боюсь забыть – тушу. Когда в церковь хожу, я не зажигаю» (Зап. от Любоми Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Наша респондентка твердо убеждена в присутствии Николая Чудотворца в своей праведной жизни, причем в самых разных его проявлениях, например – как спасителя от гонителей, о чем ее «рассказы о чудесах»: «Утром обязательно помолюсь, потом сажусь за еду. Мне Боженька всегда помогает, почему я верю и

ещё больше стала верить. Было несколько таких вопросов, который я испытала на себе. Меня, когда там держали в школе [речь идет о том, как Любовь Николаевну арестовали как пособницу империалистов, за то, что она говорила по-русски и работала учителем русского языка. – Ц.К.], а эти хуйвейбины молодые, они же тоже в этой свой же школе уч<ы>лись, мне племянник вещи приносил: мыло, там ещё кое-что мне приносил он. Один раз он пришёл и, когда выходил, встретил их, они кучей куда-то ходили, потом пришли и девочек спрашивали: кто, кому, что принёс. Они говорят, что мне принёс. Они пошушукались и говорят: "В следующий раз придёт ещё, мы его проучым". Я понимаю, что это значит. Я вечером в постели уже так молила Николая Угодника со слезами. И через несколько дней, когда племянник пришёл, этих бандитов не было. Потом забыли уже. Вот несколько таких у меня [историй]. Я очень сяс верю, особенно в Николая Угодника» (Зап. от Любви Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г. р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Николай Чудотворец не оставляет семью Любви в болезни: «Вот муж заболел, а у нас посуда была такая, что можно её долго держать – не остынет. Я говорю, надо эту кружку принести. Он [муж] говорит: "Не найдёшь, под кроватью, ты не достан<э>шь". Мне наклоняться с трудом. Я взяла кочэргу, подняла покрывало, у ножки стоит эта посуда. Сразу меня в слёзы: ну кто мог с таво угла [дальнего. – Ц.К.] под кроватью поставить сюда поближе?!

Вот перед операцией я тоже молилась, просила Николая Угодника, чтобы дал мне ещё походить. Сяс хожу плохо с палочкой, но всё-таки хожу. Я сяс верю: помолишься, попросишь и что-то получишь» (Зап. от Любви Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г. р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Святитель отводит харбинскую праведницу от лукавого: «Если веришь, не надо обманывать. Племянница из Австралии приехала. У ней серёжки: красивые, жемчуг, блестящие, хорошенькие. Она как-то перед зеркалом одевалась. Я говорю: "В следующий раз приедешь – мне привези [серёжки. – Ц.К.] такую

пару”. Она говорит: “Я эти тебе оставлю”. Она мне их оставила. Я их одела и пошла в церковь. Стою и думаю: “Мне надо ещё пару попросить, скажу, что одну потеряла”. Вот надеваю серёжки и сама думаю про это, надела и пошла в церковь, обратно вернулась, села перед зеркалом снимать, а у меня одна. Вот урок мне» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урожд. г. Харбин, КНР), г. Харбин, КНР; 2019 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Итак, в настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешел в разряд «исторической прозы». Дополняя литературный, мемуарный, публицистический тексты о харбинских святынях, этот фольклорный пласт органично вписывается в мифологизированную историософию «намоленного» Харбина. В его жанровом разнообразии совместились индивидуальное и «соборное» отношение к Николаю Чудотворцу – не случайно многие фабулаты стали частью проповедей и апокрифов. В чудотворных деяниях Угодника воплощены все функции, присущие святому, для харбинцев его благодать не имеет ни возрастных, ни этнических границ. Общерусский и региональный (сибирский), русский и китайский компоненты в почитании святого, отраженные в фольклорных жанрах мемората, легенды, были, былички, «случая из жизни», свидетельствуют о маргинализации и синкретизации религиозного сознания жителей дальневосточного фронта. Особый интерес представляют фольклорные тексты о Николае Чудотворце, возникшие после ухода русских из Харбина и характеризующиеся профетическим содержанием.

3.2 Сюжет о «харбинском дедушке»: китайская модель трансформации мемората в фабулат в «харбинском тексте» несказочной прозы

Несмотря на прагматизм китайского сознания и закрытость китайской культуры, нам удалось зафиксировать семейное воспоминание, возникшее на границе мемората и предания, обретающего в последствии черты легенды³⁰⁸. Мемораты являются важным источником пополнения фонда фольклорной прозы: в них происходит первоначальный отбор фактов реальной действительности, важных для носителей фольклора³⁰⁹. Такой отбор осуществляется уже в самом коммуникативном акте, в процессе устной передачи впечатлений участника или очевидца событий другому человеку. Моменту рассказа, в свою очередь, предшествует отбор информации в сознании говорящего – через эмоции, чувства. Из множества разнообразных жизненных впечатлений выбирается материал, который, по мнению информанта, заслуживает того, чтобы быть рассказанным: он произвел сильное впечатление на самого рассказчика; заключенная в нем информация может быть полезна и интересна слушателю; события прошлого находят свое созвучие в настоящем³¹⁰. В случае формирования устной прозы харбинцев – как оказывается, и в русском, и в китайском дискурсе – базовые характеристики сознания носителей народной культуры (фронтирность и мифологичность) способствуют продуцированию новых жанровых форм на основе устного рассказа как мемората. Анализ китайской модели такого рода жанровой трансформации представляется наиболее репрезентативной. Мы можем на ее примере наблюдать, как механизм создания устного «харбинского текста» работает в определенной модели.

³⁰⁸ Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51.

³⁰⁹ Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 2(293). Вып. 74. С. 89–92.

³¹⁰ Там же.

Впервые наш собеседник – ученый-антрополог г-н Т. (доцент Хэйлунцзянского университета), имеющий богатый опыт собирания устных рассказов в среде русских Трехречья³¹¹ – поведал русским собеседникам на конференции, посвященной истории русской эмиграции в Китае, в зале нашего музея «Русский Харбин: история, культура, литература» после экскурсии [Беседа с г-ном Т., 2019]³¹² – историю своей семьи сквозь призму семейного мемората-предания о «харбинском дедушке». Очевидно, в ситуации преобладания русского дискурса (русского языка самой экспозиции, экскурсии, конференциальных встреч) китайский исследователь почувствовал потребность осознать и запечатлеть свою личную – китайскую – причастность к замечательной истории своего города, обозначить китайскую часть его истории, пересекающуюся с русской. Данный устный рассказ возникает в процессе экскурсии спонтанно – как семейный меморат с элементами предания.

Коммуникативная ситуация рассказывания (финал экскурсии, завершение рабочего дня конференции) определила краткость излагаемого материала и его конспективность:

«Я хочу тоже рассказать харбинскую историю. Историю моей семьи. У меня был дедушка. Он тоже был харбинский человек. Еще старых времен. Старший (третий) дедушка, брат моей бабушки. Он работал у очень богатого русского купца. Еще в начале XX века.

Он был поваром. Очень хорошим поваром. И потому, когда русский купец решил уехать из Харбина (мне кажется, в Шанхай он уехал), то он оставил дедушке много-много денег. Дедушка стал богатым. Он купил себе хороший дом. И много помогал семье.

Когда он стал старым, он уже не помнил ничего. И не сказал своей дочери, моей тете, что у него есть деньги. Он просто лежал, болел, тете надо было

³¹¹ 唐戈. 中国俄罗斯族的族群认同及其变迁 // 延边大学学报 (社会科学版). 2015. № 48(01). 页. 92–98 [Тан Гэ. Этническая идентичность и изменения танго // Янбийский университетский журнал. Сер.: Социальные науки. 2015. № 48(01). С. 92–98].

³¹² Беседа с г-ном Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Благовещенск, Россия; 18 июня 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуйян) [ЦИДВЭ АмГУ].

много денег, чтобы его лечить. За ним ухаживать. А он, когда лежал, все время показывал на потолок, но не мог сказать ничего. И тетя ничего не понимала – что он показывает ей.

Когда он умер, то тетя стала наводить порядок, убирать дом. И она нечаянно ударила о выступ в потолке. На нее и помощницу посыпались деньги. Много-много денег. Это дедушка давно эти деньги спрятал в тряпку и положил в этот выступ из бумаги. Но, к сожалению, деньги уже ничего не стоили – это были старые деньги, наверное, еще времени русского царя Никола.

Такая история моего харбинского дедушки» (Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урожд. г. Харбин), г. Благовещенск, Россия; 18 июня 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Устный рассказ нашего информанта фиксирует «харбинскость» китайского персонажа нарратива, основными мотивами которого становятся знаковые для рассказчика моменты: 1) работа китайского повара у богатого русского купца и 2) утерянное семьей богатство дедушки-повара.

Как правило, китайские нарративы о русских харбинцах устойчиво строятся на социальном противопоставлении *богатства русских и бедности китайцев* – в противовес русскому харбинскому мифу об отсутствии сословных различий в Харбине. В этом, на наш взгляд, также проявляется мифологизация харбинских реалий – но уже с китайской стороны, объясняемая фактической социальной пропастью между русскими и китайцами первой половины XX в. Этот фрейм китайской интерпретации харбинской истории первой половины XX в. находит отражение и в литературных произведениях того периода³¹³, и в китайской историографии конца XX – начала XXI вв.

³¹³ 萧军. 八月的乡村 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 1. 北京, 2008. 页. 31–155 [Сяо Цзюнь. Деревня в августе // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. Пекин, 2008. С. 31–155]; 萧军. 第三代 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 2. 北京, 2008. 407 页. [Сяо Цзюнь. Третье поколение // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. Пекин, 2008b. 407 с.]; 萧军. 第三代 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 3. 北京, 2008. 435 页. [Сяо Цзюнь. Третье поколение // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 3. Пекин, 2008. 435 с.]; 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 194 页. [Сяо Хун. Сказание о Хулань. Чанчунь, 2019. 194 с.].

Сюжет об утерянном богатстве (кладе) отвечает базовым китайским установкам о счастье, даваемом богатством – здесь налицо глубинные универсалии китайского сознания. Потерявшие свое значение после 1945 г. царские деньги становятся стимулом для социального роста членов семьи, могущих рассчитывать только на собственные силы после 1949 г. В этом посыле – сопряжение архетипического и идеологического в устном рассказе, сочетающем элементы мемората и предания.

Второй раз сюжет о харбинском дедушке был поведен уже самому автору диссертации спустя 3 года в процессе интервью, в неформальной обстановке в Харбине, когда собеседники не были ограничены во времени³¹⁴. За время, прошедшее с момента записи первого нарратива, наш рассказчик имел возможность сообразовать события семейной истории с парадигмой новой социальной мифологии истории, принятой в качестве идеологемы на Северо-востоке в последние годы. Речь идет о концепции миграционного движения «Перехода в Гуаньдун», на основе которой в настоящее время написаны романы, создаются телесериалы и театральные постановки³¹⁵. Герои «Перехода в Гуаньдун» – ханьские мигранты, преодолевающие границы «живого палисада» – в современной мифологизации истории обретают черты пассионариев и героических натур. «Движение "Переход в Гуаньдун" образовало мощную миграционную волну на Северо-востоке. Она имела самый большой масштаб, самый длинный срок и самое большое количество мигрантов в китайской миграционной истории новой эпохи. В контекстном понимании процесса переселения, образа переселения, целеполагания переселения и т.д., эта миграционная волна стала образцом китайской миграционной истории новой

³¹⁴ Беседа с г-ном Т., 1963 г.р. (урожд. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 января 2022 г. Соб.: Цзюй Кунь) [ЦИДВЭ АмГУ].

³¹⁵ 王欣睿. 闯关东文学. 长春, 2016. 306 页. [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуаньдун». Чанчунь, 2016. 306 с.]; 杜兴. 民间绝唱: 王宝川下关东 // 看历史. 2008. № 2. 页. 29–30 [Ду Син. Народная песня «Ван Хуэйчуань, бегущий в Гуаньдун» // Взгляд на историю. 2008. № 2. С. 29–30]; 辛志凤. 闯关东精神是具有东北特色的民族精神 // 中国民族博览. 2020. № 4. 页. 103–104 [Синь Чжифен. Переход в Гуандун – национальный дух с северо-восточным национальным характером // Китайская национальная выставка. 2020. № 4. С. 103–104].

эпохи, оказала неоценимое и глубокое влияние на Китай, особенно на развитие и перемену социально-исторической культуры района Северо-востока»³¹⁶. Так, во втором варианте нарратива, «третий дедушка» рассказчика становится героем-пассионарием, пришедшим с определенной миссией в Гуаньдун (Маньчжурию) – чтобы начать разводить в этом диком крае овощи. Причем процесс миграции в Гуаньдун увязывается в сознании информанта с еще одним знаковым историческим событием – восстанием ихэтуаней, однако наш информант о нем предпочитает не распространяться – и диссертант также не углубляется в исторические подробности:

«Это был дядя моего деда, они перешли в Гуаньдун из уезда Шоугуан провинции Шаньдун из-за <событий> 1900 г.³¹⁷ ... Когда точно он пришел, мне не очень ясно, потому что я никогда не встречал этого человека. Мой отец скончался два года назад, рассказав, что, наша семья жила в провинции Шаньдун, выращивала овощи, а потом приехала сюда, чтобы тоже выращивать овощи» (Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 январь 2022 г. Соб.: Цзюй Куньни) [ЦИДВЭ АмГУ].

Следующим мотивом семейного предания становится уже русская реальность Харбина первой половины XX в., и снова – в современной версии китайской мифологии Харбина, где основным героем (следуя уже накопленному корпусу мемуаров, где Харбин именуется «счастливой Хорватией»)³¹⁸ выбран русский генерал-лейтенант Д.Л. Хорват (1858–1937). Его имя сегодня на слуху у образованной части китайских харбинцев, о нем снимаются фильмы и издаются книги:

«Он работал поваром у русского дворянина в Харбине, и поваром европейской кухни. Да, да, да, у этого русского эмигранта-дворянина, жил в

³¹⁶ 张妹. 闯关东精神的丰富内涵及价值支撑研究 // 中共济南市委党校学报. 2019. № 1. 页. 59–64 [Чжан Мэй. Исследования богатых коннотаций и ценностей «Перехода в Гуаньдун» // Журнал партийной школы Цзинаньского горкома КПК. 2019. №1. С. 59–64].

³¹⁷ 1900–1901 гг.

³¹⁸ 中东铁路 // 纪实台 央视网 (cctv.com) [КВЖД // Официальный сайт Центрального телевидения Китая. Канал документальных фильмов]. URL: <http://jishi.cntv.cn/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml> (дата обращения: 14.08.2022).

*Синьсянфане*³¹⁹, **подозреваю, что это Хорват.** <...> *Потому что если (в) Синьсянфане, тем более, дворянин, то это может быть только Хорват.*

Может, и другой <человек>, но велика вероятность, что именно этот (человек – Хорват)» (Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 январь 2022 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Обратим внимание: герой нарратива – «повар европейской кухни». Это – еще одна важная деталь китайской версии «харбинского текста». Не секрет, что гастрономия – важнейшая часть китайской ментальности. Очевидно, что за годы историографических перетурбаций (с 1949 г. до сегодняшнего дня) модель «русского Харбина» в китайском сознании была заменена на более политически-лояльную и маркетингово-привлекательную модель «международного Харбина», «европейского Харбина». Наш нарратор абсолютно органичен данной версии в своем словоупотреблении – но, с другой стороны, откуда могут быть достоверно известны сегодня гастрономические предпочтения генерала Хорвата?

Китайское сознание нашего информанта последовательно экстраполирует в фольклорный текст универсальные установки китайской модели мира. Китайский дедушка – как старший в семье, следуя культу сяо³²⁰, обязан содержать семью и преумножать ее благосостояние:

«Все наши деньги заработаны моим прадедом. В то время он и моя прабабушка были отделены друг от друга. Моя прабабушка была в моем родном доме, а мой родной дом был в уезде Биньсянь, который менее чем 60 км от Харбина. Они жили в двух разных местах. Мой третий прадедушка был патриархом, старейшиной всей семьи. Позже, когда мой третий прадедушка скончался, патриархом стала моя третья прабабушка (ведала домашними делами), и все заработанные деньги будут переданы моей третьей прабабушке»

³¹⁹ Синьсянфан – название района г. Харбина. В Харбине район Сянфан, Синьсянфан – новый Сянфан.

³²⁰ Сяо – почтительность к родителям -xiào – это распространенное слово на китайском языке. Это слово было впервые замечено в династии Шан. Его древняя форма выглядит как ребенок, чтобы помочь пожилым людям. Это означает поддержать, любить и уважать родителей.

(Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 январь 2022 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Далее мы наблюдаем реализацию жанровой модели предания, в котором сюжет строится вокруг легендарного предка: *«Третий прадедушка не оставил ни одной фотографии, но я думаю сам, он должен быть превосходным во всех аспектах. Я считаю, что не только внешность, но и коэффициент его умственного развития должен быть лучшим в семье по всем аспектам. В противном случае моя третья прабабушка не могла выйти за него замуж. Моя третья прабабушка из знатной семьи. Она последний начальник уезда нашего округа в династии Цин и двоюродная сестра Ван Даженя³²¹»*.

<...> Да, есть запись начальника уезда, все знают, что был такой человек Ван Дажень, двоюродный брат моей третьей прабабушки, так что, если бы он <троюродный прадедушка> был недостаточно хорош собой, я думаю, моя третья прабабушка не вышла бы за него замуж. Позже он ушел от русского дворянина и вернулся в родной дом».

Чудесный предмет, доставшийся от культурного героя-первопредка, выступает залогом успешности самого рассказчика и его собственной уникальности:

*«Ну, а прежде возвращения дедушки в родной дом русский дворянин подарил ему набор европейской посуды. Большая часть европейской посуды была сделана из фарфора, но потом это все сломала мама, то есть детей тогда было много, и вся посуда был сломана, а теперь осталась только **вилка**. <...> Да, **вилка у меня**».*

Далее в контаминированную сюжетику момората-предания-легенды вкрапляется сюжет о кладе, его мнимой профанации (действительно, это были уже избыточные деньги – семья уже все получила благодаря удачным вложениям дедушки-первопредка в семейную экономику) и действительной

³²¹ Дажень-大人 – dàrén: Обычные люди обращаются к чиновникам династии Цин своими местоимениями или собирательными именами, а также альтернативными названиями официальных титулов. Если человек имеет официальное положение, его можно назвать Дажень. Фамилия человека добавляется перед Дажень.

промыслительной роли: «Дедушка заработал много денег, то есть было две пачки, две большие пачки, мы тогда называли их Лао Маоцзы³²² Пяо³²³, они были выданы Китайско-Восточной железной дорогой. Это советские <деньги>, должна быть, валюта Советского Союза или царской России, которая в то время имела хождение в Северо-Восточном Китае, и тогда мой третий прадедушка планировал использовать деньги для покупки земли, потому что это традиционная линия поведения. Но потом он заболел. После того, как он заболел (болезнь в том, что он не мог говорить), тогда он всегда указывал на навес, но моя мать этого не понимала, и все в семье не понимали, и потом он умер. После смерти, после освобождения [речь идет, очевидно, о 1945 г., освобождении Северо-востока Китая от японцев. – Ц.К.], наверное. Это не заняло много времени, и вот накануне праздника Весны [то есть на следующий год, перед Китайским новым годом. – Ц.К.] мама Сао Пен (убрала навес).

<...> Он положил их (две пачки денег) в доме на северо-востоке, там смастерил что-то вроде навеса, вроде подвесного потолок, склеил из бумаги, на навесе можно положить что-нибудь, но тяжелое нельзя, тяжелым легко (раздавить).

Там, может быть, что-то было сделано из такой деревянной жерди, то есть положили бумагу и на нее (деревянные жерди), они (две пачки денег) были там, и моя мать случайно проткнула две пачки денег, и тогда она поняла, что происходит.

Но – эти деньги уже были аннулированы.

<Соб.: – Вы сохранили эти деньги?>

– Нет, нет, не сохранил. Позже моя мать думала, что это тоже – повезло, потому что тогда наша семья могла прослыть землевладельцами (помещиками).

<Соб.: – В «культурную революцию», да?>

³²² Лао Маоцзы-老毛子-Lǎo máozǐ: длинноволосые (прозвище русских в Харбине в 30–40-е годы XX в.).

³²³ Пяо-票 – piào: карточка, валюта в обращении в Харбине в 10–30-е годы XX в.

– Да, во время земельной реформы их могли бы классифицировать как помещиков, а после того, как они будут классифицированы как помещики, возможно, некоторые потомки не смогли бы дожить до конца «культурной революции», и могли столкнуться с различными неожиданными событиями.

<Соб.: – Точно, к счастью, не сохранили.>

– В общих чертах, вот это вся (история), так просто» (Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 январь 2022 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Финал нарратива – амбивалентный. Во-первых, рассказчик актуализирует китайскую мифологему о ханьских «первопредках», принесших цивилизацию на Северо-восток: *«Что еще там? То есть после того, как наша семья приехала из Шоугуана, провинция Шаньдун, мы сажали овощи, причем несезонные, я думаю, это должны были быть первые <поселенцы> в северной части Северо-Востока.*

Да, да. (В) Шаньдуне, я не знаю, мне кажется, что несезонных овощей не бывает. Я даже думаю, что наше семейство несезонных овощей первое в Китае. Потому что в то время не было пластика, а сейчас это называется пластиковой теплицей. В то время мы называли стеклянный погреб, и он был сделан из стекла, но стеклянный погреб из стекла должен быть в нашем уезде Биньсянь, наша семья единственная, потому что в уезде Биньсянь нет стекла, которое продается, и мой третий дедушка купил его в Харбине и прислал обратно.

Да, когда я был молодым, только у нашей семьи есть <такой погреб>, больше ни у кого не было, поэтому мы могли продавать овощи по хорошей цене, то есть мы могли поставить их на рынок на месяц вперед, так что это также связано с опытом моего третьего прадедушки» (Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 январь 2022 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Однако финальной точкой в рассказе становится все же феноменальная способность дедушки-ханьца, патриарха рода – не выращивать овощи, а говорить по-русски:

«Кроме того, я думаю, он должен был уметь говорить по-русски.

– Ой, он мог говорить по-русски!

– *Он должен был знать русский.*

– *Эх, да, да, да. Он же был поваром.*

– *В противном случае у него не было бы возможности служить в этой семье»* (Зап. от г-на Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин, КНР; 1 январь 2022 г. Соб.: Цзюй Куньи) [ЦИДВЭ АмГУ].

Таким образом, сюжет «о харбинском дедушке» из семейного мемората с элементами предания с течением времени обрастает легендарными подробностями. Устный рассказ превращается в многосюжетное легендарное повествование, в котором находят воплощение все присущие фронтирному мышлению китайских харбинцев мифологемы – от «Перехода в Гуаньдун» (преодоления границы от дикости – к цивилизации), героизации пассионариев-мигрантов до контаминации этой сюжетики с русскими мифологемами Харбина – причастности к семье Хорвата, владения русским языком, чудесного обретения богатства благодаря своему китайскому трудолюбию и умению готовить любые блюда. И самое главное – способности избежать несчастливой судьбы – благодаря тому, что прадед («харбинский дедудшка»), очевидно, вел праведный образ жизни.

Акценты в двух нарративах харбинца-китайца, обращенных к сюжету о «харбинском дедушке» абсолютно различны. Первый рассказ – без сомнения, интенционально возникает как меморат, но из семейного мемората переходит в предание. Второй устный рассказ из семейного мемората с элементами предания трансформируется в многомотивную легендарную историю этиологического содержания. Весьма характерно, что это происходит за счет контаминации архетипических сюжетов о предках – «культурных героях», обладающих неординарными способностями, энокультурных китайских мифологем, трактующих праведность (следование *сяо*, трудолюбие) и современных медийных мифологем (популярная ныне в Китае тема «Перехода в Гуаньдун» (闯关东) и одновременно – мифологическая фигура генерала Хорвата).

И в том, и другом случае акценты зависели от прагматической установки – того, какое впечатление хотел произвести на слушателей наш рассказчик – в «русском» случае он обратил внимание на то, какие добрые отношения сложились у его деда и русского хозяина, а также на то, что время русских в Харбине – кончилось; в «китайском» варианте – каким замечательным пассионарием был двоюродный дед, приехавший в Харбин из Шаньдуна, основавший в Маньчжурии выращивание овощей, выучивший русский язык благодаря своим неординарным способностям, приглянувшийся русскому «дворянину» Хорвату, ставший у него поваром и – сколотивший необыкновенное состояние, которого хватило на весь большой род.

Семантическое наполнение двух нарративов различается объемом содержания, формой субъектности (в первом случае – перед нами меморат, во втором – явный фабулат с отсылкой на то, что рассказчику поведал о легендарной личности «третьего дедушки» отец, который уже умер).

Данный сюжет, спонтанно возникший в корпусе собираемых устных рассказов, представляет собой китайский этнокультурный вариант продуцирования «харбинского текста» устной несказочной прозы. Его концептуальной основой также является фронтирность и мифологичность, но реализация протекает по законам китайской модели мифологизации истории с использованием этнически закрепленных матричных текстов (мифологии «Перехода в Гуаньдун», социального мифологизирования русского присутствия в Маньчжурии, а также мифологизации исторических личностей)³²⁴.

³²⁴ Подробнее см.: Забияко А.П. Мифологизирование истории // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 54–55; Забияко А.А. Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии. М., 2011. С. 247–265.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полевые исследования 2015–2022 гг. по сбору несказочной (исторической) прозы г. Харбина среди русских, китайских и метисированных его жителей первой половины XX в. позволяют сделать следующие выводы:

Несказочная (историческая) проза является полноправной, но специфической частью «харбинского текста» первой половины XX в. Она не только выполняет функцию «коммуникативного и культурного воскрешения прошлого»³²⁵, но и фиксирует специфику сознания русских и китайских жителей полиэтнического города, существующего почти полвека при консервативной роли русской культуры.

«Харбинский текст» несказочной исторической прозы возникает с момента строительства города – возможно, раньше литературного и даже публицистического. Однако его фиксация начинается, наоборот, достаточно поздно – после создания мемуарного и рецепции литературного текстов. Тем не менее, устные рассказы и предания харбинцев как часть «харбинского текста» первой половины XX в., в единстве их жанрово-тематического, русского и китайского наполнения открывают большой потенциал для исследователей в аксиологическом, историческом, лингвокультурном, эстетическом аспектах. Благодаря им повседневная история Харбина наполняется живым антропологическим содержанием, а фольклорное слово о Харбине выражает глубинное народное – русское и китайское – представление об этом уникальном городе.

Несмотря на общность жанрово-тематического комплекса фольклорных текстов русских харбинцев, они частично отличаются в эмоциональном плане по своим географическим, социальным и этническим характеристикам. Это обусловлено социально-экономическими и социально-политическими

³²⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 49.

обстоятельствами формирования эмигрантских сообществ в Австралии, СССР и странах Европы.

Фольклорный текст устной истории «русского» Харбина представлен многообразием жанров: семейные мемораты, были, легенды, бывальщины, предания. Многие из них испытали влияние исторической, литературной и мемуарной части «харбинского текста».

Доминантными точками сказочной (исторической) прозы харбинцев становятся семейные мемораты, устные рассказы о религиозной жизни, праздничной культуре харбинцев, образах взаимовосприятия русских и китайцев.

В жанровом пространстве сказочной городской прозы Харбина первой половины XX в. весьма нечетко обозначена граница «истинное / сакральное». Устные рассказы харбинцев о поре их детства и юности являются органичным продолжением их воспоминаний, уже основанных не на «мифологическом знании» семейных преданий, но связанных уже с личной мифологией.

Большую часть харбинских нарративов занимают устные рассказы-мемораты, обращенные непосредственно к истории города, повседневной жизни его жителей. Устные рассказы харбинцев, обращенные к духовной и религиозной жизни, зачастую переходят в жанровую форму предания, либо легенды, то есть представлены фабулатами.

Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в нарративах наших информантов нашли отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты народной православной религиозности и синкретизации религиозного сознания русских и китайцев в Харбине, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Дого, личные впечатления о харбинских православных священниках – духовных наставниках и настоящих подвижниках, жанры сказочной прозы о харбинских заступниках. Последние не только эксплицируют представления о «намоленности» города и его промыслительной роли в русской истории, обнажают народные основы

православной культуры Харбина, но и создают отдельный разножанровый фольклорный текст художественной этнографии Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.

В устных рассказах (мемораты и небольшая часть фабулатов) наших русских, китайских, метисированных респондентов обозначены основные темы, определяющие этнокультурные взаимоотношения в этом многонациональном городе: межэтнические браки, соседский быт, детская дружба русских и китайских ребят, совместное обучение русских и китайских детишек в садах и школах, взаимопомощь в годы японской оккупации. Чем более близким было взаимодействие двух этносов (соседство, совместный промысел) – тем теплее настроение меморатов и живее мотивы и сюжеты, дающие возможность меморату перейти в фабулат.

В настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешел в разряд «исторической прозы». Дополняя литературный, мемуарный, публицистический тексты о харбинских святынях, этот фольклорный пласт органично вписывается в мифологизированную историософию «намоленного» Харбина. В его жанровом разнообразии совместились индивидуальное и «соборное» отношение к Николаю Чудотворцу – не случайно многие фабулаты стали частью проповедей и апокрифов. В чудотворных деяниях Угодника воплощены все функции, присущие святому, для харбинцев его благодать не имеет ни возрастных, ни этнических границ. Общерусский и региональный (сибирский), русский и китайский компоненты в почитании святого, отраженные в фольклорных жанрах мемората, легенды, были, былички, «случая из жизни», свидетельствуют о маргинализации и синкретизации религиозного сознания жителей дальневосточного фронта.

Китайский «харбинский текст» устной истории создавался позднее, что обусловлено объективными обстоятельствами формирования китайского населения Харбина и социально-политическими процессами в Китае второй половины XX в. Он в основном представлен меморатами. В своем актуальном сюжетно-мотивном комплексе эти жанры в большей степени обращены к

воспоминаниям об этнических контактах русских и китайцев и проникнуты уважением к русской культуре Харбина первой половины XX в.

Концептуальной основой китайских устных рассказов также является фронтирность и мифологичность, но реализация протекает по законам китайской модели мифологизации истории с использованием этнически закреплённых матричных текстов (мифологии «Перехода в Гуаньдун», социального мифологизирования русского присутствия в Маньчжурии, а также мифологизации исторических личностей).

Однако собранный в полевых исследованиях корпус устных рассказов харбинцев значительно шире в сюжетно-тематическом отношении. За пределами нашего исследования остались нарративы, представляющие так называемый «постхарбинский текст», обращённый к жизни бывших харбинцев уже за пределами их города, посвящённый их размышлениям о Китае и России, пронизанный их раздумьями о русскости и китайскости, а также дифференцирующим характеристикам харбинцев, проживающих ныне в разных странах. Отдельного исследования заслуживает проблема личности сказителя и индивидуальных особенностей каждого носителя фольклорного текста. В будущем мы надеемся развить исследование данных научных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Самая русскость нашей русскости» : очерк // На изломе тысячелетий. Т. II : Избранные произведения прозаиков-юбиляров 2020 года. – Иркутск : Сибирская книга, 2020. – С. 623–649.
2. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.) / Н. Е. Аблова. – М. : НДИД «Русская панорама», – 2004. – 432 с.
3. Агеносов, В. В. «Что за штука такая Харбин: Европа и Азия?» / Агеносов В. В. // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2 : Литературоведческая россика / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2008. – С. 6–28.
4. Агеносов, В. В. Категории «свое / чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов / В. В. Агеносов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7 : Мост через Амур : сборник материалов международной научной конференции. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – С. 273–285.
5. Агеносов, В. В. Литературный Харбин / В. В. Агеносов // Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М. : Терра-Спорт. 1998. – С. 51–62.
6. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский. – М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1958. – 482 с.
7. Азадовский, М. Сказительство и книга / М. Азадовский // Язык и литература / Ред. Н. П. Андреева. – Л., 1932. – Т. VIII. – С. 5–28.
8. Аксенов, П. Русская фольклористика и память о войне / П. Аксенов // Сократ. Журнал современной философии. Война. Память. Победа. – 2010. – № 2. – С. 142–145.
9. Андерсен, Л. Ларисса вспоминает / Л. Андерсен // Новый журнал. – 1995. – № 200.

10. Андерсен, Л. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / Л. Андерсен ; сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой. – М. : Русский путь, 2006. – 472 с.
11. Анекдоты наших читателей. – М., 1994. – Вып. 1–5.
12. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа. 2001. – 725 с.
13. Аникин, В. П. Теория фольклора : курс лекций / В. П. Аникин. – М. : КДУ, 2004. – 428 с.
14. Аничков, Е. В. Микола угодник и св. Николай / Е. В. Аничков // Опыт литературной критики в области народных сказок и песен. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1892. – № 4. – 55 с.
15. Анохина, Л. А. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов / Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. – М. : Наука, 1977. – 359 с.
16. Анциферов, Н. Книга о городе / Н. Анциферов. – Л. : Брокгауз-Ефрон, – 1926. – 224 с.
17. Архангельский, А. Н. Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой / А. Н. Архангельский. – М. : АСТ, 2022. – 356 с.
18. Архитектурное наследие Русского зарубежья: вторая половина XIX – первая половина XX в. / Сост., отв. ред. С. С. Левашко. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 488 с.
19. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
20. Аурилене, Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50 гг.) : монография / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 268 с.
21. Аурилене, Е. Е. Российская эмиграция в Китае (1920–1950-е гг.) : автореф. дис. д-ра истор. наук : 07.00.02 / Аурилене Елена Евлампиевна. – Хабаровск, 2004. – 46 с.

22. Ачаир, А. Под золотым небом / А. Ачаир. – Харбин, 1943.
23. Байков, Н. А. В дебрях Маньчжурии : (главы из книги) / Н. А. Байков // Рубеж: Тихоокеанский альманах / Гл. ред. А. В. Колесов. – Владивосток : Рубеж, 2003. – Вып.4. – С. 243–252.
24. Бакич, О. Остров среди бушующего моря. История шанхайского литературного кружка «Пятница» / О. Бакич // Новый журнал. – 2005.– № 239. – С. 174– 200.
25. Балакшин, П. Финал в Китае / П. Балакшин // Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. – Сан-Франциско ; Нью-Йорк ; Париж : Изд-во «Сириус», 1958. – 352 с.
26. Балашова, А. Ф. Помощь святителя Николая в годы Великой Отечественной войны: основные фольклорные сюжеты / А. Ф. Балашова // Язык. Сознание. Коммуникация. – М. : ООО «Макс-пресс», 2014. – С. 62–69.
27. Бахтин, В. С. Фольклор и культурная среда Гулага: песни и стихи / В. С. Бахтин, Б. Н. Путилов. – СПб. : Края Москвы, 1994. – 209 с.
28. Белоусов, А. Ф. Городской фольклор / А. Ф. Белоусов. – Таллинн : Б. и., 1987. – 25 с.
29. Бралина, С. Ж. Жанровая природа современного устного рассказа / С. Ж. Бралина, Ю. В. Демьянова // Вестник Карагандинского университета. Сер. : Филология. – 2011. – № 2. – С. 97–102.
30. Бузуев, О. А. Творчество Валерия Перелешина / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во КНАГПУ, 2003. – 121 с.
31. Бузуев, О. А. Тематическая и жанровая специфика книги воспоминаний Валерия Перелешина «Два полустанка» / О. А. Бузуев // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 11–23.
32. Буюков, А. М. Русская эмиграция в Маньчжурии. Люди и судьбы / А. М. Буюков // Россияне в Азии. – 1998. – № 5. – С. 187–205.
33. Бычкова, Т. А. Культура традиционных обществ Китая и Японии /

Т. А. Бычкова. – Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2002. – 63 с.

34. Василевский, В. А. Харбинская эпопея / В. А. Василевский // Русская жизнь. – 1947. – 9 янв.

35. Василенко, Н. А. Население полосы отчуждения КВЖД: опыт межнациональных контактов (1897–1917) / Н. А. Василенко // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае : материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию г. Харбина и КВЖД. – М. : ИРИ РАН, 1998. – С. 14–16.

36. Веккессер, М. В. Живая история: меморат как источник знаний о человеке. Хрестоматия / М. В. Веккессер, Д. Д. Новиков, А. В. Зябкин, А. А. Тетерева, С. В. Седельникова. – Лесосибирск, 2020. – 100 с.

37. Великая, Н. И. Воскреснуть, вернуться в Россию. Проза русского зарубежья : учебное пособие / Н. И. Великая. – Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1996. – 65 с.

38. Веселова, И. С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы [Электронный ресурс] / И. С. Веселова // Фольклор и фольклористика. Современная научная парадигма и образовательные технологии. – СПб. : СПбГУ, 2003. – 1 эл. опт. диск (CD–ROM).

39. Веселовский, А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. VI–X / А. Н. Веселовский. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1883. – Вып. 4. – С. 293–353.

40. Вознесенский, А. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / А. Вознесенский, Ф. Гусев. – СПб. : Синодальная типография, 1899. – 724 с.

41. Волин, М. Гибель Молодой Чураевки (воспоминания) / М. Волин // Новый журнал. – 1997. – № 209. – С. 216–240.

42. Волин, М. Русские поэты в Китае / М. Волин // Континент. – 1982. – № 34. – С. 337–357.

43. Голованов, И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст / И. А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. : Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 2(293). – Вып. 74. – С. 89–92.
44. Гомбоева, М. И. Типы культурной идентичности малых этнических групп в условиях ассимиляции / М. И. Гомбоева, Н. Н. Замошникова, Д. Б. Сундуева // Учёные записки ЗабГУ. – 2014. – № 4(57). – С. 85–94.
45. Граматчикова, Н. Б. «У нас война началась в июне»: мемораты фольклорного архива УрФУ как свидетельства «народной истории» / Н. Б. Граматчикова // Седьмые Чупинские краеведческие чтения : материалы конф. – Екатеринбург, 2014. – С. 83–89.
46. Дацышен, В. Г. Христианство в Китае: история и современность / В. Г. Дацышен. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
47. Дземешкевич (Хлюстова), Л. К. Харбинцы. Рукопись книги / Л. К. Дземешкевич // Архив фонда Дома русского зарубежья. – Ф. 1. – 277 л.
48. Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова) / Доктор Финк // Заря. – Харбин, 1926. – 1 февр.
49. Долгополов, Л. К. Миф о Петербурге и его преобразование в начале века / Л. К. Долгополов // На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. – Л., 1985. – С. 150–194.
50. Дубинина, Н. И. Харбинский эксперимент культурного взаимодействия русских и китайцев / Н. И. Дубинина // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. – С. 177–181.
51. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 2 : Мифология. Религия / Ред. М. Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – 869 с.
52. Дябкин, И. А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья : дис. канд. филос. н. : 09.00.14 / Дябкин Игорь Анатольевич. – М., 2014. – 186 с.

53. Елистратов, В. С. Словарь московского арга: (Материалы 1980–1994 гг.) / В. С. Елистратов. – М. : АО «Русские словари», 1994. – 699 с.
54. Епископ, Нестор. Маньчжурия – Харбин / Епископ Нестор // Русская Атлантида. – 2005. – № 16. – С. 27–47.
55. Ермакова, Э. В. История российской эмиграции в дальневосточной историографии: (конец 90–х гг. XX – начало XXI вв.) / Э. В. Ермакова // Берега : информац.-аналит. сб. о русском зарубежье. – СПб. : ИКЦ «Русская эмиграция», 2007. – Вып. 7. – С. 35–37.
56. Ефимова, М. Вера сквозь века. История римско-католической церкви Дальнего Востока России / М. Ефимова. – Владивосток, 2007. – 244 с.
57. Жемчужная, З. Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин: воспоминания / З. Жемчужная. – Нью-Йорк, 1987. – 291 с.
58. Жилевич, (Мирошниченко), Т. В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах / Т. Жилевич. – Мельбурн, 2000. – 1005 с.
59. Забияко, А. А. «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) / А. А. Забияко // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 170–186.
60. Забияко, А. А. «Муза с узкими глазами» и русское «самотерзанье» (проблема этнокультурной самоидентификации эмигранта в харбинской литературе) / А. А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7 : Мост через Амур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2005. – С. 298–313.
61. Забияко, А. А. «По Забайкалью и Амуру» А. П. Фарафонтова как источник исследования народного православия на территории дальневосточного фронта начала XX века / А. А. Забияко, Я. В. Зиненко // Религиоведение. – 2021. – № 2. – С. 28–43.
62. Забияко, А. А. «Четверть века беженской судьбы...»: Художественный мир лирики русского Харбина / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2008 – 428 с.
63. Забияко, А. А. «Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем

истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан / А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Е. А. Конталева, О. Е. Цмыкал // *Emigrantologia Słowian*. – 2018. – Vol. 4. – С. 15–28.

64. Забияко, А. А. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли / А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Вып. 12 : *Русская эмиграция в Китае: опыт исхода* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2018. – С. 212–229.

65. Забияко, А. А. Вертиниада русского Китая (образ А. Вертинского в литературе восточного зарубежья) / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. – 2004. – № 4. – С. 37–54.

66. Забияко, А. А. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Чжан Жуян // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2020. – № 5. – С. 135–151.

67. Забияко, А. А. Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Забияко Анна Анатольевна. – М., 2007. – 37 с.

68. Забияко, А. А. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии : монография / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 352 с.

69. Забияко, А. А. Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции / А. А. Забияко // *От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии*. – М. : Русский путь, 2011. – С. 247–264.

70. Забияко, А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А. А. Забияко. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 447 с.

71. Забияко, А. А. Неубываемая память. Образ восприятия японцев в семейных меморатах русских Трехречья о событиях японской оккупации / А. А. Забияко, Чжан Жуян // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Вып. 13 : *Народы и культуры Северо-Восточного Китая* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. – С. 271–279.

72. Забияко, А. А. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX в. / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4. – С. 67–86.
73. Забияко, А. А. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе и публицистике 1920–1940 гг. / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // *Emigrantologia Słowian*. – 2016. – Vol. 2. – S. 19–32.
74. Забияко, А. А. Особенности художественного восприятия мифологии Китая русскими писателями-эмигрантами / А. А. Забияко // Материалы III Международного Форума регионального сотрудничества и развития в США (Харбин, КНР, 14–16 мая 2010). – Харбин, 2010. – С. 46–54.
75. Забияко, А. А. Проблема этнокультурного синтеза в литературе русского Харбина / А. А. Забияко // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии : материалы международного симпозиума. – Хабаровск, 2005. – Т. 2. – С. 123–125.
76. Забияко, А. А. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н. Н. Лалетиной) / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // *Религиоведение*. – 2021. – № 4. – С. 78–94.
77. Забияко, А. А. Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал // *Религиоведение*. – 2018. – № 4. – С. 131–144.
78. Забияко, А. А. Ремифологизация в художественном сознании эмигранта-харбинца / А. А. Забияко // *Религиоведение*. – 2006. – № 3. – С. 161–179.
79. Забияко, А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта : монография / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Лешко, А. А. Хисамудинов. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – 462 с.
80. Забияко, А. А. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности / А. А. Забияко,

Чжан Жуян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 206–214.

81. Забияко, А. А. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян // Россия и АТР. – 2016. – № 3. – С. 185–198.

82. Забияко, А. А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. / А. А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 186–196.

83. Забияко, А. А. Стереотипы мышления и ментальность дальневосточного фронта в художественном сознании писателей-эмигрантов (Н. А. Байков и П. В. Шкуркин) / А. А. Забияко, А. П. Забияко // Литература русской эмиграции / Под ред. З. Пехала. – Оломоуц : Университет Палацкого, Чехия, 2016. – С. 49–59.

84. Забияко, А. А. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 35–51.

85. Забияко, А. А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, К. А. Землянская // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 187–210.

86. Забияко, А. А. Устная история русских Трёхречья: мемораты vs рассказы по фотографиям / А. А. Забияко, Чжан Жуян // Исторический курьер. – 2020. – № 5 (13). – С. 83–97.

87. Забияко, А. А. Устные истории в изучении повседневной культуры и фольклора старого Харбина / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 9 : 125 лет начала строительства КВЖД. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – С. 68–85.

88. Забияко, А. А. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трехречья) / А. А. Забияко, А. П. Забияко // *Emigrantologia Słowian*. – 2015. – Vol. 1. – P. 3–25.

89. Забияко, А. А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина / А. А. Забияко // *Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8 : Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст : сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой*. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2021. – С. 7–51.

90. Забияко, А. А. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал // *Гуманитарный вектор*. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 45–55.

91. Забияко, А. А. Художественные пути этнокультурного самопознания русской эмиграции в Китае / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева // *Восток: история, политика, культура : научные труды Института бизнеса и политики*. – М. : ИБП, 2007. – Вып. 4. – С. 117–138.

92. Забияко, А. А. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 166–171.

93. Забияко, А. П. Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании / А. П. Забияко // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2003. – Вып. 5. – С. 224–228.

94. Забияко, А. П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / А. П. Забияко, А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева, И. В. Киричков, Е. А. Конталева, О. Е. Цмыкал, С. С. Лешошко, Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Я. В. Зиненко, К. А. Землянская, В. Н. Абеленцев ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – 186 с.

95. Забияко, А. П. Мифологизирование истории / А. П. Забияко // *Культурология. XX век : энциклопедия*. – СПб., 1998. – Т. 2. – С. 54–55.

96. Забияко, А. П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А. П. Забияко // *Забияко А. А. Русский Харбин: опыт*

жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, А. А. Забияко, С. С. Лешошко, А. А. Хисамутдинов. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 3–14.

97. Забияко, А. П. Народная религия / А. П. Забияко // Религиоведение: энцикл. словарь / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М. : Академический Проект, 2006. – С. 672–673.

98. Забияко, А. П. Народное православие русских Трёхречья / А. П. Забияко, А. А. Забияко, Я. В. Зиненко // Религиоведение. – 2016. – № 3(93). – С. 121–136.

99. Забияко, А. П. Порубежье / А. П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9 : Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – С. 5–10.

100. Забияко, А. П. Порубежье как данность человеческого бытия / А. П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.

101. Забияко, А. П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. / А. П. Забияко // Забияко А. П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – С. 9–35.

102. Забияко, А. П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур / А. П. Забияко // Исторический опыт освоения Дальнего Востока : материалы междунар. науч. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 19–28.

103. Забияко, А. П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 412 с.

104. Забияко, А. П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности : монография / А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Новосибирск : Изд-во Института Археологии, антропологии и этнографии РАН, 2017. – 350 с.

105. Забияко, А. П. Святое, священное, сакральное / А. П. Забияко //

Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М. : Академический Проект, 2006. – С. 962–963.

106. Забияко, А. П. Этнокультурный атлас Приамурья / А. П. Забияко, А. Е. Беляков, С. С. Гаврилов, Е. А. Конталева, К. И. Родионова ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2016. – 160 с.

107. Забияко, А. А. Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» несказочной прозы / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // Традиционная культура. – 2023. – № 1 (в печати).

108. Забияко, А. А. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности / А. А. Забияко, Чжан Жуян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – № 3. – С. 206–215.

109. Забияко, А. П. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трёхречья / А. П. Забияко, А. А. Забияко // Уральский исторический вестник – 2017. – № 1(54). – С. 65–74.

110. Забияко, А.А. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Т. 17. – С. 109–126.

111. Забияко, А. А. Круглый стол «Проблемы изучения, распространения, популяризации русского языка, русской литературы, культуры, истории, образования и науки в Китае» (Пекин, КНР) // Традиционная культура. – 2018. – № 4. – С. 164–170.

112. Забияко, А. А. Образы восприятия инокультуры в устной истории жителей Харбина первой половины XX в. / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов (Томск, 6–9 июля 2021 г.) / Отв. ред. И. В. Нам. – М. ; Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 213.

113. Забияко, А. А. Гендерные аспекты трансляции фольклора в русском Трёхречье (КНР) / А. А. Забияко, А. П. Забияко // Оломоуцкие Дни русистов : сб.

трудов междунар. конф. (г. Оломоуц, 7.-8 сент. 2017 г.). – Оломоуц : Оломоуцкий ун-т им. Ф. Палацкого, 2018. – С. 67–87.

114. Забияко, А. А. Народное православие русских Трёхречья / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко // Религиоведение. – 2016. – № 3. – С. 121–136.

115. Забияко, А. А. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян // Россия и АТР. – 2016. – № 3. – С. 185–198.

116. Землянская, К. А. «Старого Харбина уже нет, я не хочу память свою тербить»: образ современного Харбина в устных историях русских эмигрантов Австралии / К. А. Землянская, Цзюй Куньи // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов (Томск, 6–9 июля 2021 г.) / Отв. ред. И. В. Нам. – М. ; Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 213.

117. Зиненко, Я. В. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов / Я. В. Зиненко, Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 363–371.

118. Зиненко, Я. В. Как русский Харбин Крещение праздновал: заметки очевидцев / Я. В. Зиненко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научной-практической конференции, посвящённой 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 296–305.

119. Иванов, В. П. Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920–1945 гг.: формирование, деятельность, институцион. Основы : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Иванов Владимир Петрович. – М., 2003. – 24 с.

120. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990): Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания) / Отв. ред. Г. Н. Белова. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 96 с.

121. Интервью с Н.Н. Лалетиной (2018–2022) // Центр изучения дальневосточной эмиграции. – Режим доступа : https://emigrant.amursu.ru/fondy/?PAGEN_1=5. – 12.01.2023.

122. Ильина, Н. Дороги и судьбы / Предисл. В. Жобер, А. Латыниной. – М. : АСТ, 2011. – 768 с.

123. Ипатова, А. С. Православие на Дальнем Востоке: Историографический обзор / А. С. Ипатова // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 3. – С. 180–185.

124. Ипатова, А. С. Православие на Дальнем Востоке: Историографический обзор / А. С. Ипатова // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С. 146–156.

125. Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа ; пер. с фр. и вст. ст. С. Н. Зенкина. – М. : ОГИ, 2003. – 296 с.

126. Капинос, Е. В. «Любите Россию!» Русский Харбин в воспоминаниях Н. Николаевой / Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства: монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – СПб. : Алетейя, 2020. – С. 319–335.

127. Климов, В. Певец любви и радости (Альфред Петрович Хейдок) / В. Климов, Н. Деревнина // Мир Огненный. – 1998. – № 16. – С. 27–29.

128. Кляус, В. Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве / В. Л. Кляус // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М., 2018. – С. 246–289.

129. Кляус, В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии / В. Л. Кляус. – М. : ИМЛИ РАН, 2022. – 816 с.

130. Кляус, В. Л. «Русская» деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) / В. Л. Кляус // Новый исторический вестник. – 2010. – № 26(4). – С. 60–72.
131. Кляус, В. Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры / В. Л. Кляус. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 416 с.
132. Кляус, В. Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трёхречья, КНР) / В. Л. Кляус // Традиционная культура. – 2016. – № 3(63). – С. 88–99.
133. Кляус, В. Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве / В. Л. Кляус // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М. : РАН, 2018. – С. 246–289.
134. Кляус, В. Л. Крестовые горы в культурном пространстве Трёхречья (КНР) / В. Л. Кляус // Традиционная культура. – 2012. – № 3. – С. 102–107.
135. Кляус, В. Л. Об одном обычае традиционной русской свадьбы Большого Приаргунья / В. Л. Кляус // Традиционная культура. – 2015. – № 4. – С. 9–17.
136. Кляус, В. Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР) / В. Л. Кляус // Традиционная культура. – 2011. – № 2. – С. 32–42.
137. Кляус, В. Л. Русский фольклор в Трёхречье (КНР) / В. Л. Кляус // Сибирские чтения в РГГУ : альманах. – М. : Изд-во РГГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 5–21.
138. Кляус, В. Л. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье / В. Л. Кляус, А. А. Острогская // Традиционная культура. – 2014. – № 4. – С. 41–50.
139. Кляус, В. Л. Христианские сектанты в рассказах русско-китайских метисов Трёхречья (КНР) / В. Л. Кляус // Традиционная культура. – 2014. – № 1. – С. 88–96.
140. Кляус, В. Л. Церкви Трёхречья / В. Л. Кляус // Традиционная культура. – 2014. – № 4. – С. 25–44.

141. Ковалевский, П. Е. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энциклопедический биографический словарь / П. Е. Ковалевский. – М. : РОСПЭН, 1997. – 748 с.
142. Козлова, Н. Н. Советские люди: сцены из истории / Н. Н. Козлова. – М. : Европа, 2005. – 544 с.
143. Комарова, М. К. История Благовещенской церкви в Харбине / М. К. Комарова. – Харбин, 1942. – 199 с.
144. Коммунистическое иконоборчество // Восток. – Харбин, 1925. – № 147. – С. 3.
145. Конталева, Е. А. Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж») / Е. А. Конталева // Религиоведение. – 2018. – № 2. – С. 140–153.
146. Конталева, Е. А. Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н. А. Байкова и П. В. Шкуркина) / Е. А. Конталева // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 45–54.
147. Конталева, Е. А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей / Е. А. Конталева // Антропология религии. – 2017. – № 4. – С. 62–78.
148. Конталева, Е. А. Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма / Е. А. Конталева // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 43–66.
149. Коростелев, В. В. Православие в Маньчжурии (1898–1956) / В. В. Коростелев, А. К. Караулов. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2019. – 888 с.
150. Кочубей, О. Е. Исход и возвращение... (Русская эмиграция в 20–40 годы) / О. Е. Кочубей, В. Ф. Печерица. – Владивосток, 1998. – 276 с.
151. Кравцов, Н. И. Славянский фольклор / Н. И. Кравцов. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – 351 с.
152. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. :

Лань, 1999. – 416 с.

153. Кравченко, Л. Харбин изначальный / Л. Кравченко// Харбин. Ветка русского дерева: проза, стихи. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1991. – 399 с.

154. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида / Н. П. Крадин. – Хабаровск : Изд-во Хворова А.Ю., 2001. – 354 с.

155. Крейд, В. Все звезды повидав чужие / В. Крейд // Русская поэзия Китая : антология / Сост. В. Крейд, О. Бакич. – М. : Время, 2001. – 720 с.

156. Криничная, Н. А. Русская мифология. Властители мироздания (былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями) / Н. А. Криничная. – М. : Академический проект, 2018. – 318 с.

157. Крузенштерн-Петерец, Ю. «У каждого человека есть своя родина...»: Воспоминания / Ю. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. – 1994. – № 1. – С. 17–132.

158. Крузенштерн-Петерец, Ю. Воспоминания / Ю. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. – 1997–2000. – № 4–7.

159. Крузенштерн-Петерец, Ю. Воспоминания / Ю. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. – 1998. – № 5. – С. 25–83.

160. Крузенштерн-Петерец, Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) / П. Ю. Крузенштерн // Возрождение. – 1968. – № 204. – С. 45–70.

161. Крыжанская, К. А. Теософские искания в харбинской культуре / К. А. Крыжанская // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3 : Литературоведческая россика / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – С. 42–47.

162. Крючкова, Т. Истоки иркутской иконописи [Электронный ресурс] / Т. Крючкова // Михаило-Архангельский Харлампиевский храм. Русская Православная Церковь. Иркутская епархия. – 2018. – Режим доступа : <https://harlamp.ru/2018/03/23/istoki-irkutskoj-ikonopisi/>. – 21.02.2022.

163. Кряжева, А. Л. Стилистика русского языка и культура речи / А. Л. Кряжева. – М. : Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 2014. – 160 с.

164. Кузнецова, В. С. Николай Чудотворец поруккой: фольклорные и книжные версии сюжета / В. С. Кузнецова // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – № 19(1). – С. 7–38.

165. Лазарева, С. И. Вклад восточной ветви российской эмиграции в сохранение отечественной культуры (20–30-е гг. 20 века) / С. И. Лазарева, А. Н. Шпилёва // Ойкумена. – 2009. – № 2. – С. 110–115.

166. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие / С. Г. Лазутин. – Л. : Наука, 1981. – 227 с.

167. Лалетина (Николаева) Н. Н. Жили... были... харбинцы. Воспоминания / Н. Н. Лалетина (Николаева). – Рига : Б.и., 2021. – 395 с.

168. Лалетина (Николаева), Н.Н. И снова мой Харбин: К 120-летию города / Н. Н. Лалетина (Николаева). – Рига : Б.и. – 2018. – 66 с.

169. Лалетина (Николаева), Н.Н. Как живёшь, мой Харбин, ни хао! / Н. Н. Лалетина (Николаева). – Рига : Б.и.– 2017. – 72 с.

170. Лалетина, Н. Н. Японцы / Н. Н. Лалетина. – Огре : Б. и., 2016. – 352 с.

171. Лапин, А. В. Отношение к животным в религиях Китая / А. В. Лапин, М. М. Котлярова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, – 2015. – С. 146–151.

172. Лешошко, С. С. Архитектор Иосиф Владимирович Падлевский и кафедральный Свято Николаевский собор в Харбине / С. С. Лешошко // Политехник. – Сидней, 2004. – Вып. 16. – С. 140–143.

173. Лешошко, С. С. Православный храм в дальневосточном русском зарубежье: архитектурно-художественная традиция и историческое время (первая половина XX в.) / С. С. Лешошко // Религиоведение. – 2003. – № 4. – С. 136–147.

174. Лешошко, С. С. Россия на Дальнем Востоке: символы градостроительной политики и православные храмы в русском стиле (вторая

половина XIX – первая треть XX веков) / С. С. Лешоко // Христианское зодчество. Материалы и исследования / Отв. Ред. И. А. Бондаренко. – М. : Едиториал УРСС, – 2004. – С. 664–702.

175. Лешоко, С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века / С. С. Лешоко. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 176 с.

176. Лешоко, С. С. Русское религиозное искусство конца XIX – начала XX века и православные храмы в Русском Зарубежье на Дальнем Востоке в первой трети XX века. К постановке проблемы / С. С. Лешоко // Христианство на Дальнем Востоке: история и современность : материалы научной конференции (г. Уссурийск, 19 апреля 2001 г.). – Уссурийск, 2001. – С. 10–31.

177. Ли, Иннань. Русская литература и ценностные ориентации китайской интеллигенции / Ли Иннань // Русская литература XIX–XXI веков: метаморфозы смысла : Юбилейный сборник научных трудов, посвященный Н. И. Якушину и В. В. Агеносову / Под ред. Л. Г. Кихней. – М. : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2017. – С. 230–237.

178. Ли, Иннань. Русские и китайцы: Образ «другого» / Ли Иннань // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9 : Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – С. 140–147.

179. Линник, Ю. Сольвейг. Наброски к портрету Лариссы Андерсен / Ю. Линник // Грани. – 1995. – № 177. – С. 149–167.

180. Линч, К. Образ города / К. Линч. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с.

181. Липатова, А. П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты / А. П. Липатова // Труды «Русской антропологической школы». – 2008. – № 5. – С. 112–125.

182. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энц., 1987. – 751 с.

183. Личное дело Труфанова Н. И. // Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 830. – Оп. 3. – Д. 48214.
184. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
185. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
186. Лотман, Ю. М. Культура и язык. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб., 2000. – 703 с.
187. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры: Петербург. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. – Вып. 664. – С. 30–45.
188. Лукьянов, А. Е. Лаоцзы (философия раннего даосизма) / А. Е. Лукьянов. – М. : Изд-во УДН, 1991. – 164 с.
189. Люсый, А. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры / А. Люсый. – М. : Издательский дом «Вече» ; ООО «Русский импульс», 2013. – 320 с.
190. Лян, Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.) / Лян Чжэ. – М. : РУДН, 2016. – 248 с.
191. Мажарина, Ю.Н. Мемуары как вид публицистического творчество / Ю. Н. Мажарина // Вестник ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 199–206.
192. Мазалова, Н. Е. Семья русинов: биографические мемораты / Н. Е. Мазалова // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Под ред. Е. Г. Федоровой. – СПб. : МАЭ РАН, 2013. – Вып. 13. – С. 174–190.
193. Малиновский, Б. Миф в примитивной психологии / Б. Малиновский // Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998. – С. 40–94.
194. Мандель, Б. Р. Теория литературы / Б. Р. Мандель. – М. : Директ-Медиа, 2014 – 650 с.

195. Манн, В. В. Москва в творческом самосознании Гоголя (Штрихи к теме) / В. В. Манн // Москва и «московский текст» русской культуры : сб. ст. / Отв. ред. Г. С. Кнабе. – М. : Изд-во РГГУ, 1998. – С. 63–81.
196. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учебное пособие / Н. Е. Меднис ; науч. ред. Т. И. Печерская. – Новосибирск : НГПУ, 2003. – 170 с.
197. Мелетинский, Е. М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П. А. Гринцер. – М. : Наследие, 1994. – С. 39–104.
198. Мелихов, Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х // Г. В. Мелихов. – М. : Русский путь, 2003. – 440 с.
199. Мелихов, Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. – М. : Наука, 1991. – 319 с.
200. Методологические основы устной истории историческая память. Составление вопросников и типы вопросов [Электронный ресурс] // <https://bookadom.ru/>. – Режим доступа: <https://bookadom.ru/metodologicheskie-osnovy-ustnoi-istorii-istoricheskaya-pamyat/>. – 27.05.2022.
201. Митрополит, Нестор (Анисимов). Очерки Дальнего Востока / Нестор Митрополит. – М. : Изд-во «Крутицкое Подворье», 2006. – 96 с.
202. Митрополит, Нестор (Анисимов). Харбин – Маньчжурия / Митрополит Нестор. – Белград, – 1933.
203. Мокринская, Н. Моя жизнь. Детство в Сибири, юность в Харбине 1914–1932 годы / Н. Мокринская. – Тенафли : Hermitage Publishers, 1995. – 239 с.
204. Морозова, Г. Русские в Китае: второе поколение харбинцев / Г. Морозова // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 5. – С. 141–144.
205. Морохин, В. Н. Прозаические жанры русского фольклора : хрестоматия // В. Н. Морохин. – М. : Высшая школа, 1983. – 303 с.
206. Мустафин, М. Секреты и шпионы – Харбинские файлы / М. Мустафин // Случайный дом Австралии Pty Ltd. – 2012. – 312 с.

207. Неклюдов, С. Ю. Современный городской фольклор / С. Ю. Неклюдов, Е. А. Костюхин. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2003. – 736 с.

208. Неклюдов, С. Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы / С. Ю. Неклюдов // Исследование по славянскому фольклору и народной культуре: Окленд (Калифорния) : Славянские блюда Беркли, 1997. – С. 77–89.

209. Неклюдов, С. Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой / С. Ю. Неклюдов // Мифология и повседневность : мат-лы науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–20 февр. 1998 г.). – СПб. : Изд-во РХГИ, 1998. – С. 288–292.

210. Неклюдов, С. Ю. Стереотипы действительности и повествовательные клише / С. Ю. Неклюдов // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы докладов. – М. : Академиздатцентр «Наука», 1995. – С. 77–80.

211. Несмелов, А. Касьян и Микола / А. Несмелов // Рубеж. – Харбин, 1938. – № 2. – 7 янв. – С. 4.

212. Несмелов, А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. – Владивосток : Рубеж, 2006. – 560 с.

213. Нестор, Е. Маньчжурия – Харбин / Е. Нестор. – Белград, 1933. – 46 с.

214. Никифорова, И. Д. Массовая литература – специфика и функции / И. Д. Никифорова // Массовая литература в странах Азии и Африки / Отв. ред. И. Д. Никифорова, А. Н. Сенкевич. – М. : Наука, 1985. – С. 9–13.

215. Николаев, Ю. Т. Никита Иконник / Ю. Т. Николаев. – Сан-Франциско : Б.и., 1968. – 88 с.

216. Николай Чудотворец [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nikola-ygodnik.narod.ru/>. –11.10.2021.

217. Обертас, В. А. Памятники истории и культуры города Владивостока: материалы к своду / В. А. Обертас, В. К. Моор, Е. А. Ерышева. – Владивосток : Изд. Светлана Кунгурова, 2012. – 250 с.

218. Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири : по материалам фольклор. экспедиций 1980–2005 гг. // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. И. Дулова и его ученика проф. В. Г. Тюкавкина : в 2 кн. Кн. 1. – Иркутск, 2005. – С. 15–21.

219. Огарков, Н. В. Харбино-Гиринская операция 1945 / Н. В. Огарков // Советская Военная Энциклопедия. – М. : Воениздат, 1980. – Т. 8. – С. 358–359.

220. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – М. : Мир и образование, 2009. – 1009 с.

221. Онегина, С. Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии / С. Онегина // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 8. – С. 141–146.

222. Падерин, Н. Церковь твою утверди: из воспоминаний о церковной жизни Харбина / Н. Падерин. – Сан-Паулу, 1967. – 37 с.

223. Пелевина, О. В. Православие в современном Китае: интерпретация китайских религиоведов / О. В. Пелевина // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 22–31.

224. Перелешин, В. Два полустанка / В. Перелешин. – Амстердам, 1987.

225. Петрик, В. В. Культура Китая / В. В. Петрик. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 156 с.

226. Петров, В. П. Город на Сунгари / В. П. Петров. – Вашингтон : Изд-во «Русско-Американское историческое общество», 1984. – 289 с.

227. Печатные издания харбинской россики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 128 с.

228. Печерица, В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае / В. Ф. Печерица. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 276 с.

229. Письмо Н.Н. Лалетиной А.А. Забияко и Цзюй Куньи после публикации ее устных рассказов в Альманахе «Традиционная культура» от 22.01.2020 г. // Личный архив А.А. Забияко.

230. Покропивина, С. О разрушении русских святынь в городе Харбине / С. Покроповина // Друзьям от друзей. – 1994. – № 41. – С. 36.
231. Полански, П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета / Предисл., пер. с англ. и науч. ред. А. А. Хисамутдинова. – М. : Пашков Дом, 2002. – 204 с.
232. Полещук, Л. З. «Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В.Н. Топорова / Л. З. Полещук // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 1. – С. 98–101.
233. Потанина, Н. Л. Городской текст как теоретическая проблема / Н. Л. Потанина, М. А. Гололобов // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1(7). – С. 32–37.
234. Православие в Китае / Под ред. М. Л. Титаренко. – М. : Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. – 256 с.
235. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 351 с.
236. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп. – М. : Наука, 1976. – 327 с.
237. Пропп, В. Я. Жанровый состав русского фольклора / В. Я. Пропп // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М. : Наука, – 1976. – С. 46–82.
238. Прядильникова, Н. В. Практическая и функциональная стилистика русского языка : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2 / Н. В. Прядильникова. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2016. – 164 с.
239. Путилов, Б. Н. Типология фольклорного историзма / Б. Н. Путилов // Типология народного эпоса. – М. : Наука, 1975. – С. 164–181.
240. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб. : Наука, 1994. – 464 с.
241. Пушкарева, Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н. Л. Пушкарева // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 53–65.

242. Разрушен Свято-Николаевский собор в Харбине (Письмо из Китая) // Русская жизнь. – 1966. – 20 окт.
243. Разумова, И. А. Время в семейном историческом нарративе / И. А. Разумова // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/folklore/razumova6.htm>. – 19.08.2022.
244. Разумова, И. А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. – М. : Индрик, 2001. – 376 с.
245. Ракунов, В. А. Белоэмигранты в Харбине (1920-е годы) / В. А. Ракунов // Управление мегаполисом. – 2011. – № 6. – С. 127–131.
246. Рачинская, Е. Н. Калейдоскоп жизни: воспоминания / Е. Н. Рачинская. – Париж : YMCA-Press, 1990. – 429 с.
247. Рачинская, Е. Н. Перелетные птицы. Посвящается Харбину и харбинцам / Е. Н. Рачинская. – Сан-Франциско, 1982. – 259 с.
248. Резникова, Н. В русском Харбине / Н. Резникова // Новый журнал. – 1988. – № 172–173. – С. 385–394.
249. Резянова, З. И. Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города / З. И. Резянова // Вестник Томского Государственного университета. – 2012. – № 3(7). – С. 19–26.
250. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журналов и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917– 1991 гг. : в 4 т. Т. 1 / Науч. ред. А. Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О. В. Будницкий. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 672 с.
251. Ростовский, Д. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней / Д. Ростовский. – М. : Книжное дело, 2003. – Т. 7. – 750 с.
252. Руденко, В. Д. Ауфидер ку-ку! : повести и рассказы / В. Д. Руденко. – М. : Эксмо, 2017. – 317 с.
253. Руденко, В. Д. Надежда / В. Д. Руденко // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 8 : Художественная этнография Северной

Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2021. – С. 58–65.

254. Русская литература в эмиграции : сб. ст. / Под ред. Н. П. Полторацкого. – Питтсбург : Отд. славян. яз. и лит. Питтсбургского ун-та, 1972. – Т. VIII. – 409 с.

255. Русская охота на медведя в Восточной Сибири : по материалам народной прозы 1980–2010 гг. // Традиционная культура. – 2011. – № 1. – С. 86–98.

256. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1 : сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – 228 с.

257. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2 : Литературоведческая россика : сборник научных статей памяти В.А. Слободчикова / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2008. – 228 с.

258. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3 : сборник научных статей, посвященных 95-летию Ларисы Андерсен / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 176 с.

259. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Отв. ред. Н. И. Канищева. – М. : РОССПЭН, 1997. – 748 с.

260. Савченко, Т. К. «Дни русской культуры» в Русском зарубежье 1920–30-х годов / Т. К. Савченко // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 5. – С. 89–95.

261. Сапогова, Е. Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза / Е. Е. Сапогова // Индивидуальные и стилевые особенности личности / Отв. ред. Т. Ю. Синченко, В. Г. Ромек. – Ростов-на-Дону : ЮРГИ, 2002. – С. 177–190.

262. Селиванов, Ф. М. Народная лирическая поэзия последнего столетия / Ф. М. Селиванов // Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М. : Сов. Россия, 1990. – С. 5–28.

263. Селиванов, Ф. М. Русский фольклор : учеб. пособие / Ф. М. Селиванов. – М. : Б.и., 1975. – 88 с.
264. Сенина, Е. В. «Я скучаю по харбинской жизни»: социокультурные и этнокультурные процессы 1930–1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов / Е. В. Сенина // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – Вып. 7. – С. 11–17.
265. Сенина, Е. В. Образ «белоэмигрантов» в китайской литературе 20–40-х гг. XX в. / Е. В. Сенина // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – Вып. 7. – С. 46–58.
266. Сенина, Е. В. Образ русской женщины в китайской литературе 20–40-х годов XX века / Е. В. Сенина, А. А. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3(51). – С. 275–282.
267. Сенина, Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : дис. ... канд. филол. н : 10.01.01 / Сенина Екатерина Владимировна. – М., 2018. – 246 с.
268. Сербский (Велимирович) Н. (святитель). Чудеса Божии / Н. Сербский. – Мн. : Изд-во Дм. Харченко, 2013. – 208 с.
269. Серебренников, И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923 / И. И. Серебренников. – Харбин : Изд-во Зайцева, 1936. – 268 с.
270. Серебренников, И. И. Мои воспоминания : в 2 т. Т. 1 : В революции (1917–1919) / И. И. Серебренников. – Тяньцзин : Б.и., 1937. – 286 с.
271. Серебренников, И. И. Мои воспоминания : в 2 т. Т. 2 : В эмиграции (1920–1927) / И. И. Серебренников. – Тяньцзин : Б.и., 1940. – 260 с.
272. Сидорова, Е.А. К вопросу о статусе мемората в речежанровом аспекте / Е. А. Сидорова, А. Д. Нуруллаев // Проспект Свободный. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2015. – С. 46–49.

273. Слободчиков, В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай / В. А. Слободчиков. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с.
274. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири как форма сохранения традиционной вербальной культуры // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2005. – Вып. 4. – С. 169–192.
275. Софонова, О. Пути неведомые. Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916–1949 / О. Софонова. – Мюнхен, 1980. – 302 с.
276. Старик с вокзала – прошу, помоги мне! Чудесное спасение молодого китайца Николаем Чудотворцем [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/id/5f9af61f7b1c8f262fc509ee/starik-s-vokzala—proshu-pomogi-mne-chudesnoe-spasenieolodogo-kitaica-nikolaem-chudotvorcem-5fbfcb02210b317d1e469323>. – 11.10.2021.
277. Сумароков, Е. Н. Харбинская епархия Впрошлом и настоящем / Е. Н. Сумароков // Хлебъ Небесный. – 1942. – № 5. – С. 28–37.
278. Таскина, Е. П. Неизвестный Харбин / Е. П. Таскина. – М. : Прометей, 1994. – 192 с.
279. Таскина, Е. П. Русские в Маньчжурии: страницы жизни. Очерки, воспоминания / Е. П. Таскина. – М. : Изд-во МБА, 2012. – 122 с.
280. Таскина, Е. П. Харбин. Ветка русского дерева / Е. П. Таскина. – Новосибирск, 1991. – 399 с.
281. Таскина, Е. П. Дорогами русского зарубежья: мемуары / Е. П. Таскина. – М. : Изд-во МБА, 2007. – 232 с.
282. Таскина, Е. П. Литературное наследие русского Харбина / Е. П. Таскина // Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи / Сост. Д. Г. Селькина, Е. П. Таскина. – Новосибирск, 1991. – 456 с.
283. Таскина, Е. П. Русский Харбин / Е. П. Таскина. – М. : МГУ, 1998. – 272 с.
284. Телия, В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В. Н. Телия, Е. О. Опарина // Культурология. – 2011. – № 1. – С. 145–148.

285. Тихонова, Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. : 10.01.10 / Тихонова Елена Леонардовна. – Улан-Удэ, 2018. – 61 с.
286. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XX века / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 1997. – С. 315–376.
287. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Изд. группа «Прогресс» ; «Культура», 1995. – 624 с.
288. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / А. Л. Топорков. – СПб. : Искусство-СПб., 2003. – 616 с.
289. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
290. Троицкая, С. Русский Харбин: воспоминания / С. Троицкая. – Брисбен : Б.и., 1995. – 65 с.
291. Троицкая, С. С. Харбинская епархия. Ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения Харбинско-маньчжурской епархии / С. С. Троицкая. – Брисбен : Изд-во Н. И. Дмитровского-Байкова, 2002. – 100 с.
292. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.
293. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 248 с.
294. Успенский, Б. А. Культ Николы на Руси в историко-культурном освещении (Специфика восприятия и трансформация исходного образа) / Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам / Отв. ред. Ю. М. Лотман. – Тарту, 1978. – Вып. 10. – С. 86–140.
295. Устрялов, Н. В. Иркутск-Харбин / Н. В. Устрялов // Новости жизни. – 1927. – Юбилейный номер.

296. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. – М. : Астрель ; АСТ, 2000. – 1424 с.
297. Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди / Филарет (Вознесенский) // Азбука веры. – 1982. – Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/propovedi/6_15. – 11.10.2021.
298. Фундерат, Т. Л. Святитель Николай – покровитель нашего города [Электронный ресурс] / Т. Л. Фундерат // Единение. – 29.06.2015. – Режим доступа : <https://www.unification.com.au/articles/2845/>. – 11.10.2021.
299. Хаиндрова, Л. Ю. В Харбине – городе детства // Хаиндрова Л. Ю. Сердце поэта. – Калуга : Изд-во «Полиграф-Информ», 2003. – С. 167–171.
300. Хаиндрова, Л. Ю. Сердце поэта / Л. Ю. Хаиндрова. – Калуга : Полиграф-Информ, 2003. – 412 с.
301. Хисамутдинов, А. А. Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец 19 – первая половина 20 веков) / А. А. Хисамутдинов // Известия Восточного Института. – 2012. – № 2(20). – С. 96–112.
302. Хисамутдинов, А. А. По странам рассеяния : монография / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360 с.
303. Хисамутдинов, А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : библиографический словарь / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 384 с.
304. Храм для узников // Рубеж. – Харбин, 1928. – № 13. – 15 апр. – С. 10.
305. Христофорова, О. Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.09 / Христофорова Ольга Борисовна. – М., 2010. – 46 с.
306. Центр изучения дальневосточной эмиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://emigrant.amursu.ru/>. – 20.09.2022.
307. Цзюй, Вэй Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат / Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, А. А. Забияко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : мат. 1 междунар. науч.-практ. конф. (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Под ред. А. М. Буякова,

С. Ю. Еремина, А. А. Забияко, И. К. Капран, М. Б. Сердюк. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 200–213.

308. Цзюй, Вэй. Наследие русской и китайской истории (итоги международной выставки «"Модерн": живая душа старого Харбина» г. Харбин, 2017.) / Цзюй Вэй, Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12 : Народы и этнические культуры / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. – С. 125–131.

309. Цзюй, Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куньи // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 120–135.

310. Цзюй, Куньи. Образ восприятия Китая и китайцев в меморатах русских эмигрантов / Цзюй Куньи // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы : материалы V международ. науч. конф. (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 15–16 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Е. В. Дьяконова, Н. В. Захарова, В. И. Иванова, Н. С. Фролова. – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 288–292.

311. Цзюй, Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов Австралии / Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13 : Народы и культуры Северо-Восточного Китая. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. – С. 391–402.

312. Цзюй, Куньи. Общее наследие русской и китайской истории / Цзюй Куньи // Молодежь XXI века: шаг в будущее : материалы XIX регионал. науч.-практ. конф. (ДальГАУ, г. Благовещенск, 23 мая 2018 г.). – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2018. – С. 115–116.

313. Цмыкал, О. Е. Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен / О. Е. Цмыкал // Религиоведение. – 2021. – № 1. – С. 124–135.

314. Чжан, Жуян. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трехречья в семейных фотографиях / Чжан Жуян // Традиционная культура. – 2019. – № 4. – С. 88–96.

315. Чжан, Жуян. Китайский и русский текст в фольклоре русских Трехречья / Чжан Жуян // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая :

материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 332–338.

316. Чжан, Жуян. Нарративизация семейных фотоколлекций: в поисках исторической памяти и этнической самобытности русских Трёхречья / Чжан Жуян., А. А. Забияко // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 74– 87.

317. Чжан, Жуян. Фольклорные жанры русских Трёхречья. Характеристика и особенности бытования / Чжан Жуян // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIX регионал. науч.-практ. конференции (г. Благовещенск, ДальГАУ, 2018 г.): в 3 т. – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2018. – Т. 1. – С. 122–123.

318. Чжан, Жуян. Этнокультурные константы гидронимики Приамурья: три мифа о Черном Драконе и названия реки Хэйлунцзян / Чжан Жуян, А. А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 280–294.

319. Чистов, К. В. Специфика фольклора в свете теории информации / К. В. Чистов // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). – М., 1975. – С. 26–43.

320. Чудакова, М. О. Избранные работы. Т. I : Литература советского прошлого / М. О. Чудакова. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 472 с.

321. Шахматов, П. Трёхречье. Воспоминания / П. Шахматов. – Томск : Красное знамя, 2014. – 344 с.

322. Шестеркина, Н. В. Миф как когнитивная парадигма / Н. В. Шестеркина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №2. – С. 40–49.

323. Шмейсер, М. Светлый праздник в Харбине / М. Шмейсер // Рубеж. – Харбин, 1939. – № 15. – 9 апр. – С. 21.

324. Штейн, Э. В поисках исчезнувшей Атлантиды / Э. Штейн // Новый журнал. – 1999. – № 214. – С. 266–277.

325. Щеглова, Т. К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски / Т. К. Щеглова // Исторический курьер. – 2020. – № 5(13). – С. 8–22.
326. Щеголев, Н. А. Остров: сб. стихотворений / Н. А. Щеголев. – Шанхай : Изд-во Шанхайской студии поэтов «Остров», 1946. – 252 с.
327. Щеголев, Н. Победное отчаянье : сочинения / Сост. Вл. Резвый, А. Забияко ; под ред. Вл. Резвого ; послеслов. А. А. Забияко. – М. : Водолей, 2014. – 352 с.
328. Элиасов, Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II. Народные предания / Л. Е. Элиасов. – Улан-Удэ, 1960. – 181 с.
329. Эфендиева, Г. В. К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова / Г. В. Эфендиева, Я. В. Зиненко // Религиоведение. – 2015. – № 4. – С. 170–187.
330. Эфендиева, Г. В. Шекспировский контекст в лирике Нины Завадской (с версификации двух стихотворений поэтессы) / Г. В. Эфендиева // // Вестник Амурского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 50–64.
331. Янковский, В. Ю. От Сидеми до Новины: дальневосточная сага / В. Ю. Янковский. – Владивосток : Рубеж, 2011. – 606 с.
332. Янковский, М. Нэнуни. Дальневосточная одиссея / М. Янковский Ю. Янковский, В. Янковский. – Владивосток : Рубеж, 2012. – 640 с.
333. Ясникова, Т. Источник духа народа. Судьбоносные встречи Галины Медведевой-Афанасьевой. – Режим доступа : <https://moi-goda.ru/irkutsk-slovo-chitatelya/istochnik-ducha-naroda-sudbonosnie-vstrechi-galini-medvedevoy-afanasevoy>. – 21.09.2022.
334. Ястребов, А. Л. Свое и чужое: философско-социологическая реконструкция сценария культурной ассимиляции (к проблеме – русские в Китае и мире) / А. Л. Ястребов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – Вып. 7. – С. 285–298.
335. Zinenko, Y. V. Harbin image in the memories of its inhabitants / Y. V. Zinenko, Kunyi Ju // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. –

2021. – Vol. 107. – P. 1791–1796. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.237

336. 万建中. 从文学文本到文学生活—现代民间文学学术转向 / 万建中 // 西北民族研究. – 2018. – № 4. – 页. 134–141 [Ван Цзяньчжун. От литературных текстов к литературной жизни: академический поворот современной народной литературы / Ван Цзяньчжун // Исследования этнических групп Северо-Западного Китая. – 2018. – № 4. – С. 134–141].

337. 万建中. 民俗田野作业：让当地人说话 / 万建中 // 前沿论坛. – 2018. – № 5. – 页. 25–30 [Ван Цзяньчжун. Народные полевые работы: пусть говорят местные / Ван Цзяньчжун // Национальные искусства. – 2018. – № 5. – С. 25–30].

338. 万里. 湖湘文化大辞典 / 万里. – 长沙：湖南人民出版社, 2006. – 2000 页. [Вань Ли. Словарь культуры Хусян / Вань Ли. – Чаньша : Народное изд-во провинции Хунань, 2006. – 2000 с.].

339. 中东铁路 // 纪实台 央视网 (cctv.com) [КВЖД [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального телевидения Китая. Канал документальных фильмов]. – Режим доступа: <http://jishi.cntv.cn/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml>. – 14.08.2022.

340. 乌丙安. 中国民俗学 / 乌丙安. – 辽宁：辽宁大学出版社, 1985. – 36 页. [У Бинань. Китайский фольклор / У Бинань. – Ляонин : Изд-во Ляонинского ун-та, 1985. – 36 с.].

341. 任继愈. 宗教大辞典 / 任继愈. – 上海：上海辞书出版社, 1998. – 1272 页. [Жень Джиюй. Большой религиозный словарь / Жень Джиюй. – Шанхай : Шанхайское словарное изд-во, 1998. – 1272 с.].

342. 傅兴寰. 俄罗斯文学城市文本的代码系统 – 以彼得堡文本为例 / 傅兴寰 // 中国俄语教学. – 2017. – № 4. – 页. 52–60 [Фу Синхуань. Кодовая система городских текстов в русской литературе (на примере петербургских текстов) / Фу Синхуань // Русский язык в Китае. – 2017. – № 4. – С. 52–60].

343. 傅茂莲. 民族认同、文化认同和民族认同 / 傅茂莲 // 新加坡晨报. – 1999. – 页. 12 [Фу Маолянь. Этническая идентичность, культурная идентичность

и национальная идентичность / Фу Маолянь // Сингапурская утренняя газета. – 1999. – С. 12].

344. 克洛德·海然热. 语言人: 论语言学对人文科学的贡献 / 克洛德·海然热. 张祖建译. – 北京: 北京大学出版社, 2012. – 页. 84–85 [Клод Хайран. Лингвисты: о вкладе лингвистики в гуманитарные науки / К. Хайран; пер. Чжан Цзунцзянь. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2012. – С. 84–85].

345. 刁统菊. 感受、入户与个体故事:对民俗学田野伦理的思考[J]/ 刁统菊// 民俗研究. – 2020. – № 2. – 页. 13–22 [Дияо Тунцзюй. Чувства, бытовые и индивидуальные истории: размышления о полевой этике в фольклористике / Дияо Тунцзюй // Фольклорные исследования. – 2020. – № 2. – С. 13–22].

346. 刘德增. 山东移民史 / 刘德增. – 济南: 山东人民出版社, 2011. – 442 页. [Лю Дэцзэ. Шаньдунская миграционная история / Лю Дэцзэ. – Цзинань: Шаньдунское народное изд-во, 2011. – 442 с.].

347. 刘泽荣. 俄汉大辞典 / 刘泽荣. – 北京: 商务印书馆, 1960. – 1384 页. [Лю Цзэжун. Большой китайско-русский словарь / Лю Цзэжун. – Пекин: Коммерческое изд-во, 1960. – 1384 с.].

348. 刘耿生. 试论回忆录和口述档案 / 刘耿生 // 档案学研究. – 2001. – № 2. – 页. 30–32 [Лю Гэншэн. Обсуждение воспоминаний и устных архивов / Лю Гэншэн // Архивные научные исследования. – 2001. – № 2. – С. 30–32].

349. 刘艳萍. 20世纪上半叶哈尔滨俄罗斯侨民文学与报刊 / 刘艳萍 // 延边大学学报(社会科学版). – 2014. – № 2. – 页. 118–122 [Лю Яньпин. Литература и газеты русского зарубежья в Харбине в первой половине XX века / Лю Яньпин // Вестник Яньбяньского университета. Сер.: Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 118–122].

350. 刘铁梁. 个人叙事与交流式民俗志: 关于实践民俗学的一些思考 / 刘铁梁 // 民俗研究. – 2019. – № 1. – 页. 5–13 [Лю Тялян. Личностный нарратив и коммуникативный фольклор: некоторые размышления о практическом фольклоре / Лю Тялян // Фольклорные исследования, – 2019. – № 1. – С. 5–13].

351. 刘铁梁. 感受生活的民俗学 / 刘铁梁 // 民俗研究. – 2011. – № 2. – 页. 21–27 [Лю Телян. Фольклор ощущения жизни / Лю Телян // Фольклорные исследования. – 2011. – № 2. – С. 21–27].

352. 史书. 侨民宗教:哈尔滨东正教的特殊存在模式 / 史书 // 通化师范学院学报 2018. – № 7. – 页. 83–89 [Ши Шу. Религия диаспоры: особый режим существования Харбинской православной церкви / Ши Шу // Журнал Педагогического университета Тунхуа. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 7. – С. 83–89].

353. 叶蜚声. 语言学纲要 / 修订版. 叶蜚声, 徐通锵. 王洪君, 李娟, 修订. – 北京: 北京大学出版社, 2010. – 7 页. [Е Ишэн. Схема лингвистики / Е Ишэн, Сюй Тонги, Ван Хунцзюнь, Ли Хуан. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2010. – 7 с.].

354. 吕微. “内在的”和“外在的”民间文学 / 吕微 // 文学评论. – 2003. – № 3. – 页. 155–166 [Люй Вэй. «Внутренняя» и «внешняя» народная литература / Люй Вэй // Литературное обозрение. – 2003. – № 3. – С. 155–166].

355. 唐德刚. 小说和历史 / 唐德刚 // 史学与文学. – 上海 : 华东师范大学出版社, 1999. – 427 页. [Тан Деган. Художественная литература и история / Тан Деган // История и литература. – Шанхай : Изд-во Восточно-Китайского педагогического ун-та, 1999. – 427 с.].

356. 唐德刚. 张学良口述历史 / 唐德刚. – 北京 : 中国档案出版社, 2007. 205 页. [Тан Дэган. Устная история Чжан Сюэляна / Тан Дэган. – Пекин : Изд-во китайских архивов, 2007. – 205 с.].

357. 唐戈. 东北地区东正教活态文化 / 唐戈 // 中国宗教. – 2000. – № 2. – 页. 42–43 [Тан Гэ. Живая православная культура на Северо-востоке Китая / Тан Гэ // Китайская религия. – 2000. – № 2. – С. 42–43].

358. 唐戈. 中国东北地区俄裔: 族称与族群认同 / 唐戈 // 西伯利亚研究. – 2004. – № 5. – 页. 49–53 [Тан Гэ. Русские потомки в Северо-восточном районе Китая: название народности и идентификация этнической группы / Тан Гэ // Исследование Сибири. – 2004. – № 5. – С. 49–53].

359. 唐戈. 中国俄罗斯族的族群认同及其变迁 / 唐戈 // 延边大学学报 (社会科学版). – 2015. – № 48(01). – 页. 92–98 [Тан Гэ. Этническая идентичность и изменения танго / Тан Гэ // Янбийский университетский журнал. Сер.: Социальные науки. – 2015. – № 48(01). – С. 92–98].

360. 唐戈. 俄罗斯文化在中国: 人类学与历史研究 / 唐戈. – 哈尔滨: 北方文学出版社, 2010. – 293 页. [Тан Гэ. Русская культура в Китае: исследование по антропологии и истории / Тан Гэ. – Харбин: Север. лит. изд-во, 2010. – 293 с.].

361. 唐戈. 中国俄罗斯族的族群认同及其变迁. 延边大学学报(社会科学版), – 2015. – № 48(01). – 页. 92–98 [Тан Гэ. Этническая идентичность и изменения танго/ Тан Гэ // Янбийский университетский журнал. Сер.: Социальные науки. – 2015. – № 48(01). – С. 92–98].

362. 埃里克霍布斯鲍姆. 民族与民族主义 / 埃里克霍布斯鲍姆; 翻译 李金梅. – 上海: 上海人民出版社, 2000. – 195 页. [Хобсбаум Э. Национальность и национализм / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Ли Цзиньмэй. – Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2000. – 195 с.].

363. 孙传文. 黑龙江史研究 / 孙传文. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1983. – 370 页. [Сунь Чуаньвэнь. Исследование хэйлунцзянской истории / Сунь Чуаньвэнь. – Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 1983. – 370 с.].

364. 孙梅子. 20世纪末至21世纪初新彼得堡文本意象特征探析 / 孙梅子 // 黑河学院报. – 2020. – № 11(03). – 页. 115–117 [Сунь Мэйцзы. Анализ образных характеристик новопетербургских текстов конца XX – начала XXI века // Журнал Хэйхэского университета. – 2020. – № 11(03). – С. 115–117].

365. 定宜庄. 口述传统与口述历史 / 定宜庄 // 广西民族学院学报 (哲学社会科学版). – 2003. – № 3. – 页. 76–78 [Дин Ичжуан. Устная традиция и устная история / Дин Ичжуан // Журнал Гуансиского национального университета. Сер.: Философия и социальные науки. – 2003. – № 3. – С. 76–78].

366. 廖久明. 回忆录的定义、价值及使用态度与方法 / 廖久明 // 现代文学世界. – 2018. – № 1. – 页. 92–101 [Ляо Цзюмин. Определение, ценность, отношение

и метод использования мемуаров / Ляо Цзюмин // Современный литературный мир. – 2018. – № 1. – С. 92–101].

367. 张举文. 从走向民间的田野到走在民间的实地：意识形态范式的转换 / 张举文 // 民俗研究. – 2020. – № 2. – 页. 5–13 [Чжан Цзювен. От посещения народных полей до прогулок по народным полям: трансформация идеологической парадигмы / Чжан Цзювен // Фольклористика. – 2020. – № 2. – С. 5–13].

368. 张克明. 中华人民共和国大辞典 / 张克明. – 北京：中国国际广播出版社, 1989. – 734页. [Чжан Кэмин. Словарь знаний Китайской Республики / Чжан Кэмин. – Пекин：Китайская международная радиовещательная пресса, 1989. – 734 с.].

369. 张妹. 闯关东精神的丰富内涵及价值支撑研究 / 张妹 // 中共济南市委党校学报. 2019. – № 1. – 页. 59–64 [Чжан Мэй. Исследования богатых коннотаций и ценностей «Перехода в Гуаньдун» / Чжан Мэй // Журнал партийной школы Цзинаньского горкома КПК. – 2019. – №1. – С. 59–64].

370. 张宪文. 中国现代史史料学 / 张宪文. – 山东：山东人民出版社, 1986. – 201页. [Чжан Сяньвэнь. Наука об исторических материалах современной китайской истории / Чжан Сяньвэнь. – Шаньдун：Народное изд-во Шаньдуна, 1986. – 201 с.].

371. 张紫晨. 中国民俗与民俗学 / 张紫晨. – 浙江：人民出版社, 1986. – 354页. [Чжан Цзычэнь. Китайский фольклор и фольклористика. – Чжэцзян：Народное изд-во, 1986. – 354 с.].

372. 张绥. 东正教和东正教在中国 / 张绥. – 上海：学林出版, 1986. – 345页. [Чжан Суй. Православие и православные церкви в Китае / Чжан Суй. – Шанхай：Изд-во «Сюелин», 1986. – 345 с.].

373. 张锦. 口述档案，口述传统与口述历史：概念的混淆及其成因 / 张锦 // 档案学研究. – 2019. – № 2. – 页. 5–22 [Чжан Цзинь. Устные архивы, устная традиция и устная история: концептуальная путаница и ее причины / Чжан Цзинь // Архивные исследования. – 2019. – № 2. – С. 5–22].

374. 彭伟. 回顾俄罗斯移民文化及其发展和使用 / 彭伟. – 哈尔滨 : 经济评论, 2010. – 245 页. [Пэн Вэй. Обзор культуры русской эмиграции и их развитии и использовании / Пэн Вэй. – Харбин : Экономический обзор, 2010. – 245 с.].

375. 徐庆全. 威权史观与回忆录的写作 / 徐庆全 // 中国新闻周刊. – 2008. – № 48. – 页. 74 [Сюй Цинцюань. Исторический подход власти и написание мемуаров / Сюй Цинцюань // Еженедельник новостей Китая. – 2008. – № 48. – С. 74].

376. 时春丽. 俄罗斯民族认同研究 – 以室韦俄罗斯民族乡为例 / 时春丽. – 北京 : 中央民族大学, 2003. – 171 页. [Ши Чуньли. Исследование идентичности русской народности. На примере русской деревни Шивэй : дис. ... д-ра наук / Ши Чуньли. – Пекин : Центральный ун-т национальностей, 2003. – 171 с.].

377. 曾托. 谈东正教在中国的传播和影响. 辽宁师专学报 (社会科学版). – 2011. – № 4. – 页. 141–142 [Цзэн, Туо. О распространении и влиянии православия в Китае // Журнал Ляонинского педагогического колледжа. Сер. : Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 141–142].

378. 朱志敏. 口述史与回忆录 / 朱志敏 // 北京党史. – 2006. – № 6. – 页. 31–32 [Чжу Чжимин. Устная история и мемуары / Чжу Чжимин // Пекинская партийная история. – 2006. – № 6. – С. 31–32].

379. 朱红琼. 二十世纪的俄罗斯移民文学 / 朱红琼 // 公共科学 – 2010. – № 6. – 页. 145–151 [Чжу Хунцюн. Русская эмигрантская литература XX в. / Чжу Хунцюн // Общественный ученый. – 2010. – № 6. – С. 145–151].

380. 李传勋. 哈尔滨历史文化研究 / 李传勋. – 哈尔滨 : 黑龙江大学出版社, 2017. – 342 页. [Ли Чуаньсюнь. Исследования истории и культуры Харбина / Ли Чуаньсюнь. – Харбин : Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2017. – 342 с.].

381. 李娜. 中俄民居中的文化现象 / 李娜. – 西安: 西安外国语大学, 2001. – 64 页. [Ли На. Культурный феномен в китайско-русских народных селениях: дис. ... магистра / Ли На. – Сиань : Сианьский ун-т иностр. языков, 2001. – 64 с.].

382. 李延龄. 中国, 我爱你 / 李延龄 主编, 李蔷薇 译, 荣洁 译, 唐逸红 译. – 哈尔滨: 北方文艺出版社; 黑龙江教育出版社, 2002. – 366 页. [Ли Яньлин. Китай, я люблю тебя / Под ред. Ли Яньлин; пер. Ли Цянвэй, Ронг Цзе, Тан Ихун. – Харбин: Северная литература и искусство; Хэйлунцзянское образование, 2002. – 366 с.].

383. 李延龄. 中国俄罗斯侨民文学 / 李延龄. – 北京: 中国青年, 2005. – 706 页. [Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 2 / Ли Яньлин. – Пекин: Китайская молодёжь, 2005. – 706 с.].

384. 李延龄. 哈尔滨, 我的摇篮 / 李延龄主编, 顾蕴璞 译, 李海 译. – 哈尔滨: 北方文艺出版社; 黑龙江教育出版社, 2002. – 324 页. [Ли Яньлин. Харбин – моя колыбель / Под ред. Ли Яньлин; пер. Гу Юнпу, Ли Хай. – Харбин: Северная литература и искусство; Хэйлунцзянское образование, 2002. – 324 с.].

385. 李延龄. 松花江晨曲 / 李延龄 主编, 谷羽 译. – 哈尔滨: 北方文艺出版社; 黑龙江教育出版社, 2002. – 398 页. [Ли Яньлин. Утренняя песня Сунгари / Под ред. Ли Яньлин; пер. Гу Юй. – Харбин: Северная литература и искусство; Хэйлунцзянское образование, 2002. – 398 с.].

386. 李延龄. 松花江畔紫丁香 / 李延龄 主编, 李延龄 译, 乌兰汗 译. – 哈尔滨: 北方文艺出版社; 黑龙江教育出版社, 2002. – 355 页. [Ли Яньлин. Сирены у Сунгари / Под ред. Ли Яньлин; пер. У Ланьхань. – Харбин: Северная литература и искусство; Хэйлунцзянское образование, 2002. – 355 с.].

387. 李忠. 当代民族认同研究述评 / 李忠, 石文典 // 西北民族大学学报. – 2008. – № 3. – 页. 24–28 [Ли Чжун. Обзор исследований по современной национальной идентичности / Ли Чжун, Ши Вэньдянь // Газета Северо-западного университета национальностей. – 2008. – № 3. – С. 24–28].

388. 李莎. 缘分李立三夫人李莎回忆录 / 李莎, 李英男, 姜涛. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. – 411 页. [Ли Ша. Судьба-мемуары жены Ли Лисаня Ли Ша / Ли Ша. Ли Иннань, Цзян Тао. – Пекин: Изд-во научной литературы и литературы на иностранных языках, 2009. – 411 с.].

389. 李述笑. 哈尔滨历史编年/ 李述笑. – 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2000. – 423 页. [Ли Шусяо. Харбинская историческая летопись / Ли Шусяо. – Харбин: Харбинское изд-во, 2000. – 423 с.].
390. 杜兴. 民间绝唱: 王宝川下关东 / 杜兴 // 看历史. – 2008. – № 2. – 页. 29–30 [Ду Син. Народная песня «Ван Хуэйчуань, бегущий в Гуаньдун» / Ду Син // Взгляд на историю. – 2008. – № 2. – С. 29–30].
391. 杨家翔. 阿兰·内文斯史学探析 / 杨家翔. – 江西: 江西师范大学, 2018. – 89 页. [Ян Цзясян. Историография Алана Невинса: дис. ... магистра / Ян Цзясян. – Цзянси: Педагогический ун-т Цзянси, 2018. – 89 с.].
392. 杨宾. 柳边纪略 / 杨宾. – 上海: 商务印书馆, 1936. – 54 页. [Ян Бинь. Очерки ивового палисада / Ян Бинь. – Шанхай: Коммерческое изд-во, 1936. – 54 с.].
393. 杨慧. 现代中国文学中的白俄叙事1920 – 30年代 / 杨慧. – 厦门, 2010. – 25 页. [Ян Хуй. Белоэмигрантские повествования в современной китайской литературе 20–30 гг. XX в. / Ян Хуй: дис. магистра. – Сямэнь, 2010. – 25 с.].
394. 杨明明. 从文学文本到文化文本 – 彼得堡文艺学派的民族性诉求 / 杨明明 // 当代外国文学. – 2017. – № 4. – 页. 116–122 [Ян Минмин. От художественных текстов к культурным текстам: народная привлекательность Петербургской школы словесности и искусства / Ян Минмин // Современная зарубежная литература. 2017. – № 4. – С. 116–122].
395. 杨祥银. 与历史对话: 口述史学的理论与实践 / 杨祥银. – 北京: 中国社会科学出版社, 2004. – 5 页. [Ян Сянъинь. Диалог с историей: теория и практика устной истории / Ян Сянъинь. – Пекин: Китайская социальная наука, 2004. – 5 с.].
396. 杨祥银. 口述史研究: 第一辑 / 杨祥银. – 北京: 社会科学文献出版社, 2014. – 440 页. [Ян Сянъинь. Исследование устной истории: в 4 т. Т. 1 / Ян Сянъинь. – Пекин: Литература по общественным наукам, 2014. – 440 с.].

397. 杨祥银. 口述史研究: 第三辑 / 杨祥银. – 北京: 社会科学文献出版社, 2019. – 296 页. [Ян Сяньинь. Исследование устной истории: в 4 т. Т. 3 / Ян Сяньинь. – Пекин: Литература по общественным наукам, 2019. – 296 с.].

398. 杨祥银. 口述史研究: 第二辑 / 杨祥银. – 北京: 社会科学文献出版社, 2018. – 273 页. [Ян Сяньинь. Исследование устной истории: в 4 т. Т. 2 / Ян Сяньинь. – Пекин: Литература по общественным наукам, 2018. – 273 с.].

399. 杨祥银. 口述史研究: 第四辑 / 杨祥银. – 北京: 社会科学文献出版社, 2019. – 253 页. [Ян Сяньинь. Исследование устной истории: в 4 т. Т. 4 / Ян Сяньинь. – Пекин: Литература по общественным наукам, 2019. – 253 с.].

400. 杨祥银. 美国现代口述史学研究 / 杨祥银. – 北京: 中国社会科学出版社, 2016. – 16页. [Ян Сяньинь. Исследования современной устной истории Америки / Ян Сяньинь. – Пекин: Изд-во китайской социальной науки, 2016. – 16 с.].

401. 杨立文. 口述史学在历史学中的功用和地位 / 杨立文 // 北大史学. – 北京: 北京大学出版社. – 1993. – № 1. – 页. 120 [Ян Ливэнь. Функция и положение устной истории в историю / Ян Ливэнь // История Пекинского университета. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, – 1993. – № 1. – С. 120].

402. 栾景河. 中俄关系的历史与现实 / 栾景河. – 开封: 河南大学出版社, – 2004. – 855 页. [Луань Цзинхэ. История и современное состояние китайско-русских отношений / Луань Цзинхэ. – Кайфэн: Изд-во Хэнаньского ун-та, – 2004. – 855 с.].

403. 汤普逊 保尔. 过去的声音 – 口述史 / 译 覃方明, 渠东, 张旅平. – 沈阳: 辽宁教育出版社, 2000. – 406页. [Томпсон П. Голоса прошлого – устная история / Пер. с англ. Цинь Фанмин, Цюй Донг, Чжан Лупин. – Шэньян: Ляонинское образовательное изд-во, 2000. – 406 с.].

404. 潘刚. 民俗语境下非物质文化遗产传承人口述史原则与方法 / 潘刚, 马知遥 // 云南师范大学学报 (哲学社会科学版). – 2015. – № 1. – 页. 63–68 [Пан Ган. Принципы и методы устной истории для наследования нематериального культурного наследия в контексте фольклора / Пан Ган, Ма Чжияо // Журнал

Юньнаньского педагогического ун-та. Сер. : Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 63–68].

405. 王亚民. 哈尔滨俄罗斯侨民文学在中国 / 王亚民, 郭颖颖 // 中国俄语教学. – 2005. – № 2. – 页. 53–56 [Ван Яминь. Харбинская русская эмигрантская литература в Китае / Ван Яминь, Го Инин // Русский язык в Китае. – 2005. – № 2. – С. 53–56].

406. 王亚民. 哈尔滨的俄罗斯侨民文学—以阿恰伊尔和佩列列申为中心 / 王亚民 // 西北师大学报 (社会科学版). – 2005. – № 2. – 页. 83–86 [Ван Яминь. О рассказах русского писателя-эмигранта А. П. Хейдока / Ван Иаминь // Вестник Ланьчжоуского университета. Сер. : Общественная наука. – 2005. – № 5. – С. 83–86].

407. 王希恩. 民族过程与国家 / 王希恩. – 兰州 : 甘肃人民出版社, 1997. – 314 页. [Ван Сиэнь. Государство и национальные процессы / Ван Сиэнь. – Ланьчжоу : Ганьсуское народное изд-во, 1997. – 314 с.].

408. 王德刚. 民俗文化的当代价值—基于民俗学者深度访谈与文献对读研究 / 王德刚 // 民俗研究. – 2019. – № 2. – 页. 33–50 [Ван Деган. Современная ценность народной культуры (на материале подробных интервью с фольклорными учеными и исследованиями чтения литературы) / Ван Деган // Фольклористика. – 2019. – № 2. – С. 33–50].

409. 王志军. 哈尔滨俄罗斯东正教史研究综述 / 王志军 // 世界宗教文化. – 2015. – № 6. – 页. 149–157 [Ван Чжицзюнь. Краткое изложение исследований по истории русского православия в Харбине / Ван Чжицзюнь // Мировая религиозная культура. – 2015. – № 6. – С. 149–157].

410. 王志成. 上海俄罗斯移民史 / 王志成. – 上海: 上海三联书店, 1993. – 832 页. [Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Чжичэн Ван. – Шанхай : Книжный магазин «Саньянь» Шанхая, 1993. – 832 с.].

411. 王志成. 俄罗斯移民在上海的现代生活 / 王志成. – 上海: 上海词典出版社, 2008. – 569页. [Ван Чжичэн. Жизнь русских эмигрантов в современном

Шанхае / Ван Чжичэн. – Шанхай : Изд-во словарей Шанхая, 2008. – 569 с.].

412. 王欣睿. 闯关东文学. – 长春: 吉林大学, 2016. – 306页. [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуаньдун». – Чанчунь : Цзилиньский университет, 2016. – 306 с.].

413. 王海光. 回忆录的写作与当代史的存史 / 王海光 // 理论学刊. – 2007. – № 4. – 页. 96–100 [Ван Хайгуан. Написание мемуаров и существующая история современной истории / Ван Хайгуан // Журнал теорий. – 2007. – № 4. – С. 96–100].

414. 王润泽. 口述史学: 作为独立分支学科的理据 / 王润泽, 雷晓彤 // 南昌工程学院学报. – 2014. – № 5. – 页. 19–24 [Ван Жунце. Устная история: мотивация как самостоятельная отрасль науки / Ван Жунце, Лэй Сяотун // Журнал Наньчанского технологического института. – 2014. – № 5. – С. 19–24].

415. 王莹. 试论俄罗斯移民在哈尔滨的生活 / 王莹 // 才智. – 2016. – № 1. – 页. 261–262 [Ван Ин. О жизни русских эмигрантов в Харбине / Ван Ин // Умение и мудрость. – 2016. – № 1. – С. 261–262].

416. 石方. 中国人口迁移史稿 / 石方. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1990. – 534 页. [Ши Фан. История миграции населения Китая / Ши Фан. – Харбин : Хэйлуңцзянское народное изд-во, 1990. – 534 с.].

417. 石方. 哈尔滨俄侨史 / 石方, 刘爽, 高凌. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003. – 630 页. [Ши Фан. История русских эмигрантов Харбина / Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. – Харбин : Хэйлуңцзянское народное изд-во, 2003. – 630 с.].

418. 穆馨. 俄罗斯侨民文学在哈尔滨 / 穆馨 // 黑龙江社会科学. – 2004. – № 4. – 页. 93–95 [Му Синь. Литература русского зарубежья в Харбине / Му Синь // Общественные науки Хэйлуңцзяна. – 2004. – № 4. – С. 93–95].

419. 罗纳德·杰里. 口述历史和档案 : 哥伦比亚大学口述历史中心的案例研究 / 罗纳德·杰里, 科里·罗比, 玛丽·克拉克 // 口述历史研究 (第一辑). – 北京: 社会科学文献出版社, 2014. – № 1. – 页. 33–50 [Джерри Р. Устная история и архивы: на примере опыта Центра устной истории Колумбийского университета / Р. Джерри,

К. Робби, М. Кларк // Исследования устной истории. – Пекин : Изд-во литературы по общественным наукам, 2014. – Вып. 1. – С. 33–50].

420. 耿文辉. 中华谚语大辞典 / 耿文辉. – 沈阳 : 辽宁人民出版社, 1991. 1504 页. [Гэн Вэньхуэй. Словарь китайских пословиц / Гэн Вэньхуэй. – Шеньян : Ляонинское народное изд-во, 1991. – 1504 с.].

421. 胡佛. 美国的口述史 / 译 正一 // 现代外国哲学社会科学文摘. 1982. – 页. 21–25 [Гувер Г. Т. Устная история Америки / Г. Т. Гувер ; пер. с англ. Чжэн И // Сборник современной зарубежной философии и социальных наук. – 1982. – № 11. – С. 21–25].

422. 胡博雅. 哈尔滨俄罗斯侨民与中俄文化的交汇融合 / 胡博雅, 鲁刚 // 黑龙江省社会主义学院学报. – 2010. – № 6. – 页. 43–46 [Ху Боя. Взаимодействие русских эмигрантов в харбине и китайско-русской культуры / Ху Боя, Лу Ган // Журнал Хэйлуунцзянского института социализма. – 2010. – № 6. – С. 43–46].

423. 自我叙述–论民俗学的“自反性” / 田岳久, 译 中村贵, 程亮 // 文化遗产, – 2017. – № 5. – 页. 74–83 [Кадида Юэхиса. Рассказ о себе. О «рефлексивности» фольклора / Кадида Юэхиса ; пер. с япон. Такаси Накамура, Чэн Лян // Культурное наследие. – 2017. – № 5. – С. 74– 83].

424. 苗慧. 是俄罗斯的,也是中国的–论中国俄罗斯侨民文学也是中国文学 / 苗慧 // 俄罗斯文艺. – 2003. – № 4. – 页. 75–77 [Мяо Хуэй. Принадлежащие России и Китаю. Русская эмигрантская литература в Китае является и русской, и китайской литературой / Хуэй Мяо // Русская литература и искусство. – 2003. – № 4. – С.75–77].

425. 荣洁. 俄侨与黑龙江文化 – 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响 / 荣洁. – 哈尔滨 : 黑龙江大学出版社有限责任公司, 2011. – 224 页. [Жун Цзе. Русская эмиграция и хэйлуунцзянская культура: влияние русской эмиграции на Харбин / Жун Цзе. – Харбин : Изд-во Хэйлуунцзянского ун-та, 2011. – 224 с.].

426. 萧军. 八月的乡村 / 萧军 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册 1. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 308 页. [Сяо Цзюнь. Деревня в августе / Сяо Цзюнь // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. – Пекин: Изд-во «Хуася», 2008. – 308 с.].

427. 萧军. 八月的乡村 / 萧军 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 1. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 31–155 [Сяо Цзюнь. Деревня в августе // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. – Пекин: Изд. дом «Хуася», 2008. – С. 31–155].

428. 萧军. 第三代 / 萧军 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 2. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 407 页. [Сяо Цзюнь. Третье поколение // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. – Пекин: Изд. дом «Хуася», 2008. – 407 с.].

429. 萧军. 第三代 / 萧军 // 萧军. 萧军全集: 20卷. 册. 3. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 435 页. [Сяо Цзюнь. Третье поколение // Сяо Цзюнь. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. – Пекин: Изд. дом «Хуася», 2008. – 435 с.].

430. 萧红. 呼兰河传 / 萧红. – 长春: 时代文艺出版社, 2019. – 194 页. [Сяо Хун. Сказание о Хулань / Сяо Хун. – Чанчунь: Время литературы и искусства, 2019. – 194 с.].

431. 董晓萍. 从民俗学的角度研究老字号—地方文献与口述史互补的研究过程与方法 / 董晓萍 // 民俗典籍文字研究, – 2018. – № 1. – 35–49页. [Дун Сяопин. Исследование проверенных веками клейм с точки зрения фольклора: процесс исследования и метод взаимодополнения местных документов и устной истории / Дун Сяопин // Исследования классического фольклора. – 2018. – № 1. – С. 35–49].

432. 赵丹. 黑龙江省的俄罗斯民俗文化研究 / 赵丹. – 哈尔滨: 黑龙江大学, 2001. – 40 页. [Чжао Дань. Исследование культуры и традиции русской народности в провинции Хэйлунцзян: дис. ... магистра / Чжао Дань. – Харбин: Хэйлунцзянский ун-т, 2001. – 40 с.].

433. 辛志凤. 闯关东精神是具有东北特色的民族精神 / 辛志凤 // 中国民族博览. – 2020. – № 4. – 页. 103–104 [Синь Чжифен. Переход в Гуандун – национальный дух с северо-восточным национальным характером / Синь Чжифен // Китайская национальная выставка. – 2020. – № 4. – С. 103–104].

434. 邓波. 俄罗斯族 / 邓波. – 北京 : 人民出版社, 1995. – 113 页. [Дэн Бо. Русская народность / Дэн Бо. – Пекин : Народное изд-во, 1995. – 113 с.].
435. 邓肯·艾姆里奇. “民 – 俗”: 威廉·汤姆斯 / 邓肯·艾姆里奇 著 俞祎珺 余力舒 译 // 民间文化论坛. – 2018. – № 6. – 页. 39–55 [Эмрих Д. Фольклор / Д. Эмрих ; пер. Ю Ицзюнь, Ю Лишу // Форум народной культуры. – 2018. – № 6. – С. 39–55].
436. 郑捷. 尼·巴依科夫的作品及创作特色 / 郑捷 // 中国科技情报. – 2006. – № . 4. – 页. 332 [Чжэн Цзе. Произведение и специфика творчества / Цзе Чжэн // Информация о науке и технике Китая. – 2006. – № 4. – С. 332].
437. 郑永旺. 俄罗斯东正教与黑龙江文化 / 郑永旺. – 哈尔滨 : 黑龙江大学. 2010. – 223页. [Чжэн Юнван. Русская православия и хэйлунцзянская культура / Чжэн Юнван. – Харбин : Хэйлунцзянский ун-та, 2010. – 223 с.].
438. 郑永旺. 论满洲俄罗斯华侨的精神遗产 / 郑永旺. – 辽宁: 东北亚外语研究, – 2013. – № 3. – 页. 9–13 [Чжэн Юнван. О духовном наследии русских заморских китайцев в Маньчжурии / Чжэн Юнван. – Исследование иностранных языков в Северо-Восточной Азии. – Ляонин, 2013. – № 3.– С. 9–13].
439. 郭沫若. 中国史稿 / 郭沫若. – 北京 : 人民出版社, 1976. – № 4. – 423页. [Го Можо. Китайские исторические наброски / Го Можо. – Пекин : Народное изд-во, 1976. – №. 4. – 423 с.].
440. 里奇 唐纳德. 大家来做口述史 / 里奇 唐纳德. – 北京, 2019. – 368页. [Ричи Д. А. Давайте изучать устную историю. – Пекин, 2019. – 368 с.].
441. 金春子. 中国跨界民族 / 金春子, 王建民. – 北京 : 民族出版社, 1994. – 428 页. [Цзинь Чуньцзы. Китайская трансграничная национальность / Цзинь Чуньцзы, Ван Цзяньминь. – Пекин : Национальное изд-во, 1994. – 428 с.].
442. 钟少华. 进取集—钟少华文存 / 钟少华. – 北京 : 中国国际广播出版社. – 1998. – 414页. [Чжун Шаохуа. Предпринимательская коллекция / Чжун Шаохуа. – Пекин : Китайское международное вещание, 1998. – 414 с.].

443. 钱茂伟. 公众史学视野下的口述史性质及意义/ 钱茂伟// 学习与探索. – 2016. – № 1. – 页. 146–153 [Цянь Маовэй. Природа и значение устной истории с точки зрения публичной истории / Цянь Маовэй // Изучение и исследование. – 2016. – № 1. – С.146–153].

444. 阿兰·邓迪思. 世界民俗学/ 阿兰·邓迪思, 陈建宪, 彭海斌译. – 上海: 上海文艺出版社, 1990. – 423页. [Дундис А. Мир фольклора / А. Дундис; пер. Чэнь Цзяньсянь, Пэн Хайбинь. – Шанхай: Шанхайское литературно-художественное изд-во, 1990. – 423 с.].

445. 陈墨. 口述历史与语言学/ 陈墨// 西南大学学报 (社会科学版). – 2015. – № 4. – 页. 125–192 [Чен Мо. Устная история и лингвистика / Чен Мо // Журнал Юго-Восточного университета. Сер.: Общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 125–192].

446. 陈墨. 口述史学研究: 多学科视角 / 陈墨. – 北京: 人民出版社, 2015. – 320页. [Чен Мо. Устная история исследования: междисциплинарная перспектива / Чен Мо. – Пекин: Народное изд-во, 2015. – 320 с.].

447. 陈墨. 自传、回忆录与口述历史 / 陈墨 // 粤海风. – 2014. – №3. – 页. 24–27 [Чен Мо. Автобиография, мемуары и устная история / Чен Мо // Культура Гуандун. – 2014. – № 3. – С. 24– 27].

448. 陶立番. 中央民族大学出版社 / 陶立番. – 北京: 中央民族大学出版社, 1987. – 18 页. [Тао Липань. Введение в фольклор / Тао Липань. – Пекин: Изд-во китайского центрального ун-та национальностей, 1987. – 18 с.].

449. 马蔚云. 中东铁路与黑龙江文化: 中俄(苏)关系中的中东铁路问题 / 马蔚云 – 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2010. – 324页. [Ма Вэйюнь. КВЖД и Хэйлунцзянская культура / Ма Вэйюнь. – Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2010. – 210 с.].

450. 黄定天. 东北亚关系史 / 黄定天. – 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 1999. – 404 页. [Хуан Динтянь. История международных отношений в Северо-Восточной

Азии / Хуан Динтянь. – Харбин : Изд-во министерства образования провинции Хэйлунцзян, 1999. – 404 с.].

451. 黑龙江地方史. – Т. XVIII. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1992. – 770页. [Хэйлунцзянское краеведение. Т. XVIII. – Харбин : Хэйлунцзянское народное изд-во, 1992. – 770 с.].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фотографии информантов

Рисунок 1 – Инна Иннокентьевна Медведева (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 2 – Василий Дмитриевич Дронов (фото Цзюй Куньи)

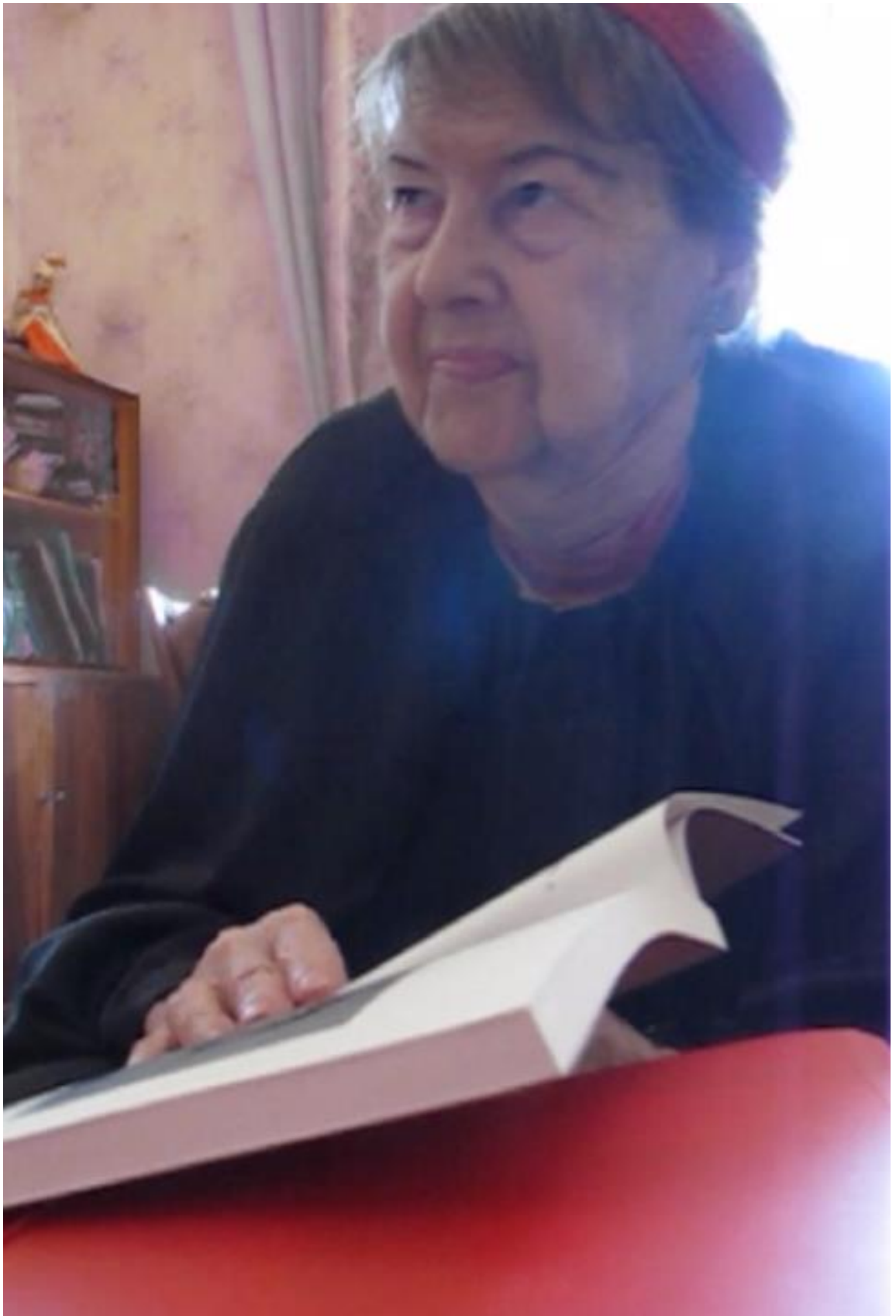

Рисунок 3 – Елена Петровна Таскина (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 4 – Татьяна Васильевна Чайкина (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 5 – Вера Николаева Пан (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 6 – Наталия Николаевна Лалетина (Николаева) (слева). Карловы Вары, 2018 г. (фото А.П. Забияко)

Рисунок 7 – Любовь Николаевна Шитова 李金玉, Li Jīnyu (Ли Цзиньюй).

Харбин, 2018 г. (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 8 – Ольга Викторовна Загоскина. г. Санкт-Петербург, 2016 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 9 – Маргарита Павловна Таут. г. Москва, 2016 г.
(фото А.А. Забияко)

Рисунок 10 – Варфоломей Семёнович Калугин (справа), его жена Апфия Логиновна (слева). г. Сидней, 2018 г. (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 11 – Виктор Михайлович Игнатенко. г. Сидней, 2018 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 12 – Павел Васильевич Шахматов. г. Сидней, 2018 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 13 – Людмила Александровна Соколова. г. Москва, 2017 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 14 – Евгения Борисовна Шергуд. г. Сидней, 2018 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 15 – Татьяна Павловна Лялина. г. Сидней, 2018 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 16 – Светлана Матвеевна Назарова (слева)
и Наталья Матвеевна Назарова (справа). г. Харбин, 2018 (фото А.А. Забияко)

Рисунок 17 – Александр Евдокимович Демидов. г. Сидней, 2018 г.
(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 18 – Чжэн Маочжэнь 郑茂珍 Zheng Maozhen. г. Харбин, 2020 г.

(фото Цзюй Куньи)

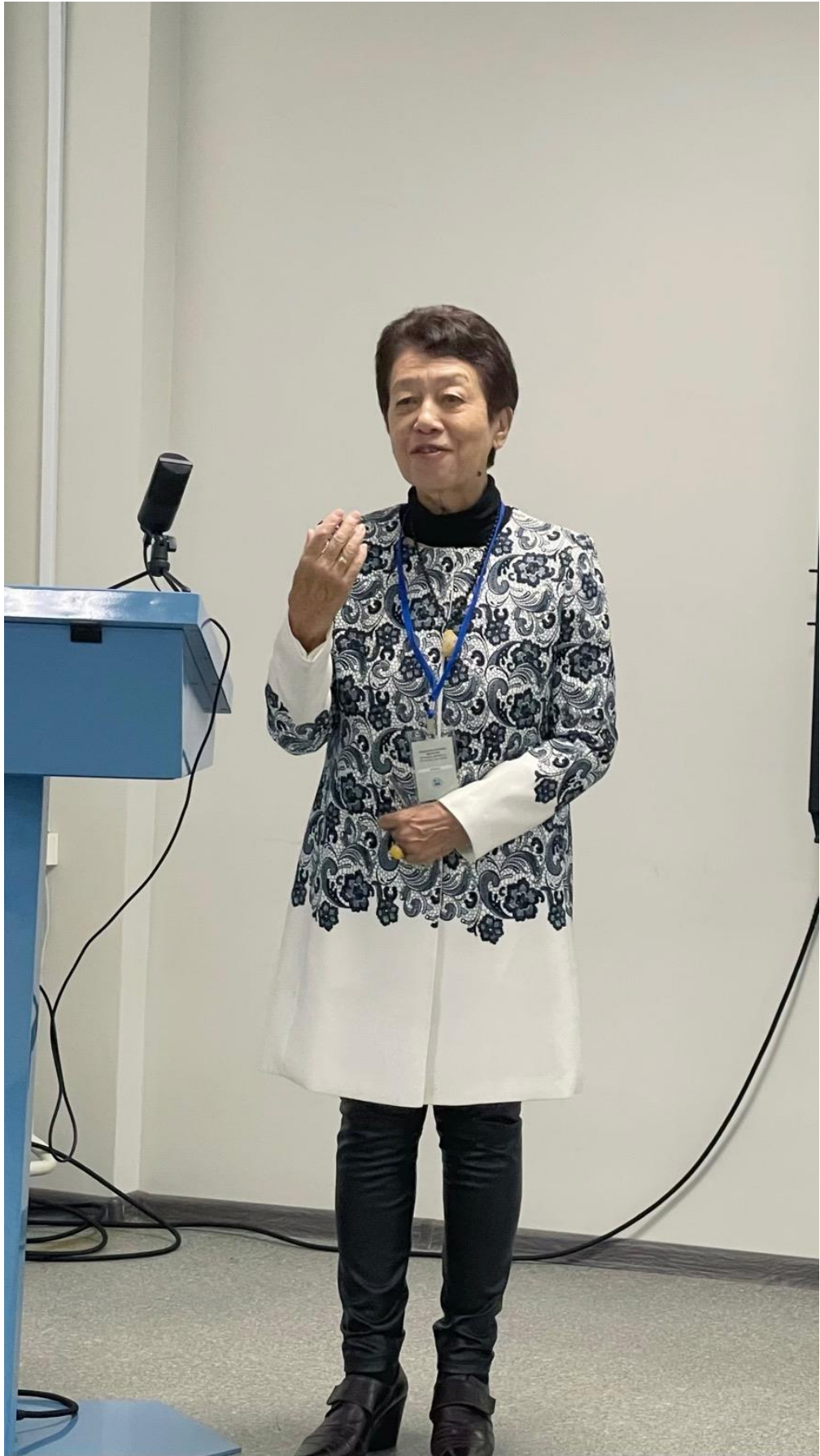

Рисунок 19 – Инна Александровна Ли 李英男, Li Yingnan (Ли Иннань).

г. Благовещенск, 2022 г. (фото А.А. Забияко)

Рисунок 20 – Фань Цзюаньцзюань 范娟娟 Fan Juanjuan. г. Пекин, 2018 г.

(фото Цзюй Куньи)

Рисунок 21 – Чжоу Сяньцин 周显清, Zhōuxiǎnqīng
г. Харбин, 2021 (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 22 – Николай Николаевич Заика,
г. Сидней, 2018 (фото Цзюй Куньи)

Рисунок 23 – Валерий Джанович Руденко